

Научный журнал НАСЛЕДИЕ

№ 1 (20) (2022)

Редакционный совет:

Уйба В.В. – Глава Республики Коми, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель редакционного совета
Бороноев А.О. – докт. философ. наук, академик РАЕН, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Габушева Г.И. – заместитель Председателя Правительства Республики Коми
Мангоне Э. – профессор социологии культуры и коммуникации Университета Салерно (Италия), директор Международной исследовательской группы «Нарративы и социальные изменения», редактор журнала «Culture e Studi del Sociale»
Марков В.П. – канд. физ.-мат. наук, доцент, эксперт ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»
Николз Л. – профессор социологии департамента социологии и антропологии Университета Западной Виргинии (США)
Роцевский М.П. – академик, советник РАН
Скворцов Н.Г. – докт. социол. наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
Яковец Ю.В. – докт. экон. наук, профессор, академик РАЕН, президент Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева

Редакционная коллегия:

Кузванова О.Ю. – канд. истор. наук, директор ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина», главный редактор

Учредитель:

ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар)

Адрес редакции:

167000, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Советская, 30

Телефакс: +7-8212-201612

тел. +7-8212-201574

www: <http://rksorokinctr.org/>

e-mail: rksorokinctr@mail.ru

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

Чипсанова Е.А. – заместитель директора ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина», ответственный секретарь

Члены редколлегии:

Буланова М.Б. – докт. социол. наук, проф. кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета

Жеребцов И.Л. – докт. истор. наук, директор ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Зюев Н.Ф. – докт. философ. наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, научный руководитель Международного центра социальных исследований

Кузнецова Т.Л. – канд. филол. наук, зав. сектором литературоведения ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Ломоносова М.В. – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Савельева Э.А. – докт. истор. наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сергиева Н.С. – докт. филол. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Теребихин В.М. – канд. философ. наук, эксперт ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»

На обложке: Городской Народный Университет им. А.Л. Шаняевского на Миусской площади, г. Москва

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Анбур»

Отв. за выпуск В.И. Трошева

Верстка – С.И. Оверин. Корректор Г.Г. Оверина

Подписано в печать 25.08.2022. Формат 70x100^{1/16}.

Усл. печ. л. 15,48. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Коми республиканская типография»
167982, г. Сыктывкар, ул. В. Савина, 81

© ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина», 2022

© ООО «Анбур», 2022

ISSN 2312-0517

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

Социокультурная динамика

<i>Хренов Н.А.</i> Философия «бесовщины»: роман Ф. Достоевского и фильм В. Хотиненко (часть 2)	10
<i>Зюев Н.Ф.</i> Сорокин и проблема цивилизаций	31
<i>Тарговски Э.</i> Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций празднует 130-летие со дня рождения Питирима А. Сорокина, президента и основателя общества, с современным взглядом на его наследие	37
<i>Тулчинский Г.Л.</i> А был ли мальчик? О судьбе советского антропологического идеала	59

Из истории социологии

<i>Круглый стол</i> на тему «Интеллектуальное наследие П.А. Сорокина (к 100-летию выхода в свет «Системы социологии»)»	70
<i>Кутузова А.А.</i> А. Фуллье и П.А. Сорокин: к проблеме научной преемственности	98
<i>Тюгашев Е.А.</i> «Современные социологические теории» П.А. Сорокина: методологические заметки	107
<i>Ломоносова М.В., Быков А.С.</i> Предвестники голода на страницах социологической публицистики Питирима Сорокина периода Русской революции 1917 г.	116

Имя в контексте эпохи

<i>Буланова М.Б.</i> Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна Шанявские: союз во имя народного образования	128
---	-----

Социокультурный контекст литератур финно-угорских народов

<i>Пантелеева В.Г.</i> Удмуртская переводная детская литература 1920-х – 1950-х гг.: функции и персоналии	140
<i>Кузнецова Т.Л.</i> В переживании жизни ... (к 85-летию коми писателя Е.В. Рочева)	154

Научная жизнь

<i>Кузванова О.Ю.</i> Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.» 26–28 мая 2022 г.	165
<i>Антонов В.И.</i> Социология как призвание и смысл жизни (к 85-летию со дня рождения профессора А.О. Бороноева)	171

Первые шаги в науке

<i>Хвастунова В.С.</i> Особенности проявления буллинга в детско-подростковой среде в современных социокультурных условиях	177
<i>Палкин И.Р.</i> Социальный портрет малоимущей семьи с детьми (по результатам исследования в г. Сыктывкаре)	183
Сведения об авторах	188

ГБУ РК «Центр «Наследие»
имени Питирима Сорокина»

HERITAGE

Scientific magazine

№ 1 (20) (2022)

Editorial council:

Uyba V.V. – Head of the Komi Republic, honored scientist of the Russian Federation, chairman of the Editorial council

Boronoyev A.O. – doctor of philosophy, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, honorary professor of the St. Petersburg State University, honored worker of science of the Russian Federation

Gabusheva G.I. – Deputy Chairperson of the Government of the Komi Republic

Mangone E. – associate professor in sociology of culture and communication of the University of Salerno (Italy), director of the Narratives and Social Changes-International Research Group, editor of the Journal «Culture e Studi del Sociale»

Markov V.P. – candidate of physics and mathematics, associate professor, expert of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin»

Nikolz L. – professor in sociology of the Department of Sociology and Anthropology of the West Virginia University (USA)

Roshchevsky M.P. – academician, the adviser of the Russian Academy of Sciences

Skvortsov N.G. – doctor of sociology, professor, dean of the faculty of sociology of St. Petersburg State University

Yakovets Yu.V. – doctor of economics, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, president of the International Institute of Pitirim Sorokin – Nikolay Kondratyev

Editorial board:

Kuzivanova O.Yu. – candidate of history, director of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin», editor-in-chief

Chipsanova E.A. – deputy director of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin», executive secretary

Associate editors:

Bulanova M.B. – doctor of sociology, professor of the department of theory and history of sociology of the Russian State Humanitarian University

Zherebtsov I.L. – doctor of history, director of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Zyuzev N.F. – doctor of philosophy, professor of the Department of philosophy and socio-political sciences of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin, research supervisor of the International Center of Social Research

Kuznetsova T.L. – candidate of philology, sector chief of literature of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Lomonosova M.V. – candidate of sociology, associate professor of the department of theory and history of sociology of the St. Petersburg State University

Savelyeva E.A. – doctor of history, chief researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences

Sergiyeva N.S. – doctor of philology, professor of the Department of management and marketing of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin

Terebikhin V.M. – candidate of philosophy, expert of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin»

CONTENTS

Editorial	5
-----------------	---

Sociocultural dynamics

<i>Hrenov N.A.</i> The philosophy of «devilry»: a novel by F. Dostoevsky and a film by V. Khotinenko (part 2).....	10
<i>Zyuzev N.F.</i> Sorokin and the problem of civilizations.....	31
<i>Targowski A.</i> The ISCSC Celebrates the 130th Birth Anniversary of Pitirim A. Sorokin, the Founding President, with a Contemporary View of His Legacy	37
<i>Tulchinskii G.L.</i> Was there a boy? On the fate of the Soviet anthropological ideal	59

History of sociology

“Round table” «The intellectual heritage of P.A. Sorokin (to the 100th anniversary of the publication of «System of Sociology»)»	70
<i>Kutuzova A.A.</i> A. Fouillée and P.A. Sorokin: to the problem of scientific continuity	98
<i>Tyugashev E.A.</i> “Contemporary Sociological Theories” by P. A. Sorokin: methodological notes.....	107
<i>Lomonosova M.V., Bykov A.S.</i> Harbingers of famine in the pages of sociological publicism by Pitirim Sorokin during the Russian Revolution of 1917.....	116

Name in the context of an epoch

<i>Bulanova M.B.</i> Alfons Leonovich and Lydia Alekseevna Shanyavskie: union for the implementation of public education	128
---	-----

The Finno-Ugric peoples’ literature: sociocultural context

<i>Panteleeva V.G.</i> Udmurt translated children’s literature in the 1920s–1950s: functions and personalia.....	140
<i>Kuznetsova T.L.</i> In the experience of life... (to the 85th anniversary of the Komi writer E.V. Rochev).....	154

Scientific life

<i>Kuzivanova O.Yu.</i> The International Scientific Conference «Pitirim Sorokin and paradigms of global development of the XXI century» May 26–28, 2022 .	165
<i>Antonov V.I.</i> Sociology as a vocation and the meaning of life (to the 85th anniversary of the birth of Professor A.O. Boronov).....	171

First steps in science

<i>Khvastunova V.S.</i> Peculiarities of bullying in children and adolescent environment in modern sociocultural conditions.....	177
<i>Palkin I.R.</i> Social portrait of a poor family with children (based on the results of a study in Syktyvkar)	183
Authors	188

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

24 марта в Сыктывкаре состоялся круглый стол (Сорокинские чтения) на тему «Интеллектуальное наследие П.А. Сорокина (К 100-летию выхода в свет “Системы социологии”»». В Сорокинских чтениях традиционно приняли участие ученые, эксперты Центра «Наследие», преподаватели Сыктывкарского государственного университета имени П. Сорокина, руководители научных учреждений, молодые исследователи, а также представители исполнительных органов власти республики. Круглый стол был посвящен 100-летию с момента выхода фундаментального труда Питирима Сорокина «Система социологии».

Сорокинские чтения

С приветственным словом к присутствующим обратились министр национальной политики Республики Коми Р.В. Носков, ректор Сыктывкарского государственного университета имени П. Сорокина О.А. Сотникова и почётный эксперт Центра «Наследие» В.П. Марков.

Участники круглого стола обсудили историю замысла «Системы социологии» (старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН В.В. Сапов, заочно), изучили вклад П.А. Сорокина и Н.С. Тимашева в разоблачение мифов о России (профессор Российского гуманитарного университета, д.социол.н. М.Б. Буланова), рассмотрели взгляды П. Сорокина на теорию цивилизаций в современной интерпретации (профессор СГУ им.

П. Сорокина, научный руководитель Международного центра социальных исследований, д.филол.н. Н.Ф. Зюзев), начало жизни социолога в Новом свете (профессор СГУ им. П. Сорокина, д.филол.н. Н.С. Сергиева) и обсудили роль социологических исследований в формировании общественного доверия (доцент кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, к.социол.н. М.Р. Ткаченко). Заслушали доклады, посвященные связи П. Сорокина и русской исторической школы (к.истор.н., преподаватель СГУ им. П. Сорокина А.А. Кутузова), «научной лаборатории» П. Сорокина (к.истор.н., преподаватель СГУ им. П. Сорокина В.С. Русанова) и обсудили некоторые государственно-управленческие и научно-просветительские аспекты подготовки к 135-летию со дня рождения Питирима Сорокина (эксперт Центра «Наследие», к.филол.н. В.М. Терехин).

26–28 мая в Сыктывкаре состоялось крупное мероприятие, приуроченное к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина. Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.» собрала единомышленников, изучающих творчество нашего земляка, всемирно известного социолога Питирима Сорокина.

Первый день конференции был посвящен работе молодежной секции. Студенты СГУ им. П. Сорокина и Санкт-Петербургского государственного университета выступали с докладами, посвященными вопросам социологического осмысления роли и места интеллектуального наследия П.А. Сорокина в современном обществе.

Второй день конференции начался с возложения цветов к памятнику П.А. Сорокину. На открытии пленарного заседания конференции с приветственными словами к участникам обратились ректор СГУ им. П. Сорокина О.А. Сотникова, председатель Государственного Совета Республики Коми С.А. Усачёв, заместитель председателя Правительства Республики Коми Г.И. Габушева, и.о. директора Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук А.Ш. Шеломенцев, и.о. ректора Коми республиканской академии государственной службы и управления С.А. Ткачев, проректор по научной и инновационной деятельности СГУ им. П. Сорокина Н.Н. Новикова. В рамках пленарного заседания прозвучали доклады д. соц. наук, директора Социологического института РАН, профессора факультета социологии СПбГУ В.В. Козловского, д.филол.наук, в.н.с. Международного центра соци-

Сорокинские чтения. А.А. Кутузова, В.С. Русанова (слева направо)

Сорокинские чтения. М.Р. Ткаченко

Участники международной конференции на возложении цветов к памятнику П. Сорокину

альных исследований им. П. Сорокина Н.Ф. Зюзева, к.пед.наук, ученого секретаря западного филиала РАНХиГС В.В. Шаронова, к.соц.наук, доцента кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ М.В. Ломоносовой, к.соц.наук, старшего преподавателя кафедры общей социологии НИУ ВШЭ А.Ю. Долгова.

Во второй половине дня работа конференции продолжилась на секционных заседаниях в стенах Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина. Ученые рассмотрели вопросы права, морали, педагогики в творчестве Питирима Сорокина. Прозвучали доклады, посвященные социологической теории, методологии, истории социологии. Не остались в стороне вопросы, которым П. Сорокин посвящал значительную часть своего творчества, – проблемы глобальных процессов, социально-культурных трансформаций. Были рассмотрены также современные социальные процессы, вопросы теоретической социологии. В рамках работы конференции состо-

Пленарное заседание международной конференции.
Выступление А.Ю. Долгова

ялся круглый стол на тему «Питирим Сорокин: актуальные интерпретации», посвященный презентации изданий: книг «Черновики Питирима Сорокина», «Питирим Александрович Сорокин», автор Н.Ф. Зюзев; сборника «Идеи интегрализма в социальных науках: дискуссии российских и американских исследователей: сборник научных трудов» под редакцией Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгова, К. Родса; юбилейного выпуска журнала «Человек. Культура. Образование».

Завершилась работа конференции 28 мая подведением итогов и экскурсией в Музей истории и культуры Сыктывдинского района им. Э.А. Налимовой.

Очередной номер журнала «Наследие» открывается рубрикой «Социокультурная динамика». Здесь публикуется вторая часть статьи Н.А. Хренова, посвященной роману Ф. Достоевского «Бесы» и его кинематографическому воплощению режиссером В. Хотиненко.

Н.Ф. Зюзев представляет перевод с английского статьи профессора Университета Западного Мичигана (США) Э. Тарговски, посвященной П.А. Сорокину как президенту и основателю Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций.

Г.Л. Тульчинский в своей работе размышляет о российской творческой мысли в исторических поисках идеала свободной и ответственной личности. В этом ракурсе автором рассматривается и антропологический тип советского человека.

В разделе «Из истории социологии» публикуется несколько работ. Открывает рубрику материал круглого стола (Сорокинских чтений) на тему «Интеллектуальное наследие П.А. Сорокина (К 100-летию выхода в свет “Системы социологии”»).

Через призму проблемы преемственности научных традиций А.А. Кутузова прослеживает, как концилиационный метод А. Фуллье нашел свое продолжение в интегральном подходе П.А. Сорокина.

Свою статью Е.А. Тюгашев назвал «методологические заметки» и посвятил одному из наиболее известных трудов П.А. Сорокина – «Современным социологическим теориям» (1927). Автор подвергает критике сам сорокинский критический анализ социологических теорий.

М.В. Ломоносова и А.С. Быков в своей работе обращаются к социологической публицистике П.А. Сорокина периода Русской революции 1917 г. За несколько лет до того, как голод стал реальностью в Советском государстве, Сорокин сделал голод предметом историко-социологического анализа в своих публицистических статьях.

В разделе «Имя в контексте эпохи» публикуется работа М.Б. Булановой, посвященная малоизвестным страницам истории российской благотворительности в сфере народного образования в дореволюционный период. Автор воссоздает историю благотворительной деятельности супругов Шанявских, с именами которых связано создание Женского медицинского института в Санкт-Петербурге и Московского городского народного университета.

Раздел «Социокультурный контекст литератур финно-угорских народов» включает в себя две работы. Статья В.Г. Пантелеевой посвящена обзору и анализу переводческого дискурса удмуртской детской литературы первых советских десятилетий. Т.Л. Кузнецова в своей работе делает обзор литературного творчества коми писателя Е.В. Рочева, приуроченный к 85-летию юбилею писателя.

В разделе «Научная жизнь» помещена статья О.Ю. Кузивановой о Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (Сыктывкар, 26–28 мая 2022 г.).

Также редколлегия журнала «Наследие» публикует статью В.И. Антонова «Социология как призвание и смысл жизни», посвященную 85-летию со дня рождения российского ученого-социолога, профессора СПбГУ А.О. Бороноева. Редколлегия журнала «Наследие» выражает свою солидарность с автором и благодарит профессора А.О. Бороноева за годы плодотворного сотрудничества.

В этом номере журнала читатели представлена новая рубрика – «Первые шаги в науке», в рамках которой публикуются статьи студентов Института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета направления «социальная работа». В статье В.С. Хвастуновой исследуется проблема буллинга как вида деструктивного взаимодействия в школьной детско-подростковой среде. Работа И.Р. Палкина направлена на составление социального портрета малоимущей семьи.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

УДК 821.161.1

Н.А. Хренов
Москва

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

ФИЛОСОФИЯ «БЕСОВЩИНЫ»: РОМАН Ф. ДОСТОЕВСКОГО И ФИЛЬМ В. ХОТИНЕНКО (ЧАСТЬ 2)*

Цитирование: Хренов Н.А. Философия «бесовщины»: роман Ф. Достоевского и фильм В. Хотиненко (часть 2) // Наследие. 2022, № 1(20). – С.10–30.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.1>

Citation: Khrenov N.A. *Filosofiya «besovshchiny»: roman F. Dostoevskogo i fil'm V. Hotinenko (chast' 2)* [The philosophy of «devilry»: a novel by F. Dostoevsky and a film by V. Khotinenko (part 2)] // *Nasledie* [Heritage]. 2022, No. 1 (20). – pp.10–30.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.1>

В статье предпринят анализ романа Ф. Достоевского «Бесы» и сделаны некоторые наблюдения над попыткой режиссера В. Хотиненко представить его кинематографическое воплощение. Отдавая себе отчет в том, что при экранизации этого романа обычно на первый план выходит преимущественно уголовно-авантюрная тема (в кино вообще хорошо получаются сюжеты такого рода, что связано со спецификой этого вида искусства), автор пытается проанализировать те философские смыслы романа, без которых

---

* Окончание. Первую часть см. в журнале «Наследие» № 2(19) за 2021 г.

эстетики и поэтики произведений Ф. Достоевского не существует. Ставя своей целью продемонстрировать философские подтексты романа «Бесы», автор стремится показать, что Ф. Достоевский – не просто литератор, но и философ, а его идеи созвучны западной философии не только XIX, но и XX в. Так, в поле его зрения оказываются С. Кьеркегор и Ф. Ницше. Сквозь призму философских идей этих мыслителей постигаются и смыслы романа «Бесы». В этой связи обращает на себя внимание стремление автора представить героя романа – Николая Ставрогина – тем, что Ф. Ницше называет «сверхчеловеком». «Человекобог» как понятие, употребляемое Достоевским в романе, – это синоним «сверхчеловека» Ф. Ницше. Но Достоевский – не вообще философ. Он представляет такое направление в философии, которое в XX в. получает обозначение как философия экзистенциализма. Другой представитель русского экзистенциализма Л. Шестов прочитывает поздние романы Достоевского именно в этом ключе. Выделяя среди персонажей романа «Бесы» Ставрогина, автор стремится показать, что биографию и идеи этого центрального в романе героя, представляющего шестидесятников XIX в., а еще точнее – нигилистов, необходимо рассматривать в большом времени, начавшемся «вольтерьянством» XVIII в. и закончившемся декадансом рубежа XIX–XX вв. Достоевский предвосхищает не только русский ренессанс начала XX в., обозначаемый сегодня как Серебряный век, но и сопутствующий ему декаданс. Тем самым автор подтверждает идею Д. Мережковского, представившего Достоевского, как, впрочем, и Л. Толстого, предвосхищением того расцвета русской культуры, который известен как Серебряный век с его духовными и телесными прорывами, но также с тоской и влечением к Танатосу.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Бесы», Кьеркегор, Ницше, В. Соловьев, Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Булгаков, Кант, Д. Мережковский, Камю, нигилизм, позитивизм, романтизм, сверхчеловек, человекобог, богочеловек, экзистенциализм, Ставрогин, Верховенский, Бакунин, Нечаев, маркиз де Сад, декаданс, Легенда о Великом инквизиторе, человек из подполья, пещера Платона, большое время, В. Хотиненко.

Hrenov N.A. The philosophy of «devilry»: a novel by F. Dostoevsky and a film by V. Khotinenko (part 2).

The article analyzes the novel by F. Dostoevsky's «Demons». It also makes some observations on the attempt of director V. Khotinenko to present his cinematic incarnation. Realizing that the film adaptation of this novel usually comes to the fore mainly criminal-adventurous theme (in the cinema in general, this kind of plot is well obtained, and this is due to the specifics of this art form), the author tries to analyze the philosophical meanings of the novel, without which the aesthetics and poetics of the works of F. Dostoevsky simply does not exist. In order to demonstrate the philosophical implications of the novel «Demons», the author seeks to prove that F. Dostoevsky is not just a writer, but also a philosopher, and his ideas are in tune with Western philosophy, and not only of the nineteenth century, but also of the twentieth century. So, in the field of his vision are S. Kierkegaard and F. Nietzsche. Through the prism of the philosophical ideas of these thinkers, the meanings of the novel «Demons» are also comprehended. In this sense, the author's desire to present the hero of the novel – Nikolai Stavrogin – as what F. Nietzsche calls a «superman» is noteworthy. «The man-god as a concept used by Dostoevsky in the novel is a synonym for the «superman» by F. Nietzsche. But Dostoevsky is not a philosopher at all. It represents a trend in philosophy that in the twentieth century received the

designation as the philosophy of existentialism. Another representative of Russian existentialism, L. Shestov, reads Dostoevsky's later novels in this way. Distinguishing among the characters of the novel «Demons» by Stavrogin, the author seeks to show that the biography and ideas of this central character in the novel, representing the sixties of the nineteenth century, and, more precisely, the nihilists, must be considered in a large time, which began with the «Volterianism» of the XVIII century and ends with the decadence of the turn of the XIX–XX centuries. Dostoevsky anticipates not only the Russian Renaissance of the early twentieth century, which today is referred to as the Silver Age, but also decadence. Thus, the author confirms the idea of D. Merezhkovsky, who introduced Dostoevsky, as, indeed, L. Tolstoy, a foretaste of that heyday of Russian culture that is known as the Silver Age, with its spiritual and physical breakthroughs, but also with longing and attraction to Thanatos.

Key words: Dostoevsky, the novel «Demons», Kierkegaard, Nietzsche, V. Solovyov, L. Shestov, N. Berdyaev, S. Bulgakov, Kant, D. Merezhkovsky, Camus, Nihilism, positivism, Romanticism, superman, man-god, god-man, existentialism, Stavrogin, Verkhovensky, Bakunin, Nechaev, Marquis de Sade, decadence, The Legend of the Grand Inquisitor, the man from the underground, Plato's cave, big time, V. Khotinenko.

4. Достоевский сквозь Ницше: человекобог как сверхчеловек

Предвосхищение Достоевским будущих оценок было не единственной причиной непрочитанного своевременно классика. Следующей причиной, видимо, явилось то, что в своих романах Достоевский предстал, как уже отмечалось, не просто литератором, а философом. Причем философом, высказывающим такие идеи, которые в самой России еще не существовали. А если и существовали, то лишь в западных вариантах, которые еще не успели проникнуть в Россию. Мы констатировали, что именно в это время на Западе уже появились работы Ф. Ницше. Но в год выхода романа «Бесы» появилась первая работа Ницше. Так случится, что некоторые смыслы в романах Достоевского по-настоящему будут прочитаны, когда в России угаснет интерес к Гегелю и появится интерес к Ницше и будут усвоены мысли немецкого философа о сверхчеловеке. Тогда-то и будет понятно, что то, что Достоевский понимал под человекобогом, означает смысл, вкладываемый Ницше в понятие сверхчеловека.

Касаясь начавшейся в России моды на Ницше, В. Соловьев в своей напечатанной в журнале «Мир искусства» статье 1899 г. приводит наблюдение В. Преображенского о том, что «к некоторому несчастью для себя, Ницше делается, кажется, модным писателем в России; по крайней мере, на него есть заметный спрос» [Соловьев, 1989]. Романы Достоевского, что появились после «Записок из мертвого дома», когда у Достоевского возникает «второе зрение», – это философия в лицах. И, несмотря на то, что эта философия предстает в художественных образах, она не только соотносится с идеями выдающихся европейских философов, но иногда и опережает их, и даже оказывает на них воздействие, как это произошло с Ницше. Констатируя позицию Раскольникова, оказавшегося по ту сторону добра и зла, Л. Шестов говорит, что во время появления романа «Преступление и наказание» Ф. Ницше еще был студентом и мечтал о высоких идеалах («В 60-х годах никому не только в России, но и в Европе ничего подобного и не снилось» [Шестов, 1993]).

Л. Шестов исключает влияние Достоевского на некоторые сочинения Ницше. Тем более что на Западе Достоевского еще не знали. Однако философ с уверенно-

стью утверждает, что уже в своем сочинении «Генеалогия морали» Ф. Ницше в изложении своей мысли не был бы столь смел и откровенен, если бы не ощущал за собой поддержки Достоевского [Шестов, 1993, с.233]. В соответствии с утверждением Л. Шестова Ф. Ницше, как и Достоевский, также был «подпольным человеком». И тот и другой были выбиты из обычной жизни и приобрели «второе зрение». «Если бы не каторга у одного и не ужасная болезнь другого, они бы и не догадались, как не догадываются большинство людей, что они по рукам и по ногам скованы цепями. Они писали бы благонамеренные сочинения, в которых воспевали бы красоту мира и возвышенность покорных необходимости душ: их первые сочинения слишком убедительно об этом свидетельствуют» [Шестов, 1993, с.307].

Как и Достоевскому, Ницше пришлось радикально переоценивать то, чему поклонялся раньше. Стало быть, переключкой в идеях их родство не исчерпывается. Они родственны и в кардинальной переоценке своего отношения к жизни. По выражению Л. Шестова, Достоевский втоптал в грязь все, чему поклонялся, отрекся от идей, разделяемых в то время, когда входил в кружок Белинского. То же перерождение произошло и с Ницше («Его (Ницше. – Н. Х.) разрыв с идеалами и учителями молодости был не менее резким и бурным, а вместе с тем и болезненно мучительным») [Шестов, 1993, с.176]. В конце концов Л. Шестов приходит к выводу: то, что раньше в Достоевском было темно, разъяснялось с помощью сочинений Ф. Ницше. А вот С. Булгаков, анализируя роман «Братья Карамазовы» в своей статье 1901 г., прямо говорит о том, что человекобог Достоевского – это то же самое, что Ф. Ницше подразумевает под понятием «сверхчеловека», и, следовательно, ставит знак равенства в поисках нового человека между Достоевским и Ницше. «Атеистический аморализм, как можно определить этические воззрения Ивана, невольно напоминают сходные искания беспокойного духа, которому, по прихоти моды, суждено сделаться кумиром нынешнего дня, Ф. Ницше. Всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с моральной философией Ницше, без труда усмотрит тождество основных мотивов и основных идей у Ницше и Ивана Карамазова, что вполне понятно из сходства основной их проблемы о совместимости абсолютной морали с позитивизмом... Мы видели, что не только общее воззрение, ставящее “сверхчеловека” Ницше или “человекобога” Ивана “по сю сторону добра и зла” и делающее из них “все позволенным”, характерно для обоих, но также и принцип эгоизма, отрицание альтруизма, становящееся на место упраздненной морали, повторяется здесь и там» [Булгаков, 1993а, с.24].

Почему же и немецкий философ, и русский писатель одновременно обнаружили одно и то же явление, пытаясь его осмыслить? Явление это – сверхчеловек. Оба мыслителя исходили из того, что человек, каким он предстает в XIX в., – это только следующая и временная его форма, форма переходная. Он будет меняться и в будущем, как он изменялся в прошлом. В трактате «Как говорил Заратустра» есть такая фраза: «Человек есть нечто, что должно превзойти» [Ницше, 1990, с.8]. И далее в этом трактате: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель» [Ницше, 1990, с.9]. С этим согласился бы и Достоевский. В своих романах он показал и переход, и страх, и гибель, связанные с новой религией, обретающей себя в политических формах. Уже

в XIX в. было очевидно, что изменения происходят, и эти изменения радикальны. Сверхчеловек – уже реальность. Естественно, возникает потребность понять его происхождение, его эволюцию и, если можно так выразиться, его биографию.

В работах Ф. Ницше мы находим «археологию» сверхчеловека. Это ведь не только будущее, но и прошлое. В истории сверхчеловек уже появлялся. Но прояснение этого вопроса у Ницше связано с его общей философской концепцией – переоценкой всех ценностей и прежде всего морали. Но у Достоевского мораль не существует сама по себе. Она не существует отдельно от культуры. Ницше готов приветствовать сверхчеловека, но его сверхчеловек демонстрирует отрицательное отношение к культуре. Он ею пренебрегает. Что же делать? Судить ли сверхчеловека судом культуры или же культуру судить, исходя из позиции сверхчеловека, ставящего себя в оппозицию по отношению к культуре? В ответе на этот вопрос Ницше категоричен. Он судит не сверхчеловека, он судит культуру от имени сверхчеловека, требуя переоценки всех ценностей. Переоценка неизбежна, ведь человек деградировал, а культура, по его мнению, переживает упадок. Он этот упадок называет словом, которое потом будет общеупотребимым, – декадансом. В этом вопросе Ницше оптимистичен. Он убежден, что за сверхчеловеком будущее. В этом его убеждает эволюционный процесс. Человек в истории меняется и будет меняться. Сверхчеловек – это рождение нового образа человека. Многие сочинения Ницше написаны как оправдание реальности сверхчеловека, а следовательно, они предстают судом над культурой.

Но не ведет ли этот суд над культурой к той смуте, которую русские мальчишки устраивают в губернском городе? Пожалуй, что и так. Ф. Ницше в этом, конечно, не виноват. Но ведь очевидно же, что его так и поняли. Результат? Смута по всему миру в виде Второй мировой войны и миллионы жертв. И ведь что интересно, идеологи национал-социализма сознательно делали Ф. Ницше своим идейным вдохновителем. Однако сверхчеловек Ницше – это не только будущее, но и прошлое. В человеке прошлого он угадывает многое от сверхчеловека. Он его находит в элитах некогда существовавших культур. Его проявления в прошлом были свободны и от морали, и от культуры. Сверхчеловека прошлого сопровождают преступление и жестокость. Без этих признаков сверхчеловека не существует. Но культура, опираясь на религию, из хищного типа личности выковала «домашний» тип, погубила и раздавила его инстинкты, превратила его в «ручного», утратившего жизнеспособность. Это и было следствием политики «Великого инквизитора».

Государство, церковь и культура берут сторону другого типа личности, который Ницше обозначает как *resentiment*. С этой точки зрения произошло измельчание и нивелирование европейского человека. Наконец, Ницше произносит: «Мы устали от человека...» [Ницше, 1990, с.430]. Имеется в виду европейский человек, каким он предстает в XIX в. Разумеется, эта констатация предполагает, что положение необходимо исправлять и прорываться к новому эволюционному витку, когда человек преодолет слабого, беспомощного и утратившего волю к жизни с помощью государства, церкви и культуры человека и вернет его к тем временам, когда такой разрушительной, репрессивной опеки над человеком в истории не было. Вернет к временам Диониса, к языческой стихии, когда мораль будет потеснена инстинктом. Где же, в каких временах и эпохах Ницше находил этот образ человека, который можно было бы назвать сверхчеловеком? В числе альтернативных Западу культур,

в которых культивировался образ, близкий сверхчеловеку, Ницше называет Древний Рим. «Ведь римляне были сильны и знатны в такой степени, как до их пор не только не было, но и не грезились никогда на земле» [Ницше, 1990, с.436].

Христианство, ставшее идеологией *resentiment*, эту ментальность подорвало. Позднее в Ренессансе произойдет попытка возрождения отвергнутого психологического типа и культуры, позволявшей ему проявиться. «Правда, в эпоху Ренессанса произошло блистательно-жуткое пробуждение классического идеала, преимущественного способа оценки всех вещей: сам Рим зашевелился, как разбуженный летаргик, под давлением нового надстроечного иудаизированного Рима, являвшего аспект некоей экуменической синагоги и именуемого “церковью”, – но тотчас же снова возторжествовала Иудея, благодаря тому (основательно плебейскому, немецкому и английскому) движению *resentiment*, которое называют Реформацией, включая сюда и то, что должно было воспоследовать за нею: восстановление церкви – восстановление также и древнего могильного покоя классического Рима» [Ницше, 1990, с.436]. Ницше готов проследить историю вырождения сверхчеловека, а в общем, и человека вплоть до XIX в. По мнению Ф. Ницше, эта история плачевна. Поставившая своей целью утверждение демократии и либерализма французская революция все же не смогла освободить человека от психологии *resentiment*. Дворянство XVII и XVIII вв. пало под натиском массовых инстинктов *resentiment*.

Далее разворачивается «закат человека», подтверждение которому явилось преимущество большинства. Единственным и уже весьма редким явлением былого авторитета сверхчеловека в XIX в. был Наполеон как «синтез нечеловека и сверхчеловека». Нет, не случайно и на страницах романов Достоевского возникает образ этого исторического деятеля. Нет, конечно, культивируя ценности, которые стоят за сверхчеловеком, Ницше не был вообще против морали и культуры, он только отрицал ту мораль и ту культуру, что привела к падению и вырождению человека. Когда будут разрушены орудия репрессии, человек наконец-то выйдет из платоновской пещеры и создаст новую культуру, мораль и религию. А создаст ли? Успеет ли? Вот этот вопрос, подхватывая настроения XIX в., которые породили философию Ницше, будет задавать Достоевский. При всем сходстве с немецким философом, с легкой руки которого в мире начинает распространяться идея «нового человека», Достоевский при всей свойственной ему критике всех новых идей, вышедших из философии модерна XVIII в., пребывает в сомнениях. Ведь новую мораль, связанную со сверхчеловеком, приходится создавать уже без Бога. Но существует ли мораль без Бога в принципе?

Так, Достоевский возвращается к постановке вопроса Кантом. Для Ницше этой проблемы не существует. Он произносит: «Бог мертв». Бога он, стало быть, упраздняет. На новом витке эволюции сверхчеловек создаст свою мораль, Мораль без Бога. Человечество, будучи на первых этапах истории еще слабым, Бога вообще придумало. Нужно от этого освободиться. Да, собственно, а в чем проблема? Ведь сверхчеловек потому и сверхчеловек, что он занимает место отсутствующего Бога, а значит, получается, что он и сам стал Богом. А бог потому и Бог, что для него никаких запретов, законов и морали не существует. Он вне добра и зла. Он свободен. Но если сверхчеловек сам становится Богом, то в своих поступках он тоже, как и Бог, становится свободным. Так, понятие «нигилизм», применяемое к настроениям шестидесятников XIX в., следует уже применять ко всей последующей истории. Там,

где нигилизм, там и знакомый нам сегодня цинизм. Тогда уж предтечу сверхчеловека следует искать и не в Ренессансе, и не в Древнем Риме, а в самой настоящей архаике.

Упраздня Бога, человечество возвращается к исходной точке своей истории. Сверхчеловек – это и идеал для Ницше, и в то же время величайший в истории регресс. Но этот регресс мыслится как предпосылка создания и новой морали, и новой культуры. А та культура, что существует, обречена. Происходит ее закат. Вот этот вывод Ницше потом подхватит Шпенглер и даст его заимствуемое из естественных наук обоснование. Достоевский, конечно, находится под гипнотическим и, можно даже сказать, эстетическим воздействием сверхчеловека, испытывает его очарования, отсюда и его двойственное отношение к Ставрогину. Но, в отличие от Ницше, Достоевский, хотя уже и видит сверхчеловека Ницше, называя его «человекобогом», принять его не склонен. Наоборот, он его развенчивает. Кстати, о Ницше в связи с Достоевским. Ведь, несмотря на то, что в некоторых своих идеях Достоевский опережает Ницше, подлинное понимание Достоевского все-таки приходит вместе с модой в России на Ницше. Немецкий философ проясняет то, что в Достоевском оставалось непонятным.

К сожалению, философские искания Достоевского в фильме В. Хотиненко вытесняются уголовной хроникой. Но это очарование сверхчеловеком, т.е. называемым им «человекобогом», весьма пессимистично. По сути, он развенчивает Ставрогина, а вместе с этим и сверхчеловека, как, впрочем, и все попытки в XX в. воплотить его в реальности, прежде всего, в политической реальности. Угаданное мыслителем и писателем XIX в. получило реализацию в политической форме, что и привело к катастрофе. С Достоевским так уж получилось, что сегодня мы его лучше понимаем, чем его современники. В XIX в. его не понимали не только потому, что он критически осмыслил нигилизм, расходясь с современным ему общественным мнением. Общество еще не было готово к новой точке зрения на то, что обсуждалось уже в европейской философии. В России Достоевского не понимали не потому, что героев, которые появились в его романах, не было в жизни. Конечно, в жизни-то эти разновидности сверхчеловека уже имели место. Но они еще не были идентифицированы. Они еще не успели проявить себя в действии. А вот действие-то – это для Достоевского способ испытания человека. У него веры в действующего человека нет.

Хотя варианты сверхчеловека в жизни появлялись, их еще не умели распознать и соотнести с какими-то идеями, как и оценить эти идеи. Такие разновидности сверхчеловека наполняли толпу фурьеристов, нигилистов и революционеров, а к революционерам было исключительно позитивное отношение. Одно лишь увлечение пролетарского писателя М. Горького сверхчеловеком Ницше говорит о многом. Между тем эта самая разновидность сверхчеловека спустя несколько десятилетий уже проявит себя в ходе революций, а затем в постреволюционное время. Мы-то эту разновидность будем обозначать как диктатор. Не случайно Л. Сараскина пишет: «Достоевский разглядел в Нечаеве тот самый потенциал, который и раскрылся в XX в., и только XX в. смог подтвердить, что “все сбылось по Достоевскому”» [Сараскина, 2006, с.133]. Но Л. Сараскина называет и еще более конкретные вещи. Она говорит, что заповеди «Катехизиса революционера» вошли в русский коммунизм ленинского образца, и многие постулаты Нечаева слово в слово были воспроизведены Лениным. Не случайно, наверно, В. Хотиненко потом, после фильма «Бесы»,

поставит фильмы о Ленине, в частности, фильм «Ленин. Неизбежность» (2017), а также шесть серий фильма «Демон революции» (2018) и восемь серий фильма «Меморандум Парвуса» (2019).

Но диктатор – это сверхчеловек, представший в завершенном и окончательно проявившемся виде в политике. В XIX в. этот феномен уже был, но был потенциально, психологически. Конечно, если не считать Наполеона, имя которого мелькает в романах Достоевского. Так что этот обозначаемый Ницше как сверхчеловек тип личности – весьма знакомый по нашей истории XX в. тип. Достоевский как раз его и находит, обнаруживает. Он нашел его в психологической форме. Но, пожалуй, писатель сделал больше. Он предсказал перспективу превращения этого типа из потенциального в реальный феномен. В этом и заключалось одно из пророчеств классика. Достоевского можно уже называть не просто писателем, но именно философом, а еще и пророком. Именно так его и представляли русские религиозные философы. Так Н. Бердяев говорит о Достоевском в своей работе «Духи русской революции» [Бердяев, 1991, с.250]. Об этом же написана работа Д. Мережковского «Пророк русской революции» [Мережковский, 2004].

Но можно ли утверждать, что раз предсказанное Достоевским проявило себя и осуществилось в политике, истории и в судьбе русского народа, то это явление ушло в прошлое? А потому, может быть, Достоевский уже неактуален, а его романы снова утопают в колоссальном массиве литературы, в том числе и переводной. Но хотя бы даже в этом смысле, в распознавании сверхчеловека в его национальной форме, а также в его неосуществленности в политических формах, Достоевский по-прежнему остается актуальным. Ведь это явление продолжает существовать в самой жизни. Если в данный момент в политических формах сверхчеловек может и не проявляться, то в психологических формах и вариантах сверхчеловек, видимо, существует. Есть они и в кругах представителей современного либерализма, и в среде консерваторов, мечтающих вернуться в эпоху сталинизма и требующих снова поставить памятник Дзержинскому на прежнее место, что, конечно же, является символическим актом. Уж не был ли этот жестокий Дзержинский очередным русским Ставрогиным? Более того, целью таких консервативных мечтателей является даже возврат не к сталинизму, но вообще к традиционной форме существования российской цивилизации – империи.

Однако среди этих современных наследников сверхчеловека мы все больше встречаем не гордых Ставрогиных, а суетливых и меркантильных, уцененных Ставрогиных, а точнее Верховенских. Ставрогины-то, пусть и не всегда гуманные, заражали молодых, зажигали их, как это в романе произошло с Кирилловым и Шатовым. Но современные Верховенские на это уже не способны. Они пытаются реализовать идеи чужие и готовые, а вообще и идей-то у них никаких нет. Но раз уж мы произнесли имя Ставрогина, то тут самое время продолжить мысль о непрочитанности или частичной прочитанности романов Достоевского. Но на этот раз не по причине расхождения с общественными настроениями, а по причине допущенной самим классиком недосказанности. Смеем предположить, что сам Достоевский тоже ведь оказался растерянным перед этим самым сверхчеловеком в лице Ставрогина. Уж слишком противоречивой оказалась эта фигура. С одной стороны, сам писатель очарован своим героем, а с другой – этот герой вызывает в нем отторжение.

5. Режиссерская интерпретация романа: от идей к героям

Пришло время углубиться в то, как этот расклад, произведенный Достоевским в своем романе, передан на экране. Что В. Хотиненко сделал с весьма непростой и, по сути, далекой от кино, к которой зритель не привык, композицией романа. В самом деле, с одной стороны, роман «Бесы» прочитывается как хроника, да, собственно, он так и выстраивается, а с другой, он существует именно в большом времени, что, конечно, для его прочтения представляет трудности. Так, в первой главе второй части романа мы читаем признания репортера, информирующего читателя о происходящих в имении генеральши Варвары Петровны Ставрогиной событиях, но отдающего отчет в том, что, когда эти события происходили, их смысл еще не был ясен, в том числе и ему самому. Это не просто признание, а использованный писателем прием, с помощью которого он выстраивает композицию романа. «Теперь, когда уже все прошло и я пишу хронику, – говорит репортер, – мы уже знаем, в чем дело; но тогда мы еще ничего не знали, и естественно, что нам представлялись странными разные вещи» [Достоевский, 1957, с.221].

Такое построение романа не может не затруднять его перенесение на экран, а в еще большей степени – его восприятие. Отдавая себе отчет об этих трудностях, режиссер должен преодолеть то, что для литературы является органичным и естественным. Свой фильм по роману «Бесы» В. Хотиненко выстраивает иначе. Он начинает его с эпизода, который в романе оказывается заключительным, а именно с убийства Шатова, а точнее – с расследования этого убийства. В пруду местные мужики обнаруживают труп, зовут полицию. В город приезжает следователь по особо важным делам по фамилии Горемыкин и принимается за расследование происшествия. Сцены расследования перебиваются историей, начинающейся с приезда Ставрогина в имение матери в Скворешники. Таким образом, то, что придает роману особую психологическую достоверность и убедительность, к сожалению, из фильма исчезает. Зато зритель, по всей вероятности, будет доволен, ведь режиссер обеспечил ему максимальную ясность.

Такое режиссерское решение облегчает понимание уголовной интриги, но вредит актеру С. Маковецкому, играющему Горемыкина. Ведь ему просто нечего играть. Чрезвычайно одаренный актер, без которого уже давно не могут обойтись режиссеры, в том числе и сам В. Хотиненко, проигрывает рядом с отличным актерским ансамблем, представленным самым молодым поколением отечественных актеров. Правда, режиссер, ощущающий пустоту роли, снабжает Горемыкина известным «Катехизисом революционера» Сергея Нечаева, который он по ходу дела и комментирует. Но это следует считать уже отклонением от замысла Достоевского, ведь у самого Достоевского, который, не имея возможности этот катехизис цитировать, для выражения идей Нечаева находит не менее яркие формулировки. Тем не менее присутствие Горемыкина можно обосновать. Ведь в его репликах – связь некогда возникшей в одном губернском городе кучки революционеров-террористов с той революцией, которая затем определит весь русский XX в.

Конечно, появление фигуры Горемыкина в фильме оправданно. Местная жандармерия представлена, как это часто и случается, недалеко и глупой, не способной понять смысла происходящего. Она привыкла руководствоваться исключительно силой, готова сразу же хватать и наказывать, не вникая в глубь явления. Между тем

для режиссера важно было увидеть, какие люди принимают участие в преступлении и почему они втягиваются в «кучку», а также почему идея разрушения получает в России этого времени такое развитие. Почему в эпицентре катастрофы оказывается именно молодежь. Этот вопрос по-прежнему актуален. Горемыкин – тот редкий профессионал в своем деле, который еще и гуманист. Роль этого персонажа понятна. Это способ создать мостик между историей и современностью, продемонстрировать современность истории. И все же тут не обошлось без риторики.

В фильме В. Хотиненко есть и еще один план – вторгающаяся в повествование линия возможного покаяния Ставрогина. Это его поход в монастырь к старцу Тихону и его несостоявшаяся исповедь. Ставрогин ощущает потребность в исповеди, но не только перед лицом старца, но публичной исповеди в печати. Тихон понимает, как необходима грешнику эта исповедь, но он понимает и то, что Ставрогин ни к покаянию, ни к смирению не готов. У него отсутствует для этого самое главное – вера. Болезнь эпохи, которая ощущается Достоевским столь остро. Человеческому потенциалу, что несет в себе его герой, осуществиться не дано. Это погибший человек. Собственно, Ставрогин это понимает и сам. Поэтому гражданином швейцарского кантона Ури, в котором он предполагает жить, он не станет и добровольно накинёт на свою шею петлю, повторяя поступок своего ученика Кириллова и демонстрируя его идею о своеволии. Этой сцене в романе предшествует другой эпизод повешения – девятнадцатилетнего молодого человека, и по этому поводу репортер говорит: «Почему у нас так часто стали вешаться и застреливаться, – точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул?» [Достоевский, 1957, с.345]. В фильме эта сцена отсутствует. Зато образ молодого самоубийцы появляется в сновидении Горемыкина, и не случайно, ведь только он задумывается не только о наказании, но и о причинах.

Декаданс в России начнется в начале следующего века, но один из его признаков – добровольный уход из жизни – Достоевский уже констатирует. Да, Ставрогин в фильме В. Хотиненко, Ставрогин Достоевского получился и как человек, и как бес, демон. Даже когда он просто перемещается в пространстве, идет по городу, присутствует на заседании нигилистов, не способных между собой договориться, даже когда он молчит, он приковывает к себе внимание. В нем и в самом деле есть что-то такое, что гипнотизирует... Не случайно Петр Верховенский говорит ему: «... Вы красавец, гордый как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, “скрывающийся”» [Достоевский, 1957, с.441]. Таким он описан в романе, таким он оказывается в исполнении молодого актера Максима Матвеева. Ставрогин М. Матвеева красив, очень красив. В. Хотиненко в одном своем интервью признавался, что в этой роли он видел актера Л. Висконти – Хельмута Бергера. Таким видит его и Достоевский. Таким он появляется в фильме. Это тот самый случай, когда свите играть короля не нужно. Он и в самом деле красив уже сам по себе. Без всякой свиты. «Иван – царевич», как его называет Петр Верховенский. Аристократ среди этих жалких нигилистов, которые тут же, как только появляется опасность, разбегаются, как они разбегаются, начиная доносить друг на друга, когда их арестовывают и начинают допрашивать. Жалкие люди, которых спаять кровью Петру Верховенскому так и не удастся. Верховенский их губит, а сам из города смывается.

Ставрогин – не то. Он носит в себе смерть, а потому он ее не боится. В любую минуту он может с жизнью расстаться, что свидетельствует о его безграничной свободе.

Он и без «подвига», демонстрируемого Кирилловым, свободен как бог. Он схож с тем персонажем, о котором пишет в своем рассказе И. Тургенев. Короче, он по ту сторону добра и зла. Своей жизнью он не дорожит, но не дорожит и жизнью других. Может в любую минуту отправить другого на тот свет. Ведь убил бы он ненавидящего его со всей своей страстью молодого дворянина Гаганова, стремившегося отомстить за некогда убитого Ставрогиным в Петербурге отца на дуэли. В этом никакого сомнения нет. Да вот не убивает же. Все три раза в него стреляет Гаганов, а он, Ставрогин, отводит пистолет в сторону и не убивает. Да, он может сдерживать себя в минуту высшего напряжения, высшего гнева, но способен и сорваться. Ведь смог же он себя сдерживать и в тот момент, когда впервые появился в Скворешниках и Шатов публично дал ему пощечину. Шатова он тоже мог бы тут же прихлопнуть, убить, растерзать. Это понимает и Шатов, ожидая его мести. Он уверен, что жестокая расправа последует, но ведь не последовала. Как и в случае с Гагановым, он этого не делает. Это свидетельствует о самообладании Ставрогина, достойном римского стоика.

Так что получается, что он на стороне морали? А вот когда ожидающий его в темном переулке каторжник Федька намекает, что мог бы в любую минуту зарезать и капитана Голядкина, и хромоножку, жену Ставрогина, ведь брак с ней торчит занозой в его сознании, Ставрогин сдается. В нем оживает зверь. Вместо выпрашиваемой Федькой малой суммы он осыпает убийцу купюрами, что означает, что он на убийство согласен, и эта его щедрость свидетельствует о разрешении на убийство. Но она свидетельствует не только об этом. Этот эпизод свидетельствует и о том, что тем самым разрешением на убийство Ставрогин приравнивает и себя к убийце. Он и сам в этот момент становится убийцей, а главное – он в этом отдает себе отчет. Это как в случае со Смердяковым, осуществляющим то, что не может сделать сам Иван Карамазов. Убивает ведь не Иван, хотя он и готов себя считать убийцей отца. Убивает Смердяков. Но ведь в своем сознании убивает и Иван. Но на этот раз это убийство, пока еще только в сознании Ставрогина, не дается ему легко. Он заливаётся невероятным и совершенно нездоровым смехом, что передать актеру, видимо, было очень непросто.

Не тот ли самый на этот раз «гордый смех» Ставрогина, о котором говорит Шатов? Да и вообще, зритель наверняка окажется в растерянности, затрудняясь разгадать смысл этого сатанинского смеха. А ведь это понятно. Ставрогин в этот момент убивает не только Голядкиных – шута и юродивую. Он убивает и себя. Хотя физическое самоубийство произойдет позднее. Сейчас же он убивает себя духовно, и вернуться к тому Ставрогину, которым Достоевский еще восхищается, уже невозможно. Но М. Матвеев справляется, заставляя зрителя ощутить, что этот смех непростой. Это болезнь. Это безумие. Это демонический смех. Это именно тот «безумный хохот», о котором пишет А. Блок, подразумевая под ним болезнь. Болезнь времени, а время А. Блока весьма сложно. В России это одновременно и ренессанс, и декаданс. Но, как свидетельствует Достоевский, и то и другое – уже реальность. Вот и смех Ставрогина – это болезнь. Это смех именно беса. Не случайно А. Блок, рассуждая о природе иронии, даже употребляет такое словосочетание – «бес смеха». Вот как этот сатанинский смех, который так виртуозно актер передает, предстает в описании А. Блока: «Я знаю людей, которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста. Человек

хочет – и не знаешь, выпьет он сейчас, расставшись со мною, уксусной эссенции, увижу ли его еще раз?» [Блок, 1962, с.345]. Именно это и играет М. Матвеев.

В самом деле, смех Ставрогина, как его передает М. Матвеев, смех смерти. Соглашаясь на убийство, Ставрогин уже решает убить себя. Этот его дьявольский смех – знак самоубийства, которое в физическом смысле лишь откладывается во времени. Это предчувствие смерти. Сама смерть, которую несет в себе Ставрогин. Давая разрешение на убийство Голядкиных, он приближает и свою собственную смерть. Поэтому-то, видимо, Петр Верховенский, этот бес-авантюрист, а еще точнее бес перевоплощения, бес лицедейства, постоянно меняющий маски, чтобы скрыть свое истинное лицо, и восторгается Ставрогиным. Подлинное лицо Петра Верховенского утеряно в его бесконечных ликах, натягиваемых на себя с тем, чтобы войти в доверие к самым разным людям, в том числе и либералке-губернаторше Юлии Михайловне, и к самому губернатору Лембке, критически относящемуся к своей либеральной супруге, многое себе позволяющей, стремящейся опекать молодых, чтобы отвести их бунт от края пропасти.

Перед Юлией Михайловной Петр Верховенский предстает одним, а перед самим Лембке – совсем другим, и так без конца. Все видят в нем милого, воспитанного и обаятельного юношу, а на самом деле страшнее этого юноши нет. Ведь этот благовоспитанный юноша – убежденный террорист, жаждущий вселенского разрушения и разврата и устремленный к своей цели, не просто перешагивающий через трупы, как это он проделывает с Шатовым, а готовый к безграничному истреблению людей и пролитию крови. Да, это и есть телесное воплощение того идеала революционера-террориста из нечаевского «Катехизиса», отрекшегося от человеческих чувств. Наблюдая за поведением Петра Верховенского в исполнении актера Антона Шагина, веришь, что это тот самый Сергей Нечаев, который в своем «Катехизисе революционера» писал: «С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть».

Вот эта нечаевская инструкция, задающая поведение революционера, стала для актера в его видении своего персонажа главной. Бесовство – оно еще и в бесконечных перевоплощениях Петра Верховенского. Когда-то, прикидываясь другом Ставрогина, ведь в Швейцарии они вместе со Ставрогиным замыслили разрушительный сатанинский замысел, Петр Верховенский уже знал, что в революционном разрушительном движении он Ставрогину поручит роль Самозванца. Он напоминает об этом Ставрогину, убеждая его в том, что время пришло. Ставрогин резко отвергает эту идею и ударяет его по лицу. А ведь идея вождя, этого самого Самозванца, который поначалу не должен появляться перед людьми, чтобы усилить его мифологический образ, и впрямь входила в планы Петра Верховенского. И, казалось, уже начала воплощаться. Ведь недаром же в своих путаных снах юродивая Мария Тимофеевна Голядкина уже и узрела Ставрогина в образе этого самого Самозванца, этого возможного в будущем диктатора и, узрев в нем сатанинское начало, прогоняет его, издевается над ним, ибо уверена, что перед ней сам сатана. На то она и юродивая, чтобы узреть суть Ставрогина. Поэтому она и прогоняет Ставрогина, сопровождая его бегство из жалкого дома Голядкиных смехом, таким же странным и выходящим за рамки здорового смеха, каким смеется и сам Ставрогин.

Вообще, видимо, не случайно, пытаясь увидеть XIX в. сквозь специфический смех, А. Блок в числе тех, кому это в литературе удавалось делать, называет До-

стоевского, употребляя выражение «глубины иронии Достоевского». Но это имеет отношение не только к автору романа, но и к его герою Ставрогину. Не случайно в романе о Николае Всеволодовиче говорят, что он находится во власти «демона иронии». «Конечно, – пишет А. Блок, – и Достоевский, и Андреев, и Сологуб – по-одному – русские сатирики, разоблачители общественных пороков и язв; но по-другому-то, и по самому главному, – храни нас господь от их разрушительного смеха, от их иронии; все они очень несходны между собою, во многом – прямо враждебны. Но представьте себе, что они сошлись в одной комнате, без посторонних свидетелей; посмотрят друг на друга, засмеются и станут заодно...» [Блок, 1962, с.345]. После этих порывов смеха, постигших сначала Ставрогина, а затем и городского экстрасенса – хромоножку, разворачивается сцена, в которой побитый Ставригиным и с кровью на лице Петр Верховенский, наконец-то, и это будет один-единственный раз, сбросит все свои маски и предстанет самим собой, упадет на уровень Голядкина и признается, что он со своими наполеоновскими планами – просто ноль, просто Колумб без Америки. Он одновременно предстает и вдохновенным, и жалким человеком, из которого идея делает чудовище. Это уже не шут, это – фанатик, опасный фанатик. Он умоляет, упрашивает Ставрогина встать во главе революционного движения, быть его символом. И, пожалуй, именно эта сцена свидетельствует о том, что и актер Антон Шагин, утвержденный на роль Петра Верховенского, в своем мастерстве оказывается на уровне своего партнера М. Матвеева. Если еще назвать и третьего молодого актера Евгения Ткачука, исполнителя роли Шатова, в глазах которого горит вдохновение и ощущается энергия, то получился подобранный В. Хотиненко совсем неплохой актерский ансамбль.

6. «Большое время» романа: от романтизма к декадансу

Мы уделили внимание тому психологическому типу, который Ф. Ницше назвал «сверхчеловеком». Мы нашли его признаки в среде русских дворян XVIII и XIX вв. Но дело не только в психологии дворян XVIII в., в поведении которых можно отыскать эту жестокость и равнодушие к смерти. Это помогает точнее понять суть Ставрогина. Но сам Ставрогин – это какая-то новая психология или какой-то следующий шаг от XVIII в. прямо к рубежу XIX–XX вв., к тому, что обычно обозначается как декаданс. То отношение Ставрогина к смерти, которое мы выше описали, возникло именно на рубеже XIX–XX вв. Вот тогда-то и разворачивается то, что так удручает следователя Горемыкина, а именно распространение среди молодых людей эпидемии самоубийств.

Касаясь созвучности образов и идей Достоевского разным философским направлениям, соотнося его с Ницше и Кьеркегором, мы, конечно, уже и о самом Достоевском, и о его героях узнали больше. Нам становится больше понятным и Ставрогин, оказавшийся для автора этой статьи в юности совершенно непонятным. Читая лермонтовского «Героя нашего времени», автор еще не улавливал связи между Ставригиным и лермонтовским Печориным. Однако даже сейчас, когда этот образ все больше проясняется, все еще продолжают возникать сомнения. Наверное, их можно преодолеть, опять же имея в виду противоречие романа, исходящее из замысла, а именно, противоречие в разворачивании повествования одновременно в двух временных планах – в плане хроники, документального воссоздания событий, что со-

ответствует духу журналистики и публицистики, переживавших в XIX в. ренессанс, и в плане уже упомянутого нами выше «большого времени», т.е. выведения воссоздаваемых событий из своего времени, что приводит к непониманию и, более того, осуждению романа.

Однако главное, что бросается в глаза и что представляет трудность в понимании романа, – это чувство несоответствия возраста Ставрогина тому мировосприятию, в соответствии с которым он поступает и в соответствии с которым его поступки следует понимать, что нас и приводит к мысли о том, что Ставрогин – не просто образ, а идея. Идея, прослеживаемая в особом времени. Наверное, это несоответствие идет от первоначального образа «грешника», когда еще образ, подобный Ставрогину, мыслился героем задуманного Достоевским другого романа. В начале второй главы романа, где Ставрогин сравнивается с шекспировским героем – «принцем Гарри», автор, представляя Ставрогина, говорит, что офицер Ставрогин был «очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти» [Достоевский, 1957, с.45]. Сообщая о возрасте Ставрогина, Достоевский включает своего героя в поколение «шестидесятников» XIX в. Несомненно, для него поколенческий фактор важен.

В какой-то степени это поколение писатель противопоставляет созерцательному поколению идеалистов 40-х гг., а представляющим это поколение он мыслит читателя Токвиля Степана Тимофеевича Верховенского. В романе он даже занимает гораздо больше места, нежели Ставрогин. Причем старший Верховенский здесь – воспитатель Ставрогина, и это важно. Помещица генеральша Варвара Петровна Ставрогина нанимает Степана Тимофеевича воспитателем своего сына. Видимо, он был неплохим воспитателем, и воспитанник от него многое усвоил, а именно идеи XVIII в. о свободе и разуме. Только вот вольтерьянство Степана Тимофеевича в 60-е гг. – созерцательное и пассивное вольтерьянство. Иначе говоря, это то самое брожение, о котором говорит В. Соловьев, но только в своих точечных и теоретических проявлениях. Это брожение до того развернувшегося брожения 60-х, которое и пытается осознать Достоевский. Брожения уже в среде молодежи. Это пассивное вольтерьянство, которого, находясь в преклонном возрасте, он сам опасается, постоянно ожидая, что к нему придут и его арестуют, как это происходило в эпоху Николая I.

Иное дело – новое поколение. Зерна, брошенные в землю вольтерьянцами 40-х, проросли в новом поколении, и слова начали претворяться в дела. Только вот праведные ли это дела? Поколение Ставрогиных – это деятельное поколение, хотя так уж получается, что этого все же нельзя будет сказать о Ставрогине. Шестидесятники – это деятели. Ведь у них уже не просто идеи, а теория, система, проект, которые уже, попадая в руки мошенников и авантюристов, обнажают свою неприглядную сущность. Но у Достоевского нет желания просто противопоставлять поколение деятельных молодых людей 60-х гг. поколению, представленному Степаном Верховенским, т.е. поколению 40-х. Противопоставление у него, конечно, есть, но имеется и сходство. Не было бы идеалистов-теоретиков 40-х, не появились бы и такие предприимчивые и аморальные индивиды, как Петр Верховенский, опошляющие и компрометирующие красивые идеи, приходящие после того, как романтиков и идеалистов сметет революционная волна. Ведь не случайно у Достоевского Петр Верховенский – сын западника Степана Верховенского, читающего Токвиля. Но

в России был и еще один мыслитель – анархист и революционер, который на Достоевского оказал влияние. Но это влияние имеет отношение и к Ставрогину. Вот тут-то и появляется возможность в еще большей степени прояснить образ этого самого непонятого и загадочного Ставрогина. Ведь кто из известных мыслителей воспринимал разрушение как творческий акт, как не соавтор Нечаева, послужившего прототипом Петра Верховенского, а именно Михаил Бакунин. Бакунин – соавтор Нечаева по знакомому «Катехизису революционера». Существует множество совпадений между Бакуниным как реальной исторической личностью и образом Ставрогина. Настаивающий на именно таком происхождении образа Ставрогина В. Гроссман приводил много подробностей, доказывающих, что Ставрогин списан с Бакунина.

В. Гроссман показал, как внимательно изучал Достоевский и западную, и отечественную прессу, информировавшую о революционной и разрушительной деятельности Бакунина. Достоевский был под сильным впечатлением от выступления М. Бакунина на проходившем в Женеве в 1867 г. первом конгрессе Лиги мира и свободы. Он находился в этот момент в зале и слышал пламенную речь Бакунина о необходимости разрушения отрицающей права человека и свободу Русской империи. «Шеститысячная толпа, наэлектризованная мощными ритмами этого сокрушительного красноречия, в напряженном безмолвии внимала оратору. А в пестрой массе ученых, журналистов и рабочих делегатов, жадно прислушиваясь к словам Бакунина и пристально всматриваясь в его титаническую фигуру, стоял затерянный в толпе, никем не замеченный и, вероятно, всем здесь незнакомый известный русский романист Федор Достоевский» [Спор..., 1926, с.9].

Писатель был потрясен проектом уничтожения государств, упразднения христианской веры и насильственного насаждения мира. Его поразил и сам внешний вид оратора. «Он жадно всматривался в могучие черты этого гиганта, давно уже знакомого ему по рассказам, теперь же на его глазах беспощадно судившего с высоты трибуны всю современную цивилизацию. Потрясающий дар слова знаменитого эмигранта, ореол бунтарского героизма и тюремного мученичества, живая легенда об его подвигах и страданиях не могли не взволновать его собрата по эшафоту, тюрьме и Сибири. И пока эти стальные слова о разрушении религии и патриотизма болезненно вонзались в сердце писателя, личность произносившего их оратора как бы вырастала перед ним, раскрывая сложные тайники своего мятущегося и вечно ненасытного духа. Всматриваясь в черты этого лица, Достоевский почувствовал прилив блаженно-томительной тревоги, предвещавшей нарождение нового творчества. Личность Бакунина как бы расковала дремлющую стихию каких-то творческих возможностей, и новый, еще глубоко загадочный, но уже нестерпимо волнующий образ стал мучительно прорезаться в его сознании. В этот день Достоевский задумал своего Ставрогина» [Спор..., 1926, с.9].

Может быть, и задумал в этот момент Достоевский своего героя, да только он у него все-таки таким не получился. Да и пришел Ставрогин, как уже отмечалось, вообще из другого замысла Достоевского, замысла неосуществленного. Роман «Бесы», может быть, и писался под впечатлением от услышанного выступления Бакунина. Но именно роман, а не образ Ставрогина. Ведь роман уже писался, а Ставрогина все еще не было. Ставрогин должен был быть в другом романе, называемом «Житие великого грешника». В центре этого задуманного в конце 1869 г. романа был обуре-

ваемый грешными желаниями и страстями человек, который должен был выбирать между атеизмом и религией. Под этим «грешником», биография которого и излагалась в романе, писатель подразумевал именно тип человека, который в «Бесах» появится под именем Ставрогина. Таким образом, замысел романа о «грешнике» растворился в романе «Бесы», а Ставрогин появился среди героев этого романа. Так что вывод В. Гроссмана эффектен, но неточен, хотя это наше заключение и не исключает использование каких-то подробностей из жизни Бакунина при создании образа Ставрогина.

Призыв к тотальному разрушению Достоевский все-таки ощутил и показал, что случится, если эти эмоциональные призывы падут на молодые души, и к каким катастрофам могут привести. Все это он даже и изобразил. Изобразил, как люди Петра Верховенского подожгли город и сильно встревожили местных жителей. Несомненно, писатель использовал подробности из жизни и деятельности Бакунина. Но в Ставрогине много черт, не имеющих отношения к Бакунину. Вот, например, об этом молодом офицере, вышедшем в отставку, говорится следующее: «Узнали, наконец, посторонними путями, что он опять в Петербурге, но что в прежнем обществе его уже не встречали вовсе; он куда-то как бы спрятался. Доискались, что он живет с какой-то странной компанией, связался с каким-то отребьем петербургского населения, с какими-то беспажобными чиновниками, отставными военными, благородно просящими милостыню, пьяницами, посещает их грязные семейства, дни и ночи проводит в темных трущобах и бог знает в каких закоулках, опустил, оборвался и что, стало быть, это ему нравится» [Достоевский, 1957, с.45].

К Ставрогину все это, разумеется, относится. Конечно, Ставрогин – это не Бакунин. Но кое-что все же от Бакунина в Ставрогине есть. Но нас в Бакуanine интересует применительно к роману совсем другое, а именно: сам-то Бакунин с его идеей вселенского разрушения и прежде всего государства откуда он взялся? Откуда у Достоевского вообще в романе маскарад, т.е. праздник, устроенный женой градоначальника Юлией Михайловной в честь гувернанток? Достоевского интересовали вовсе и не гувернантки. Желание устроить в честь гувернанток праздник – это предлог для представления разрушения как праздника. Ведь революция – оргия разрушения и актуализация стихии праздника, а праздник даже в архаические времена всегда сопровождал хаос как та стихия, из которой вновь может возникнуть космос. Вот поэтому-то Бакунин и определял разрушение как творческую страсть. Так что тут мы имеем дело с древнейшим архетипом.

Но дело тут не только в архетипе, но опять же в XVIII в., который архетип возвращал, но уже в философском оформлении, в виде нового божества, т.е. разума. Страсть Бакунина вспыхивает под воздействием философии XVIII в. Не случайно в мировосприятии Бакунина А. Камю видит не только французский социализм, но и гегелевскую философию («Еще в юности Бакунин был потрясен и ошеломлен гегелевской философией, знакомство с которой было для него подобно чуду» [Камю, 1990, с.239]. А от Бакунина кое-что перешло и в романтическую историю России XX в. «Бакунин, – пишет А. Камю, – в такой же мере, как и его противник Маркс, способствовал выработке ленинского учения. Кстати сказать, мечта о революционной славянской империи в готовом виде, в каком Бакунин изложил ее царю, была – вплоть до таких деталей, как границы, – осуществлена Сталиным» [Камю, 1990, с.241]. Философский

модерн XVIII в. для Достоевского помогает понять то мировосприятие, носителем которого является Ставрогин, вернее, начало мировосприятия, связанного с богоборчеством. Модерн – не союзник Достоевского в поисках веры, наоборот, он – его противник. А вот та философия, которая возникает позже и возникает даже не в центре Европы, а именно философия экзистенциализма, будет Достоевскому уже созвучной. Да, собственно, он ее сам и создает. Это позже подтвердит и А. Камю, называя его «писателем – экзистенциалистом» [Камю, 1990, с.85].

В романе Достоевского есть одна подробность, позволяющая уточнить место Ставрогина во времени. Эта подробность касается характера Ставрогина, но она приходит из времени романтизма. Виновником передачи этой черты характера Ставрогину является человек 40-х гг. – все тот же Степан Тимофеевич Верховенский. Вот это место в романе: «Степан Тимофеевич сумел дотронуться в сердце своего друга до глубочайших струн и вызвать в нем первое, еще неопределенное ощущение той вековечной, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уже не променяет потом никогда на дешевое удовлетворение (Есть и такие любители, которые тоской этой дорожат более самого радикального удовлетворения, если б даже таковое и было возможно)» [Достоевский, 1957, с.43]. С этой тоской связана и тема смерти, сопровождающая декадента. Тут становится еще более очевидным, как образ Ставрогина, выпрыгнув из 60-х гг. XIX в., устремился в галантный век и даже в эпоху римских стоиков, но в то же время он уже и вводит читателя в ту самую эпидемию самоубийств, которая сопровождала Серебряный век. Ведь Ставрогин – тоже самоубийца.

Касаясь атмосферы Серебряного века, А. Панченко констатирует его вторую сторону, а именно «тоску самоубийства». Словосочетание взято из стихотворения А. Ахматовой. «А вот “тоска самоубийства” и церковные проблемы, свойственные Серебряному веку, – пишет А. Панченко, – реалии серьезные, знаки целого исторического этапа. Как же появилась эта “тоска самоубийства”? Ответ получился таким: “Просто нация заболела”» [Панченко, 2013, с.527]. Однако ясности по поводу эпидемии самоубийств больше все же у С. Булгакова: «Леденящий пессимизм и какой-то страх жизни, смешанный со страхом смерти, заползает в душу, маловерные легко становятся суеверными, чувство тайны, живущее в душе, разрешается в искании таинственного, потребность в религии ищет выразиться в беспредметной реальности, утолиться хотя бы музыкой религиозного чувства, создается мистицизм в религии, демонизм без веры в Бога. Муки современной души, тоска современного сердца о Боге яснее всего, конечно, отражается в искусстве, которое не может лгать, не может притворяться» [Булгаков, 1997, с.259].

Настроение демонизма без веры в Бога, как и тоска современного сердца о Боге, – это как раз о Ставрогине. Ведь приходит же он по совету Шатова в монастырь к старцу Тихону, ибо все это он в себе ощущает. Ставя вопрос о созвучности идей и образов Достоевского различным западным философским направлениям, мы не обошли стороной и существование отечественной традиции, в контексте которой следует осмыслить открытие, сделанное Достоевским, в том числе и в идентификации Ставрогина как сверхчеловека. Эта традиция начинается, пожалуй, в тех явлениях русской литературы, которые в России возникли под воздействием романтизма. Истоки этой традиции связаны, например, с Лермонтовым. Так, В. Соловьев прочитывает

Лермонтова сквозь призму Ницше. То же можно делать, читая Достоевского сквозь призму Ницше и Кьеркегора, о чем мы уже успели сказать. Ведь именно Лермонтов первым в своем «Демоне» представил выход демонического начала в результате утраты веры в Бога.

Впрочем, прорыв демонического В. Соловьев угадывал не только в герое Лермонтова, но и в самом поэте, а значит, в жизни. «Лермонтов, – пишет он, – был гений, т.е. человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а следовательно, обязанный его исполнить» [Соловьев, 1990, с.277]. В. Соловьев видит Лермонтова «ближайшим преемником Ницше». Философ читает Лермонтова сквозь призму философской идеи Ницше. Именно на примере Лермонтова философ объяснил и склонность сверхчеловека к разрушению и ко злу, и «демоническое сладострастие», никогда не покидавшее поэта. «... Ведь и последняя трагедия, – пишет В. Соловьев, – произошла оттого, что удовольствие Лермонтова терзать слабые создания встретило, вместо барышни, бравого майора Мартынова, как роковое орудие кары для человека, который должен и мог бы быть солью земли, но стал солью, так жалко и постыдно обуювшею» [Соловьев, 1990, с.286]. То же ведь могло произойти и со Ставрогиным, когда он стрелялся. Правда, в отличие от Лермонтова, он всегда побеждал.

Созвучность Ставрогина героям романтизма бросается в глаза не только В. Соловьеву. Это не случайно. Ведь именно романтики открывают демоническое начало в человеке. Мы уже упоминали о маркизе де Саде, но в связи с идеей разрушения. Но имеется и другой повод увидеть в нем и еще одну линию, приводящую в ХХ в. От де Сада кое-что переняли и понесли дальше романтики. «Любопытно, – пишет А. Камю, – что именно Сад направил бунт на дорогу искусства, по которой романтизм поведет его еще дальше вперед» [Камю, 1990, с.133]. Герой романтизма с его культом демонического и демона, бунтующего против Бога, становится носителем зла. Касаясь романтиков, А. Камю делает бросок в ХХ в., утверждая, что «романтики дают волю тем чудовищным аппетитам души, которые другие будут утолять в лагерях смерти» [Камю, 1990, с.156]. Но Ставрогин в романе как раз и предстает носителем именно неукротенного демонического начала. «Иван-царевич», как Ставрогина называет Петр Верховенский, приходит из сказок, из фольклора, открываемого именно романтиками. «Да, в наружности Ставрогина, этого “сказочного Ивана-царевича”, есть нечто как будто преднамеренно и насмешливо условное, романтическое: с одной стороны, это – запоздалый герой юношеских, даже несколько ребяческих поэм Байрона и Лермонтова, а с другой – еще не воплотившийся, гениально угаданный Достоевским герой нашего современного классического романтизма, древний грек, каких, впрочем, никогда не бывало в действительности, созерцаемый сквозь волшебнo-преломляющую призму ницшеанства, условный герой условного Возрождения – Cesare biondo e bello – Цезарь Борджиа, по Фридриху Ницше» [Мережковский, 1995, с.275]. Вот именно.

На созвучность Ставрогина аристократам Ренессанса мы, цитируя Ф. Ницше, уже указали выше. Хотя, конечно, в числе прародителей этой традиции актуализации демонического в русской литературе невозможно не назвать и опаленного романтизмом Гоголя как еще одного, по мысли Н. Бердяева, демона русской революции. Но эта традиция затронула, в том числе, позднее и А. Белого. И об этом пишет

С. Булгаков. «В “Серебряном голубе”, а равно и в “Петербурге” с огромной силой и поразительным ясновидением, – пишет он, – изображено это медиумическое состояние души, ее одержимость темными силами из иных “планов” бытия, иных миров. “Петербург” оказывается как бы прямым продолжением “Бесов”, и это тем более поразительно, что, очевидно, чуждо преднамеренности» [Булгаков, 1993б, с.504].

Мы выше процитировали то место у Д. Мережковского, в котором он говорит, что Ставрогин мог бы сделаться великим святым и даже в еще большей степени, чем князь Мышкин из другого романа Достоевского. Но святость – это совсем другой полюс Ставрогина. Ему противостоит другой полюс – преступление. Удивительно, но в Ставрогине есть и то, и другое, прямо противоположное. Это противоречие личности Ставрогина позволяет глубже уяснить романтическую традицию, активизирующуюся в его образе. Касаясь сюжетных построений в русской литературе, Ю. Лотман отмечает, что в русской литературе, испытывающей влияние романтизма, важно противопоставление изнеженного и безвольного человека цивилизации и полного сил и энергии сына природы («Если первый страдает от “преждевременной старости души”, то последний наделен сильными страстями и душевной свежестью, хотя необузданность чувств часто делает из него преступника» [Лотман, 1993, с.96]).

В другом месте исследователь сына природы называет «разбойником». Однако «разбойник», соотносящийся со злом, может быть носителем не только разрушительного, но и созидательного начала. На одном из уровней это противопоставление предстает в образах спасителя и погубителя. Естественно, спасение или погубление в русской литературе соотносится с судьбой России. Однако самое интересное у Ю. Лотмана наблюдение касается того, как погубитель способен трансформироваться в спасителя. Получается, что противоположные начала могут иметь место в одном и том же герое. А вот этот вывод уже касается глубинных слоев в мышлении Достоевского. Разве в каждом из его романов не просматривается мысль о том, что грешник ближе к спасению, нежели не знавший искушений праведник. «Любое зло – лишь искажение прекрасной сущности, которая таит в себе возможность обращения к добру даже для самого закоренелого злодея... Дойдя до предела зла, герой должен пережить умирание – воскресение, спуститься в ад и выйти оттуда другим» [Лотман, 1993, с.101].

Иначе говоря, Ставрогин – двойственная натура. Сложность его понимания заключается еще и в том, что Ставрогин – лишь потенциальная, а не проявившаяся в действии натура. Достоевский скорее поведал читателю о грандиозном брожении в душе Ставрогина, которое обещало какое-то невозможное будущее, но это не получило выражения в жизни. Достоевский его видит приближающимся то к добру и святости, то к выражению духа Танатоса, преступлению и разврату. В общем, к саморазрушению. Великая сила, потенциально существующая в Ставрогине, не проявилась в реальности. Если она в чем-то и проявилась, то в саморазрушении. Но ведь в какой-то степени речь у Достоевского идет не только о Ставрогине, но и о русской душе. Но преступление и разврат являются не окончательным приговором герою, а лишь возможной ступенью в трудном подъеме к святости. Иначе говоря, Достоевского интересует перерождение героя. В романе «Преступление и наказание» у Достоевского именно такая логика. Такая же логика намечается и в «Бесах». Но в последнем случае все оказывается сложнее.

Несмотря на близость Ставрогина к добру и святости, зло оказывается сильнее, в чем он и сам отдает себе отчет, уходя добровольно из жизни. В какой-то степени страсти романтизма доходят вплоть до Серебряного века, когда в России одновременно происходит и ренессанс, и декаданс. Ведь символизм, окрасивший весь Серебряный век, – это возрождающийся романтизм. В православную культуру с поддерживаемым церковью аскетизмом прорывается чувственная стихия с ее телесным началом. Православный догматизм и формализм начинает отступать перед вспыхивающим язычеством, нашедшим выражение в столь удачно найденном Ф. Ницше концепте Диониса. Вот этот самый Дионис и вторгается в православный космос в тот период, который сегодня называют Серебряным веком. Именно это и имеет в виду Д. Мережковский, когда в Ставригине фиксирует черты, роднящие его с персонажами западного Ренессанса, которые согласно Ф. Ницше соответствовали его идеалу сверхчеловека. Д. Мережковский приветствует эту дионисийскую красоту, способную преодолеть формальный ритуализм православной церкви. «Есть, однако, в этой красоте и нечто глубоко реальное: именно благодаря своей телесной силе и здоровью он (Ставрогин – *Н. Х.*) мог бы, если бы захотел, преодолеть ту болезнь исторического христианства – аскетизм, умерщвление плоти, как последняя цель, как высший идеал – ту отраву, которую Раскольников и князь Мышкин всосали в себя с молоком матери, так что бесплодность или невоплощенность сделались в них второю природою, почти столь же неодолимою, как первая; во всяком случае, Ставрогин не родился, подобно им, физическим недоноском, “выкидышем”, “чужим всему”: он мог бы, опять-таки, если бы захотел, “пристать к великому празднику” Диониса, к пиршеству Плоти и Крови. Силе плотской жизни соответствует в нем и сила духовная» [Мережковский, 1995, с.275].

Но ведь именно эта двойственность – и телесность языческая, и, с другой стороны, духовность христианства в образе Ставрогина не могли достичь синтеза. Вот почему красота у Достоевского не является нейтральной не только по отношению к добру, но и ко злу. Не случайно Шатов задает вопрос Ставригину: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизни для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?» [Достоевский, 1957, с.269]. Ставригин – само воплощение красоты во зле, красоты, подыгрывающей злу, превращающейся во зло, что режиссер В. Хотиненко иллюстрирует образом бабочки, а точнее – присутствием в этой божественной красоте бабочки зла, демонического начала. Пожалуй, эта открытая Достоевским истина как раз и определила отчасти атмосферу Серебряного века и то, что Ф. Ницше когда-то назвал декадансом.

Литература

- Бердяев Н.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда. 1991. – С.250–289.
- Блок А.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 800 с.
- Булгаков С.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб. Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997.
- Булгаков С.* Иван Карамазов как философский тип // Булгаков С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1993а. – С.15–45.

- № 1 (20) (2022)
«Наследие»
- Булгаков С. Русская трагедия // Булгаков С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1993б. – 752 с.
 Достоевский Ф. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1957. – 760 с.
 Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
 Лотман Ю. Избранные статьи в 3 т. Т. 3. Таллинн: «Александра», 1993. – 480 с.
 Мережковский Д.Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Издательство «Республика», 1995. – 624 с.
 Мережковский Д. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. Грядущий хам. М.: Республика, 2004. – С.120–153.
 Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. – 829 с.
 Панченко А. Серебряный век и гибель России // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПб ГУП (1993–2013). В 3 т. Т. 3. СПб., 2013.
 Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (От Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. – 608 с.
 Соловьев В. Литературная критика. М.: Современник, 1990. – 422 с.
 Соловьев В. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. – С. 610–736.
 Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л.: Государственное издательство, 1926.
 Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Избранные сочинения. М.: Ренессанс, 1993. – 752 с.

References

- Berdyayev N. *Duhi russoj revoljucii* [Spirits of the Russian Revolution] // *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From depth]. М.: Pravda. 1991. – Pp.250–289.
- Blok A. *Sobranie sochinenij v 8 t. t. 5*. [Collected works in 8 vols. Vol. 5] M-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 1962. – 800 p.
- Bulgakov S. *Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennyh idealov* [Two grads. Research on the nature of social ideals]. SPb. The Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1997.
- Bulgakov S. *Ivan Karamazov kak filozofskij tip* [Ivan Karamazov as a philosophical type] // *Sochineniya v 2-h t. t. 2*. [Essays in 2 vols., vol. 2] М.: Nauka, 1993.
- Bulgakov S. *Russkaya tragediya* [Russian tragedy] // *Bulgakov S. Sochineniya v 2-h t. t. 2*. [Collected works in 2 vols. Vol. 2] М.: Nauka. 1993b. – 752 p.
- Dostoevsky F. *Sobranie sochinenij v 10 t., t. 7* [Collected works in 10 vol., vol. 7]. 1957. – 760 p.
- Kamyu A. *Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [A rebellious man. Philosophy. Politics. Art] М.: Politizdat, 1990. – 415 p.
- Lotman Yu. *Izbrannye stat'i v 3-h t. t. 3* [Selected Articles in 3 vols., vol. 3] Tallinn. «Aleksandra». 1993. – 480 p.
- Merezhkovsky D.L. *Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal satellites]. М.: Publishing House «Republic», 1995. – 624 p.
- Merezhkovsky D. *Prorok russoj revoljucii (K jubileju Dostoevskogo)* [Prophet of the Russian Revolution (to Dostoevsky's anniversary)] // *Merezhkovsky D. Gryadushchij ham* [The Coming Ham] М.: Respublika. 2004. – Pp.120-153.
- Nietzsche F. *Sochineniya v 2-h t. t. 2* [Essays in 2 vols. Vol. 2]. М.: Mysl'. 1990. – 829 p.
- Panchenko A. *Serebryannyj vek i gibel' Rossii* [The Silver Age and the death of Russia] // *Lekcii i doklady chlenov Rossijskoj akademii nauk v SPb GUP (1993-2013). V 3-h t. t. 3*. [Lectures and reports of members of the Russian Academy of Sciences at St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (1993-2013). Essays in 3 vols. Vol. 3]. SPb, 2013.
- Saraskina L. *Dostoevskij v sozvuchijah i prityazheniyah (Ot Pushkina do Solzhenicyna)* [Dostoevsky in consonances and attractions (From Pushkin to Solzhenitsyn)]. М.: Russkij put'. 2006. – 608 p.
- Solov'ev V. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. М.: Sovremennik, 1990. – 422 p.
- Solov'ev V. *Sochineniya v 2-h t. t. 2*. [Essays in 2 vols. Vol. 2] М.: Pravda. 1989. – Pp. 610–736.
- Spor o Bakunine i Dostoevskom. Stat'i L. Grossmana i Vyach. Polonskogo* [The dispute about Bakunin and Dostoevsky. Articles by L. Grossman and V. Polonsky]. L.: State Publishing House. 1926.
- Shestov L. *Dostoevskij i Nicshe (Filosofiya tragedii)* [Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of tragedy)] // *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. М.: Renaissance. 1993. – 752 p.

Н.Ф. Зюзов
Сыктывкар

СОРОКИН И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Цитирование: Зюзов Н.Ф. Сорокин и проблема цивилизаций // Наследие. 2022, № 1(20). – С.31–36.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.2>

Citation: Zyuzev N.F. *Sorokin i problema civilizacij* [Sorokin and the problem of civilizations] // *Nasledie* [Heritage]. 2022, № 1(20). – pp.31–36.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.2>

В 1961 г. в Зальцбурге (Австрия) собралась группа ученых, в основном историков и философов, которые решили объединить свои усилия в работе над изучением такого культурно-исторического явления, как цивилизация. Конференция учредила новую организацию, ее назвали Общество по сравнительному изучению цивилизаций (International Society for Comparative Study of Civilizations), а ее первым президентом был избран Питирим Сорокин, чью кандидатуру, в частности, горячо поддержал крупнейший авторитет в этой научной области, выдающийся британский историк и философ Арнольд Тойнби. Прошло более 60 лет, а Общество по-прежнему существует, издает свой журнал и собирается на ежегодные конференции, ближайшая из которых пройдет в июле этого года в Университете Монмауз (Monmouth University) в штате Нью-Джерси (США). Так что вклад Сорокина в создание этой организации не пропал втуне. Его там по-прежнему ценят и с благодарностью вспоминают.

Статья, предисловием к которой, собственно, и является эта заметка, как раз посвящена Сорокину и была опубликована в ее официальном органе – журнале *Comparative Civilizations Review* к 130-летию ученого. Автором ее является Эндрю Тарговски, профессор Университета Западного Мичигана, один из крупнейших современных специалистов по теории цивилизаций, в прошлом президент Общества по сравнительному изучению цивилизаций (2007–2013). Это очень яркий и разносторонний ученый со сложной судьбой. Родился он в Варшаве в 1937 г. Когда Польшу захватили нацисты, его отца заключили в Освенцим, а позднее перевели в лагерь, где было налажено производство ракет V-1 и V-2. В марте 1945 г. Станислав Тарговски был казнен за «производственный саботаж». Мать будущего ученого Галина во время подавления Варшавского восстания была серьезно ранена, но сумела вытащить сына из-под огня.

В 1961 г. Тарговски окончил Варшавский политехнический университет с дипломом инженера. Его профессиональные интересы находились тогда в новой сфере – компьютеров. Докторскую диссертацию молодой ученый защищал на тему роли информационных систем в менеджменте. Свое образование он продолжил на курсах в разных компьютерных школах, в том числе при компании Ай-Би-Эм, в ряде европейских стран (Бельгии, Австрии, Франции, Великобритании и т.д.). Тогда же сформировались его политические убеждения, которые периодически причиняли ему неприятности. В частности, еще во время учебы в университете Тарговски уча-

ствовал в студенческих волнениях в Варшаве в 1956 г. (одновременно с Венгерским восстанием, подавленным советскими войсками). В конечном счете, в январе 1980 г. Тарговски уехал на работу в Мексику, а позднее в том же году переехал в США, где попросил политическое убежище. Он работал в ряде американских университетов, но главным местом его преподавательской и научной работы был Университет Западного Мичигана (г. Каламазу). Он автор более 40 монографий, один из крупнейших в мире специалистов по использованию компьютерных информационных систем в сфере бизнеса.

Этот системный подход не только к бизнесу, но и в целом к общественным явлениям подтолкнул ученого к изучению проблемы цивилизаций. Тарговски является автором очень интересной и оригинальной модели цивилизации, которой он вкратце касается в своей статье. Но в целом статья посвящена, конечно, взглядам Сорокина на историю, и надо признать, что Тарговски делает ряд чрезвычайно любопытных и точных суждений о теории Сорокина. Он достаточно критичен в своих оценках, но в этом нет ничего удивительного, ведь даже само появление Сорокина на конференции по изучению цивилизаций было, в общем-то, не вполне логичным, т. к. его собственная теория социокультурных суперсистем шла вразрез с цивилизационным подходом. Если традиция, которую когда-то начал в России Н. Данилевский и которая стала по-настоящему популярной и влиятельной благодаря О. Шпенглеру, усматривает в мировой культуре и истории десятки разных цивилизаций, которые проходят через стадии зарождения, расцвета, упадка и, наконец, смерти, то Сорокин такой взгляд отвергал. Он считал, что реальной силой в истории являются не отдельные цивилизации и культуры, а гораздо более масштабные тренды, охватывающие собой практически все развитое человечество, сущностью которых является периодическая смена ценностно-смысловых ориентаций, определяющих общее поведение людей. Или как о его взглядах писал А. Тойнби: «Он отрицает – и делает это страстно – что совокупная культура исторического общества является осмысленной в своей совокупности. В частности, он отрицает, что культура имеет доминирующую тенденцию, которая характерна для нее на протяжении всей ее географической области и от начала до конца ее истории. Он отвергает шпенглеровскую характеристику индивидуальности каждой отдельной культуры, и он обвиняет меня в том, что я следую за Шпенглером, упражняясь в этой игре интуитивного воображения» [Тоунбее, 1963, р.80]. Итак, Сорокина интересует не отдельная культура – русская, китайская или западно-европейская, – а ее место в общих трендах, которых может быть только три: идеациональная (по преимуществу религиозная), сенсатная (материалистическая) и идеалистическая (гармоничное сочетание двух предыдущих) социокультурные суперсистемы.

Таким образом, различия между «цивилизационщиками» и Сорокиным во взглядах на историю очевидны. Другое дело, что Сорокин, конечно, при всех расхождениях со своими оппонентами вел непрерывный и обстоятельный диалог с ними. Бесспорно, что цивилизационная теория, а особенно «Закат Европы» О. Шпенглера, сыграла огромную роль в формировании собственных взглядов Сорокина. В 1950 г. он опубликовал работу «Социальные философии эпохи кризиса» [Sorokin, 1950], в которой тщательно проанализировал взгляды Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Кребера, Н. Бердяева, А. Швейцера и других крупнейших авторите-

тов в философии истории. Поэтому приглашение Сорокина на конференцию, а затем и предложение возглавить Общество были вполне объяснимы – это было желание продолжать с участием всех заинтересованных сторон творческий разговор по обсуждению проблемы, которая волновала всех собравшихся в Зальцбурге, независимо от расхождений в научных подходах. Этот разговор далеко не закончен. Достаточно вспомнить новую вспышку острого интереса к этой концепции, когда завязались дебаты, инициированные работами «Конец истории» Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1989] и «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона [Huntington, 1993]. Чтобы понимать современный контекст, надо, безусловно, и знать историю вопроса. А статья Эндрю Тарговски добавляет важные детали к нашему пониманию теории Сорокина.

Очень важным представляется сопоставление сорокинской концепции с марксистским учением об обществе и истории. То, что Сорокин имел «особые отношения» с марксизмом, ясно видно из его текстов. Неприязнь к взглядам великого экономиста и социолога у него имеет не холодно академический характер, а неприкрыто эмоциональный – что очень типично для Сорокина, у которого научные разногласия легко перерастали в личные конфликты. Но корень этой нелюбви лежит не только в теоретических расхождениях. Нельзя забывать и о политическом прошлом Сорокина. Его критика марксизма восходит еще к его членству в партии эсеров. Когда же совершился большевистский переворот, началась гражданская война и репрессии, то вину за кровопролитие в России Сорокин возлагал не только на большевистскую партию, но и на ее идеологию, которая опиралась на идеи Маркса. То есть для него Маркс оказался «виноват» в его личной драме, тех испытаниях, которые он претерпел при большевистском терроре, и его вынужденной эмиграции из страны. Однако неприязнь не означает полное отторжение. Неприязнь – это также непрерывный спор с неприятным тебе человеком или идеей, а значит – их влияние на твои собственные взгляды. То, что марксизм «ночевал» в теории самого Сорокина, довольно очевидно. Саму идею социокультурных флуктуаций следует рассматривать по контрасту не только с теорией цивилизаций, но и как альтернативу марксовской идее смены социально-экономических формаций. То есть Сорокин мыслил в том же формате объяснения истории с максимальной «высоты», откуда обзревается весь исторический процесс с самого его начала и до наших дней и откуда просматриваются самые общие тенденции в ней.

Но это если говорить об общих принципах подхода к истории. Тарговски же замечает очень интересную деталь, демонстрирующую, как элементы марксистской теории незаметно, возможно, даже незаметно для самого автора, вкрапливаются в теорию Сорокина. Это прежде всего касается сенсатной социокультурной системы. По мнению Тарговски, это, по сути, своеобразная интерпретация одной из базовых марксистских идей о соотношении «базиса и надстройки». Как известно, базис, т. е. материальное начало (попросту говоря, экономические отношения), по Марксу, всегда предопределяет состояние надстройки, т. е. культуру, эстетику, идеологию и т.д. Впрочем, до полной идентичности дело все-таки не доходит. Ведь, по Марксу, базис всегда первичен по отношению к идеологии, и любые перемены в первом ведут к соответствующим переменам во второй. У Сорокина это соотношение иное: у него всегда доминирует идеология, изменения в которой меняют экономику и другие аспекты материальной жизни. Сами же изменения в надстройке происходят по

внутренним, как он их называет, «имманентным» причинам. Но в любом случае параллели здесь бесспорны, и связь с марксистской парадигмой отрицать сложно.

Как считает Тарговски, Сорокин испытывал трудности с объяснением того, как сосуществуют идеациональные и сенсатные элементы в рамках одной культуры. Само признание их сосуществования, говорит он, было бы фактически признанием правоты марксистской модели «базис–надстройка». Поэтому он якобы «разорвал» эту модель и сделал из нее две социокультурные системы – сенсатную (базис) и идеациональную (надстройка). Вероятно, в этом суждении есть некоторая правота, хотя стоит подчеркнуть, что Сорокин не отрицал самого факта сосуществования элементов обеих систем в любой социокультурной среде, просто с разным весом и долей. Кроме того, не забудем идеалистическую систему, где они находятся в равновесии. Поэтому аргумент Тарговски, наверное, не совсем точен. Однако с мыслью о том, как Сорокин преобразовал марксовские базис и надстройку для нужд своей теории, пожалуй, можно согласиться.

В целом Тарговски критически относится к теории социокультурных флуктуаций Сорокина, выводя негативную оценку из того, что сорокинские предсказания не сбываются, и подкрепляет общую критику рядом частных замечаний. Например, комментируя книгу «Кризис нашего времени», он выражает удивление тем, что Сорокин, говоря о факторах кризиса, почему-то упускает из внимания Великую депрессию и лишь вскользь упоминает сталинизм и нацизм. Скептичен он и по отношению к сорокинской теории альтруизма как панацее от социальных конфликтов, называя ее утопической.

Тарговски предлагает собственный вариант цивилизационной теории, который при внимательном взгляде обнаруживает глубинное сходство с сорокинской концепцией. Он, как и Сорокин, также рассматривает мировую историю как единый процесс, в котором разные культуры («цивилизации») подчиняются общему тренду, более мощному, чем внутренние закономерности культур как изолированных феноменов. У Сорокина переход от одной социокультурной системы к другой происходит по «имманентным» причинам, под которыми он подразумевает иссякание творческих ресурсов той или иной системы, что, соответственно, побуждает к поиску творческого импульса в следующей системе. Объяснение это, надо признать, довольно туманно и абстрактно, за что неоднократно подвергалось критике. Тарговски причины исторической динамики видит в периодическом подъеме «любопытства», когда вдруг вся человеческая энергия направляется на открытие нового знания. Затем эти знания осмысливаются и реализуются в форме технического прогресса, а когда все новые ресурсы исчерпаны, возникает потребность в очередной волне «любопытства» и новом знании... Нельзя не усмотреть здесь прямую параллель с сорокинским объяснением – это тот же самый творческий потенциал, который по исчерпанию требует замены на новое знание. При более детальном, чем у Сорокина, освещении динамики «любопытства» Тарговски не дает удовлетворительных ответов на очевидные вопросы – например, о том, почему «любопытство» должно обязательно проявляться «взрывным» образом, а не «размазанным» по всей длительности исторического процесса? Научные достижения эпохи Просвещения – это вдруг проснувшаяся человеческая любознательность или кумулятивный эффект, достигнутый усилиями целых поколений ученых? Думается, объяснение Тарговски ничуть не

лучше, чем сорокинская интерпретация, во всяком случае его аргументация не представляется достаточно убедительной.

В последние годы главное внимание Тарговски уделяет вопросам «глобальной» цивилизации. Она, по его мнению, связывает воедино разные культуры, вместе с тем бросая им серьезный вызов, от ответа на который зависит существование каждой отдельной цивилизации (здесь он рассуждает в контексте идеи «вызова–ответа» А. Тойнби). Новая ситуация возникает вследствие стремительного развития технологий, которые подняли на новый уровень нормы предпринимательской коммуникации, эффективности международного транспорта, качества продукции и т.д. Это вызов как нациям, так и каждому индивиду: «Таким образом, гражданин любой цивилизации должен справляться с двумя цивилизационными вызовами: одним, идущим из его/ее собственной цивилизации, и другим – идущим из глобальной. Глобальная цивилизация не должна заменять собой автономную (вертикальную) цивилизацию, как это воспринимается многими лидерами “подвергнутых вторжению” цивилизаций. Напротив, необходимо выработать такие модели поведения, которые могут справиться одновременно с этими двумя цивилизациями. Похоже, что это будет одним из главных вызовов третьего тысячелетия для всех жителей Земли» [Targowski, 2009, p.36]. Иначе говоря, глобальная цивилизация возникает как новый цивилизационный уровень, наложенный на отдельные цивилизации. Но и это еще не все: Тарговски считает, что в будущем возникнет еще один уровень – «универсальная» цивилизация, которая еще больше усложнит и без того полную вызовов и проблем человеческую жизнь, историю и культуру.

Здесь, как и Сорокин, он приходит к необходимости предложить свое решение неминуемых конфликтов и драм, которые предстоят человечеству. Он полагает, что помощь придет от новой универсальной ценностной системы, которую он называет «духовность 2.0» и которая должна вобрать в себя все лучшее из нравственных систем всех отдельных цивилизаций. И вновь попытка альтернативного решения оказывается аналогичной рецептам, когда-то предписанным Сорокиным – в данном случае его альтруизму, который он также видел как совокупность всего наилучшего, выбранного из мировых религий и этики. Но если Тарговски назвал утопическим решение Сорокина, то здесь его вердикт возвращается бумерангом к его собственным предписаниям.

Все это не значит, что мысли Тарговски не заслуживают внимания или что они неудачны или вторичны. Вывод скорее другой – что сама тема чрезвычайно трудна, если вообще разрешима. И что эта тема остается важнейшей для каждого социально ответственного ученого. Что же касается оценки научного наследия Сорокина, то Тарговски представляет ее по пунктам, отмечая как недостатки, так и достоинства, и в целом эта оценка очень высока.

В заключение отметим, что в тексте Тарговски о Сорокине есть несколько неточностей, впрочем, простительных для автора, не слишком плотно знакомого с российской историей и культурой, в том числе и с современными реалиями. Так, у него Ломоносов попадет в число русских ученых начала XX в., а Фонд Кондратьева якобы осуществляет главную работу по переводу трудов Сорокина на русский язык и их публикации в России. На самом деле фактически вся переводческая и издательская деятельность, связанная с Сорокиным, сейчас осуществляется сыктывкарским

№ 1 (20) (2022) Центром «Наследие». Впрочем, читателям журнала «Наследие» и всем читателям Сорокина этот факт хорошо известен.

Литература

- «Наследие» *Fukuyama F.* «The End of History?» // *The National Interest*, 1989 (16). – Pp. 3–18.
Huntington Samuel P. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, Summer 1993, vol. 72, no. 3. – Pp. 22–49.
Sorokin Pitirim A. *Social Philosophies of an Age of Crisis.* Boston: the Beacon Press. 1950. – 345 p.
Targowski A. *Information Technology and Societal Development.* New York. IGI Global. 2009. – 404 p.
Toynbee A. *Sorokin's Philosophy of History* // Philip J. Allen, ed. *Pitirim A. Sorokin in Review.* Duke University Press, Durham, N.C. 1963. – Pp. 67–94.

УДК 316

Э. Тарговски
Каламазу, США

«Наследие»
№ 1 (20) (2022)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПРАЗДНУЕТ 130-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИТИРИМА А. СОРОКИНА, ПРЕЗИДЕНТА И ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА, С СОВРЕМЕННЫМ ВЗГЛЯДОМ НА ЕГО НАСЛЕДИЕ*

Цитирование: Тарговски Э. Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций празднует 130-летие со дня рождения Питирима А. Сорокина, президента и основателя общества, с современным взглядом на его наследие // Наследие. 2022, № 1(20). – С.37–58.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.3>

Citation: Targowski A. *Mezhdunarodnoe obshchestvo po sravnitel'nomu izucheniyu civilizacij prazdnuet 130-letie so dnya rozhdeniya Pitirima A. Sorokina, prezidenta i osnovatelya obshchestva, s sovremennym vzglyadom na ego nasledie* [The ISCSC Celebrates the 130th Birth Anniversary of Pitirim A. Sorokin, the Founding President, with a Contemporary View of His Legacy] // *Nasledie* [Heritage]. 2022, № 1(20). – pp.37–58.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.3>

В данном исследовании анализируется наследие Питирима Сорокина, президента и основателя ISCSC (International Society for Comparative Study of Civilizations – Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций), с точки зрения его методологии, масштаба его работ и его восприятия американскими коллегами. Его воспринимали скорее как пророка, чем как ученого. Кроме того, он был скрытым антиленинцем, он прошел через разные кризисы и был одержим ими и, как духовно высокая личность, воспринимал альтруизм, Абсолют, Бога, любовь, долг, жертвенность, милосердие и справедливость как единственные решения, способные восстановить и спасти человечество. Его теория социальной и культурной динамики похожа на социэкономiku Маркса, однако она была перенастроена на другой лад, поскольку он был ярким антикоммунистом, человеком, приговоренным к смерти и впоследствии помилованным В. Лениным. Похоже, что, работая в США, он стремился скорее к разработке теории о том, как перестроить человечество

* По изданию: Targowski A.S. (2020) «The ISCSC Celebrates the 130th Birth Anniversary of Pitirim A. Sorokin, the Founding President, with a Contemporary View of His Legacy» *Comparative Civilizations Review*: Vol. 82: No. 82, Article 7. Перевод с английского Н.Ф. Зюзева.

в самом широком смысле, чем к разработке социологических решений для реальных процессов индустриализации, урбанизации и механизации, несмотря на то, что он занимал очень престижную должность основателя кафедры социологии в Гарвардском университете. Это исследование, осуществленное спустя 70 с лишним лет с момента публикации его первой книги о динамике и будущем человечества, свидетельствует о том, что его пророческие предсказания не сбылись.

Ключевые слова: *Питирим Сорокин, ISCSC.*

Targowski A. The ISCSC Celebrates the 130th Birth Anniversary of Pitirim A. Sorokin, the Founding President, with a Contemporary View of His Legacy *This study analyzes the legacy of Pitirim Sorokin, founding President of the ISCSC, in terms of his methodology, the scope of his works, and his acceptance by his American peers. He was perceived as a prophet rather than a scientist. Furthermore, he was a hidden anti-Leninist who lived through and was obsessed with crises, and, being spiritually cultivated, he perceived altruism, the Absolute, God, love, duty, sacrifice, grace, and justice as the only solutions that can reconstruct and save humanity. His theory of social and cultural dynamics is like Marx's socioeconomics; however, it was reconfigured to sound different, since he was a staunch anti-Communist as well as someone who had been sentenced to death and later pardoned by V. Lenin. It appears that his stay in the U.S. was aimed more at developing a theory of how to reconstruct humanity from a big-picture point of view than to develop sociological solutions for the actual processes of industrialization, urbanization, and mechanization, even though he kept the very prestigious position of being founding chair of the Department of Sociology at Harvard University. This study found that his prophetic predictions have not taken place in the last 70+ years since the publication of his first book on humanity's dynamics and future.*

Key words: *Pitirim Sorokin, ISCSC.*

Введение

Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций (ISCSC) было официально основано в 1961 г. на конференции в Зальцбурге (Австрия), организованной историком Отмаром Андерле, и в ней приняли участие его коллеги-историки Арнольд Дж. Тойнби и Раштон Кулборн. Социолог Питирим Сорокин (1889–1968) был избран первым президентом нашего Общества. Он был одной из самых оригинальных, талантливых и противоречивых личностей в американской социологии. Его впечатляющий взлет из нищенского детства в царской России до олимпийских высот Гарвардского университета удивлял многих его коллег и последователей. Однако следует помнить о том, что в начале XX в. российская интеллектуальная элита не уступала интеллектуальной элите англосаксонских стран.

Среди русской элиты конца XIX – начала XX в. можно назвать имена таких писателей, как Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, Пушкин, Набоков и Гоголь; композиторов – Стравинского, Римского-Корсакова, Скрябина, Мусоргского и Чайковского; артистов балета (Большой театр); ученых – Ломоносова, Циолковского, Павлова, Кондратьева, Канторовича, Данилевского, Альтшулера, Лифшица, Менделеева, Сикорского и других. Поэтому неудивительно, что Сорокин, выходец из России, стал основателем кафедры социологии в Гарварде. Однако несколько озадачивает, что такой известный американский университет основал столь значимую ка-

федру в столь позднее время. К 1930 г. Сорокин уже успел побывать руководителем кафедры социологии в Санкт-Петербургском университете в 1919–1922 гг.

Довольно странно, что Сорокин, несмотря на бедную юность, стал противником большевиков и служил личным секретарем у первого и единственного демократического премьер-министра Александра Керенского (1881–1970). Сорокин, к счастью, остался жив, несмотря на смертный приговор большевистского «суда», и был помилован В. Лениным благодаря вмешательству друзей. Он получил образование и защитил докторскую диссертацию в революционной стране, вовлеченной в Первую мировую войну, где голод был почти в каждом доме. В конце концов в 1922 г. ему дали разрешение покинуть страну, и он отправился в эмиграцию. В возрасте всего 33 лет он уже был признанным ученым, известным за рубежом. Президент Эдвард Бенеш и премьер-министр Томас Масарик предложили ему специальную стипендию и работу в Карловом университете в Праге. Впоследствии, получив от американских университетов приглашения выступить с докладами о русской революции, он и его жена Елена в 1922 г. уехали из Европы в США.

1922 г. был хорошим годом для иммигрантов, в том числе и для Сорокиных. В период с 1890 г. до середины 1920-х гг. миллионы иммигрантов прибыли из Южной и Восточной Европы. К старым поколениям иммигрантов WASP (белые, англосаксы, протестанты) добавились новые поколения PIGS (поляки, итальянцы, греки и славяне). Всего из России иммигрировало около 3,2 миллиона человек (включая поляков и представителей других славянских народов). Примерно 44 % из них были евреями, спасавшимися от погромов в России. Еще один удивительный факт: за семь лет Сорокин (который иммигрировал, не зная английского языка) получил широкое признание в американских университетах (он работал в университете Миннесоты и много путешествовал) как яркий ученый-социолог, опубликовавший работы по русской революции, социальной мобильности, социологической теории и сельской социологии, в результате чего ему предложили организовать кафедру социологии в Гарварде. За столь короткое время он утвердился в качестве лидера американской социологии.

Сорокин: ученый или пророк

С 1930 по 1944 г. кафедра социологии в Гарварде под руководством Сорокина процветала; она привлекла целое поколение молодых ученых, которые впоследствии сами оказали большое влияние на эту дисциплину. В этот период Сорокин опубликовал свой *magnum opus* под названием «Социальная и культурная динамика». Тогда же он был вовлечен в ожесточенное соперничество с Толкоттом Парсонсом (1902–1979) за контроль над кафедрой. Парсонс был американским социологом, работавшим в Гарвардском университете с 1927 по 1973 г., одним из самых влиятельных структурных функционалистов 1950-х гг. Как функционалист, он исследовал ключевые элементы в деятельности общества.

В конечном итоге Парсонс сместил Сорокина и преобразовал департамент социологии в департамент социальных отношений. Конфликт между Сорокиным и Парсонсом был настолько жестким, что даже сегодня в официальной истории кафедры Сорокин не упоминается, хотя он ее основал и возглавлял в течение 15 лет.

Тем не менее Сорокин остался в Гарварде, где в 1946 г. основал Центр творческого альтруизма; однако за его пределами он продолжал работать в относительной безвестности. В 1961 г. он попытался переключиться на философию истории и отправился в Европу, где в Зальцбурге был избран первым президентом Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций, чему сильно поспособствовал основатель этого научного направления Арнольд Тойнби (1889–1975), ровесник Сорокина, который очень ценил его как талантливого ученого. Сорокин, в свою очередь, высоко отзывался о теории цивилизаций Тойнби [Sorokin, 1950, p.120]. Его позитивная оценка была большой редкостью, поскольку Сорокин был весьма критичен по отношению к коллегам. Однако увлечение теорией цивилизаций длилось недолго: в 1963 г. достижения Сорокина наконец-то были признаны, и он был избран президентом Американской социологической ассоциации (ASA).

Сорокин рассматривал социологические проблемы в максимально широкой перспективе, исследуя динамические изменения на уровне целой нации. Как человек, переживший русскую революцию, он понимал, что социальные изменения влияют на все общество, в то время как американские социологи подходили к делу с более узкой точки зрения, включая изучение процессов индустриализации, урбанизации, а также технологического прогресса, вызванного механизацией и моторизацией. Сорокин утверждал, что американский подход является провинциальным [Ashley Montague, 1938, p.282–284]. Очень часто он нарушал негласные правила поведения, высмеивая осторожных, не склонных к авантюрам коллег и подшучивал над ними. В отместку они смотрели на него как на интеллектуального еретика и откровенного провокатора, а не как на ученого, тогда как социология стремилась быть строгой наукой. В результате идеи Сорокина либо последовательно игнорировались, либо неправильно понимались на протяжении более четверти века.

Кроме того, он не был доброжелательным по отношению к своим студентам. Они чувствовали себя подавленными его превосходством и силой интеллекта и часто находили его недружелюбным, резким и слишком критичным по отношению к их научной работе [Johnstone, 1995, p.95]. Некоторые выпускники отмечали, что Сорокин был человеком исключительно образованным, но ему не хватало мудрости и здравого смысла [Johnstone, 1995, p.103]. Похоже, Сорокин был доктринером, что типично для революционеров, готовых умереть за свои идеалы. Его позиция была несовместима с установками его американских коллег, склонных к консенсусу. Поэтому в итоге его стали избегать и намеренно забыли. Это было печально для социологии, поскольку, помимо общепринятого индуктивного метода, дедуктивный, пророческий подход Сорокина был крайне важен для выявления общественных тенденций, разрушительных процессов и агентов социальных явлений.

Поскольку подход Сорокина был забыт, сегодня социологические исследования главным образом основаны на изучении прошлого, что предполагает линейное развитие общества; однако в век высоких технологий очевидным становится другое правило – что будущее сулит массу нелинейных решений, которые нельзя обосновать статистически. Таким образом, современная глобализация и цифровизация поддерживаются политическими лидерами, которым недостает совета от знающих и мудрых социологов и выводов экономически ориентированных дедуктивных исследований, проводимых ради общего блага.

Библия Сорокина:
«Социальная и культурная динамика» (1937–1941)

Книга Сорокина «Социальная и культурная динамика» была опубликована в четырех томах в очень смутные времена (1937–1941 гг.) и заново отредактирована в 1957 г. По ее масштабу эту книгу можно сравнить с работами Тойнби* и Шпенглера**. Сорокин классифицировал общества в соответствии с их *культурным менталитетом*, который можно рассматривать как:

- *идеациональный* (реальность духовна) – согласно этому взгляду, реальность – это нематериальное, вечное Бытие.
- *сенсатный* (реальность материальна) – этот менталитет рассматривает реальность как то, что воспринимается органами чувств и никакими другими способами. Он является атеистическим или агностическим. Его основная цель – господство над чувственно воспринимаемым миром ради физического удовлетворения. Его эпистемология – эмпирическая.
- *идеалистический* – этот взгляд сочетает в себе лучшее из двух других менталитетов с добавлением разума как способа познания.
- *логико-смысловые* кластеры – они являются результатом интеграции культурных элементов, таких как события, отношения и объекты, которые исходят из одного и того же комплекса ценностей или критериев истины и которые, как представляется, каким-то образом вписываются в общее мировоззрение. Это кластеры установок, которые объединяют эти периоды различных ориентаций.
- *скопления* – это элементы культуры, которые несовместимы ни с каким паттерном и которые не производят впечатления, что они «принадлежат» к другим элементам.

Также:

- органы чувств рассказывают нам о повседневных чувственных событиях;
- интуиция дает нам массу переживаний, которые являются нашим единственным источником глубокого общения с абсолютом;
- разум упорядочивает и оценивает данные, собранные органами чувств и интуицией;
- сочетание этих трех составляющих дает нам «интегральную» систему истины.

Следовательно, Сорокин сам использовал интегрализм в своих исследованиях.

Сорокин утверждал, что главные цивилизации развиваются от идеационального к идеалистическому менталитету и в конечном итоге – к сенсатному. Каждая из этих фаз культурного развития не только пытается определить природу реальности, но и определяет характер человеческих потребностей и целей, которые должны быть удовлетворены, степень и способы удовлетворения. Сорокин интерпретировал современную западную цивилизацию как сенсатную, ориентированную на техниче-

* А. Тойнби (1934–1939) – шесть томов его главного труда «Исследование истории» были опубликованы издательством Оксфордского университета.

** О. Шпенглер. (1918–1922) *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* [The Decline of the West: Outlines of a Morphology of world history], *Gestalt und Wirklichkeit; Welthistorische Perspektiven (in German)*, 2 vols. – *The Decline of the West; an Abridged Edition* by Helmut Werner (tr. by F. Atkinson).

ский прогресс, предсказывал ее упадок и наступление новой идеациональной или идеалистической эпохи.

По мнению Сорокина, западная культура сейчас находится в третьей сенсатной эпохе своей истории. В таблице 1 приводится его взгляд на эту историю.

Таблица 1
Культурные периоды западной цивилизации по Сорокину [Uebersax, 2010]

Период	Культурный тип	Начало	Конец
Греческая темная эпоха	Сенсатный	1200 до н.э.	900 до н.э.
Архаическая Греция	Идеациональный	900 до н.э.	550 до н.э.
Классическая Греция	Интегральный	550 до н.э.	320 до н.э.
Эллинистический – римский	Сенсатный	320 до н.э.	400
Переходный	Смешанный	400	600
Средние века	Идеациональный	600	1200
Высокое средневековье, Ренессанс	Интегральный	1200	1500
Рационализм, век науки	Сенсатный	1500	По настоящее время

Сорокин изучил большое количество мировых обществ и в каждом из них, как он считал, обнаружил свидетельства о регулярном чередовании сенсатной и идеациональной ориентаций, иногда с перерывами на интегральную культуру.

Эти периоды могут длиться очень долго – вплоть до нескольких столетий, как, например, сенсатное (материалистическое) общество западной цивилизации, которое доминировало последние шесть столетий от итальянского Возрождения (1500) до середины XX в.

Сорокин пишет: *«Организм западного общества и культуры, похоже, переживает один из самых глубоких и значительных кризисов в истории. Мы находимся как бы между двумя эпохами: умирающей сенсатной культурой нашего великолепного вчерашнего дня и наступающей идеациональной или идеалистической культурой творческого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце блестящего шестисотлетнего сенсатного дня. ... Перед нами и грядущими поколениями начинает маячить ночь переходного периода – возможно, с ее кошмарами, пугающими тенями и душераздирающими ужасами. Однако за ее пределами людей будущего, вероятно, ожидает рассвет новой великой идеациональной или идеалистической культуры»* [Sorokin, 2014].

Однако общий анализ исторических эпизодов противоречит его суждению. Западная цивилизация в течение последних 600 с лишним лет имела периоды идеациональной ориентации, такие как Французская, Мексиканская и Русская революции. Невозможно утверждать, что во время этих революций, а также Первой и Второй мировых войн общества придерживались сенсатной ориентации, основанной на материальном благополучии, которая двигалась к своему закату (возможно, за исключением Берлина в 1920-х гг.).

Даже поверив на минуту в типологию общественных ориентаций Сорокина, трудно рассматривать Средние (Темные) века как идеациональные, даже с учетом подъема христианства в тот период.

Более того, в действительности практически невозможно отделить идеалистическую ориентацию от сенсатной, особенно в западной цивилизации; однако Сорокин не мог принять их к анализу как сосуществующие (хотя он и выделяет интегральную [идеалистическую] ориентацию как временами существующую), поскольку в противном случае он считался бы марксистом. Это объясняется тем, что сенсатная (материалистическая) ориентация аналогична базису Маркса (подструктуре, состоящей из производственных сил и производственных отношений), а идеалистическая ориентация аналогична надстройке Маркса, состоящей из культуры, институтов, структур политической власти, ролей, ритуалов и государства.

Маркс анализирует эти структуры как сосуществующие (интегральная ориентация Сорокина), подчеркивая, что базис влияет на надстройку.

В либеральной демократии все наоборот: надстройка влияет на базис. Однако при турбокапитализме базис влияет на надстройку, что и происходит сегодня в западной цивилизации.

Спустя примерно 70 лет после того, как Сорокин предложил свою типологию этих периодов, была представлена более реалистичная Большая модель цивилизации, показанная на рисунке 1 [Targowski, 2009a, p.170]. Эта модель основана на коротких периодах чередования анализа и проектирования в рамках длительных периодов человеческого Любопытства, отделенных друг от друга промежутками примерно в 400 лет. Эта модель организована по двум критериям: информация и энергия. На основе ее синтеза можно сделать следующие наблюдения о развитии цивилизации:

- Четыре изобретения – печать, паровой двигатель (внутреннего сгорания), компьютер и Интернет – определили направления развития цивилизации за последние 500 лет. Печать освободила мышление, и в результате был создан двигатель вну-

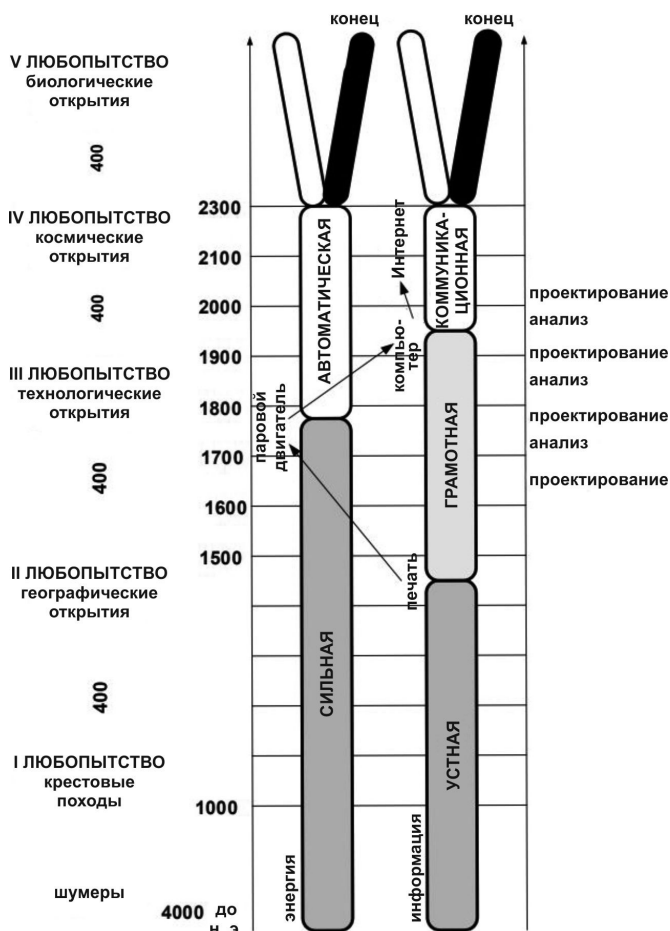

Рисунок 1. Инфоэнергетическая Большая модель развития цивилизации [Targowski, 2009a, p.170]

тренного сгорания, благодаря которому у людей появилось больше времени на образование. Как следствие, они разработали компьютер, который помог улучшить контроль над процессами и использование ресурсов. Наконец, Интернет произвел революцию в общении между людьми во всем мире.

• Каждые 400 лет происходит вспышка великого любопытства, которое приводит к географическим открытиям, новым изобретениям и начинаниям в области наук о космосе и жизни. В течение более коротких периодов развитие цивилизации происходит при чередовании двух фаз – анализа и проектирования.

Это похоже на демократию, где одна партия правит, в то время как оппозиционная партия анализирует ситуацию и готовит свой проект, чтобы править в следующий раз, когда ее выберут.

Сорокин изначально сформулировал свой взгляд на социальную и культурную динамику в терминах трех основных процессов:

- значительное перемещение творческого центра человечества из Европы на Тихий океан;
- прогрессирующий распад сенсатной культуры;
- первые признаки появления и роста нового идеалистического социокультурного порядка.

В этой же работе Сорокин приложил чрезвычайные усилия, чтобы установить взаимосвязь между (а) войной и миром и (б) процессом социальных и политических изменений. Вопреки распространенному мнению, он указал, что масштабы и глубина войны развиваются в периоды социальной, культурной и территориальной экспансии нации. Короче говоря, война – это всего лишь функция развития и социального упадка.

Актуальны ли его предположения сегодня? С момента публикации идей Сорокина прошло около 70 лет, которые были насыщены грандиозными событиями, например, процессами глобализации. Однако «сдвига творчества» из «Европы на Тихий океан не произошло»; скорее, из-за дешевой рабочей силы в Азии туда было перенесено производство. В 2010-х гг. китайцы предоставили множество патентов, но в основном это касалось цифровой сферы – технологии, которую можно легко усовершенствовать с домашнего компьютера и которая главным образом основана на ранних западных решениях в бизнесе и науке.

С другой стороны, действительно, происходит «прогрессирующий распад сенсатной культуры», в основном из-за существенного неравенства в западной цивилизации, что может привести к социальным волнениям и, возможно, даже к революции. Например, так называемые прогрессивные демократы в США хотели бы перейти от капитализма к демократическому социализму на президентских и парламентских выборах 2020 г.

Прав ли Сорокин, что социализм в США подтолкнет американское общество «к новой идеалистической ориентации»? Например, улучшится ли всеобщее медицинское страхование, качество физического благополучия граждан? И будет ли здравоохранение организовано лучше, чем в Канаде и Великобритании, где время ожидания помощи может составлять недели и месяцы, а в Великобритании люди старше 65 лет не имеют доступа к полному спектру медицинских услуг?

Взгляд Сорокина на цивилизацию в контексте теорий ранних лидеров изучения цивилизации

В книге «Социальная философия эпохи кризиса» [Sorokin, 1950] Сорокин критически оценивает теории цивилизации и мировой истории, выдвинутые Николаем Данилевским, Освальдом Шпенглером, Арнольдом Тойнби, Вальтером Шубартом, Николаем Бердяевым, Ф.С.К. Нортропом, Альфредом Л. Крёбером, Альбертом Швейцером и другими авторами.

Сорокин считает, что новейшие системы социальной философии и философии истории свидетельствуют о распаде сенсатного порядка, безрассудно несущегося навстречу хаосу и эклектизму.

По мнению Сорокина, все ранние теории учитывают данную социальную дезинтеграцию и оказались так или иначе подвержены ее воздействию. Он оценивает эти теории следующим образом:

- общий характер философии истории Николая Данилевского* (1822–1885) и современные трения между Европой и Россией делают его взгляды поразительно актуальными. Его Россия и Европа сегодня живет, чем 80 лет назад [Sorokin, 1950, p.50]. Европа не считает Россию своей частью, а славян вообще воспринимает как нечто совершенно чуждое себе, но в то же время как нечто, что нельзя использовать как материал для эксплуатации в своих интересах, как это делают Китай, Индия, Африка и Латинская Америка. Фактически Европа воспринимает Россию и славянство не только как нечто чуждое, но и как недружественную силу [Sorokin, 1950, p.51]. Сорокин также поддерживает взгляд Данилевского на цивилизацию и в конце концов даже соглашается с ним в том, что панславянская интеграция могла бы сформировать особую цивилизацию, способную конкурировать с западной цивилизацией.

- более того, Сорокин считает, что панславизм отражает стратегию восточного, (бывшего) советского блока. Он приводит пример славянской Польши [Sorokin, 1950, p.70], которая «европеизировалась», но не приняла «западные ценности» (протестантский культ добросовестной трудовой этики), предпочтя сохранение «славянских ценностей» (как-нибудь да все образуется) и представляя собой плачевный пример искаженной и несбалансированной культурной «дворняжки»**.

- оценка Сорокиным вклада Данилевского была вполне оправданной и спустя 60 лет после того, как он ее высказал. Однако после вступления Польши в НАТО (1999) и Европейский Союз (2004) новое польское поколение охотно принимает западные ценности. Удивительно, но в 2016–2019 гг. польское правительство перешло от мощной группы Веймарского треугольника Франция–Германия–Польша к панславянской Вышеградской группе в рамках ЕС, состоящей из Польши, Словакии, Чехии и Венгрии (неславянской).

- гегелевская диалектическая «Идея в себе» Освальда Шпенглера (1880–1936) [Мир как история и «Идея как ее другое» (Мир как природа)] положительно воспринимается Сорокиным, поскольку Шпенглер отвергает линейное развитие цивилизации.

* N. Danilevsky. (1869). *Russia and Europe: A Viewpoint on the Political Relations between the Slavic and Germano-Romanic Worlds*. *Zaria (Dawn magazine)*.

** Собака без определенного типа или породы.

Сорокин принимает идею «великой культуры» у Шпенглера как базовое понятие, необходимое для изучения человеческого развития, которое состоит из нескольких стадий.

- последняя из них – стадия цивилизации, которая выражается в развитии городов и как таковая является последней стадией перед падением данной Великой культуры. Однако он оспаривает мысль Шпенглера о том, что все культуры в своем жизненном цикле проходят через схожие стадии и что каждая из них переходит от одной стадии к другой примерно за одинаковый промежуток времени. В связи с этим он также оспаривает существование 50, 100, 300 и 600-летней периодичности в историческом процессе [Sorokin, 1950, p.111]. Сорокину не нравятся строгая периодизация Шпенглера и жизненный цикл великих культур, который включает в себя рождение, рост, созревание и упадок, подобно тому, как природа проходит через весну–лето–осень–зиму. Напротив, Сорокин считает, что в культурах есть кластеры (организованные объекты) и скопления (неорганизованные объекты), которые проходят через идеациональную, сенсатную и идеалистическую (интегральную) стадии, длящиеся очень долго (несколько столетий).

- оба автора (Шпенглер и Сорокин) ошибаются. Согласно современным взглядам, цивилизации (Великие культуры) не умирают, поскольку они трансформируются в новые цивилизации. Например, западная цивилизация в XII в. трансформируется в глобальную цивилизацию [Targowski, 2015a]. Без сомнения, глобальная цивилизация имеет в своей «ДНК» «гены» западной, римской, греческой и даже шумерской цивилизаций, которые все существовали в течение последних 6 000 лет и более, начиная с тех времен, когда впервые появился *homo sapiens*. Рисунок 2 иллюстрирует этот процесс.

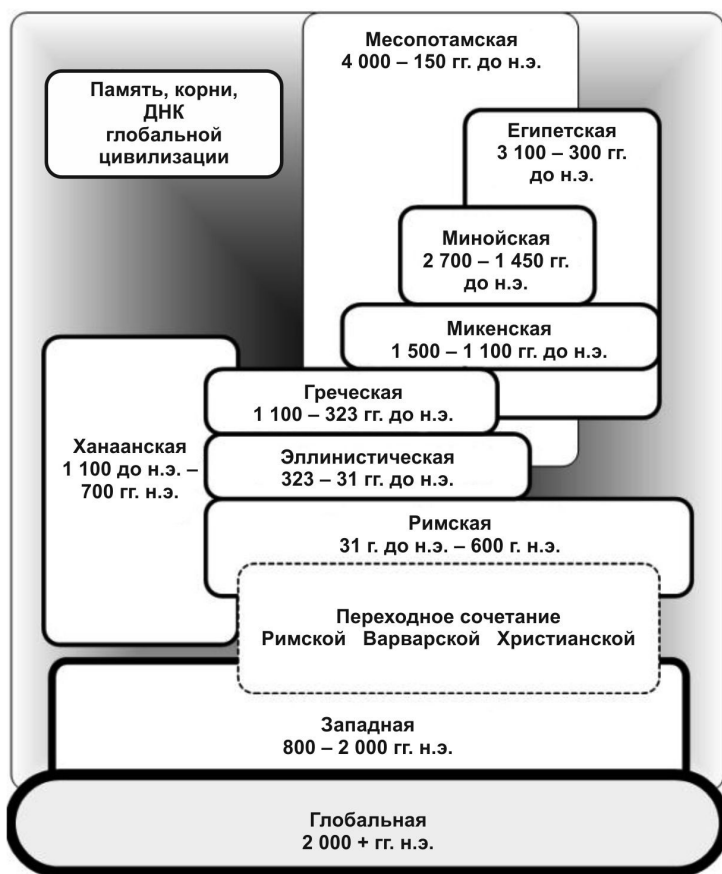

Рисунок 2. Память, корни и «ДНК» глобальной цивилизации (модель Тарговски)

На рисунке 3 изображена общая модель жизненного цикла цивилизации.

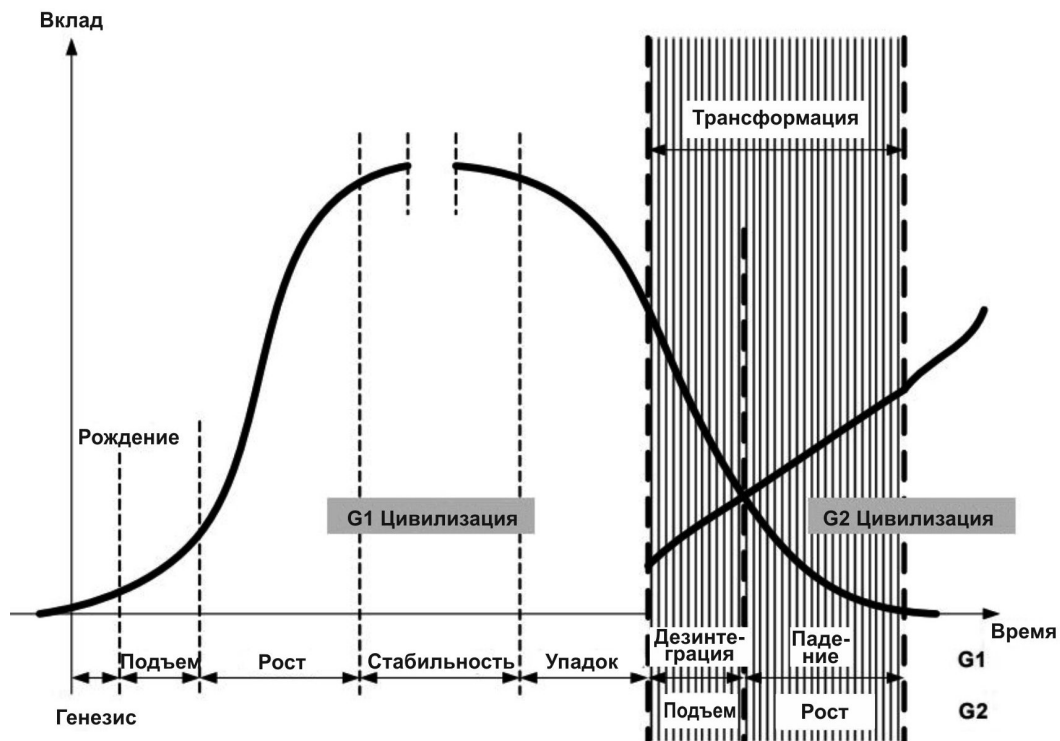

Рисунок 3. Модель жизненного цикла цивилизации, G-поколение цивилизации [Targowski, 2009a, p.50]

• теория цивилизации Арнольда Тойнби (1889–1975) высоко оценивается Сорокиным [Sorokin, 1950, p.120]. Он дает ей «добро» в этом очень позитивном заявлении: «Такова общая структура философии истории Тойнби. Он облачает ее в богатый и полнокровный корпус фактов, эмпирической верификации и большого количества субпозиций. Основной тезис, как и подтезисы, кропотливо проверяются на известных эмпирических фактах из истории двадцати одной изученной цивилизации. Работа в целом является реальным вкладом в область исторического синтеза».

Сорокин принимает концепцию цивилизации Тойнби (которая отличается от концепции его самого), что видно из следующего утверждения [Sorokin, 1950, p.206]:

«Под “цивилизацией” Тойнби подразумевает не просто “область исторического исследования”, а единую систему, отдельные компоненты которой связаны между собой причинно-следственными и смысловыми связями: цивилизация – это целое, все части которого когерентны друг другу и все они влияют друг на друга... Одной из характеристик цивилизаций в процессе роста является то, что все аспекты и виды деятельности в их социальной жизни координируются в единое социальное целое, в котором экономические, политические и культурные элементы находятся в плотном согласовании друг с другом благодаря внутренней гармонии растущего социального организма».

- оценка Сорокиным теории цивилизации Тойнби по существу верна. Вклад Тойнби и его фундаментальные положения о развитии цивилизации остаются существенными и необходимыми даже спустя 70 лет.

- теория цивилизации Альфреда Л. Крёбера (1876–1960) в определенной степени принимается Сорокиным. Однако Сорокин не согласен с интеграционной ориентацией Крёбера, поскольку для Сорокина в большинстве периодов развития цивилизации идеациональная и сенсатная ориентации разделены. Более того, Крёбер ошибается, полагаясь в своих данных в основном на сенсатный источник – Британскую энциклопедию; таким образом, он оказывается предвзятым в пользу сенсатных достижений [Simpson, 1953, p.125].

- неприятие Сорокиным сенсатных источников данных, например, тех, что использовал Крёбер, представляется слишком субъективным обвинением. Сегодня Крёбера ценят за его определение цивилизации как объективного комплекса технологических и информационных явлений, а также за его определение культуры как субъективного комплекса элементов, включая религию [Targowski, 2009a, p.4].

Сорокин не боялся делать обобщения относительно цивилизаций, метко заявляя, например, что греческая цивилизация возвышала прекрасное до такой степени, что в этом ей нет конкурентов среди других цивилизаций. Он также придерживался мнения, что основной вклад европейской цивилизации (сегодня это западная цивилизация) заключается в развитии науки; семитских цивилизаций – в религии; римской цивилизации – в праве и политической организации империи; китайской цивилизации – в практическом и полезном; а индийской (или индуистской) цивилизации – в воображении и фантазии, а также в некотором мистицизме. Более того, он считал, что когда цивилизация выполняет свою задачу, она обязательно умирает [Sorokin, 1950, p.66].

С такой же легкостью Сорокин оценивает великих людей, что видно из его заявления о том, что Жорж Кювье* был лучше Аристотеля; что Лаплас был умнее Архимеда; что Кант мыслил лучше Платона; что Наполеон был более выдающимся военным гением, чем Цезарь или Ганнибал, и что Канова** понимал красоту лучше, чем Фидий или Пракситель [Sorokin, 1950, p.67].

Сорокин также утверждает, что он не обнаружил в истории ни линейной эволюции, ни повторяющихся циклов социальных изменений, а лишь «колебания» и «бесконечные вариации». Однако эта точка зрения не будет точной, если под «циклами» понимать повторяющиеся, закономерные, предсказуемые события или отношения. Сорокин говорит, что история всегда повторяется и в то же время никогда не повторяется, и поэтому оба эти кажущиеся противоречивыми утверждения верны и, по сути, вовсе не противоречат друг другу при правильном понимании, поскольку идентичные повторяющиеся социокультурные процессы невозможны.

* Жан Леопольд Николая Фредерик, барон Кювье (1769–1832), известный как Жорж Кювье, был французским натуралистом и зоологом, которого иногда называют «отцом-основателем палеонтологии».

** Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор-неоклассик, известный своими мраморными скульптурами. Творчество Канова, считающегося величайшим из неоклассических художников, было вдохновлено барокко и классическим возрождением, но он избегал мелодраматизма первого и холодной искусственности второго.

В конечном счете, Сорокин придерживается следующей точки зрения [Sorokin, 1957, p.674–675]:

- западная цивилизация к настоящему времени завершила два цикла, имевшие следующую форму: идеациональный, идеалистический, сенсатный, хаос. Сейчас мы вступаем в эпоху хаоса, из которой затем перейдем в идеациональный период. Можно предсказать, что войны, революции, голод и эпидемии будут возрастать и количественно, и по интенсивности, поскольку так всегда происходит, когда сенсатная культура умирает, а ее идейный преемник еще не восстал из руин. И похоже, что в долгосрочной перспективе (на протяжении нескольких столетий) эта циклическая теория подтвердится.

- Сорокин опубликовал свою книгу в 1941 г. во время Второй мировой войны, которая к тому времени длилась уже два года – достаточно долго для того, чтобы убедиться, что хаос находится на подъеме. Действительно, в Восточной Европе и России бушевала война. США, однако, спокойно и организованно готовились к войне, и в итоге, благодаря лучшей и более сильной организации, чем у Германии и держав Оси, союзные войска выиграла войну; это касается и Советского Союза, где стабильное тоталитарное правительство свело хаос к минимуму. Возможно, на Сорокина также повлияла Великая депрессия (1926–1941), которая была преодолена благодаря «Новому курсу» и Второй мировой войне. После Второй мировой войны радостные победители (а также Германия) вступили в период интенсивного восстановления послевоенной экономики, что привело к так называемым чудесным 1960-м гг. – времени, которое было не хаотичным, а скорее счастливым и организованным.

Исключением была Восточная Европа, контроль над которой перешел от Германии к Советскому Союзу и где хаос, безусловно, присутствовал, хотя и смягчался медленным централизованным бюрократическим планированием. Возможно, это была идеациональная фаза в постхаосном периоде. Примечательно, однако, что План Маршала (1948) уже способствовал реконструкции Европы (Западной) в экономическое чудо. Тогда почему Сорокин в заново отредактированных изданиях (например, в 1957 г., во втором издании издательства «Портер Сарджент» в Бостоне) не указывал, что западная цивилизация больше не находится на стадии хаоса, а уже перешла на новую идеациональную стадию?

Как бы то ни было, мы оставались в той же самой западной цивилизации, что противоречило правилу Сорокина. Более того, может быть, речь должна идти не о следующей фазе в цикле, а о трансформации угасающей цивилизации в цивилизацию следующего типа? Долгоживущие цивилизации могут вовлекаться поочередно в стадии анализа и проектирования. Например, за последние 5 000 лет китайская цивилизация много раз проходила через стадии анализа и проектирования, не трансформируясь в иной вид цивилизации.

Сорокин о «Кризисе нашего века» (1942) и «Реконструкции человечества» (1948)

Питирим Сорокин был уволен с поста заведующего кафедрой социологии в Гарварде в 1944 г. после длительного конфликта со своим «подчиненным», социоло-

гом Талкоттом Парсонсом, который в определенной степени выражал негативное мнение, сложившееся у американских социологов об исследованиях Сорокина. За исключением нескольких спокойных лет, когда Сорокин приехал в США (1922–1937 гг.)*, он всегда переживал состояние кризиса – с самого детства в царской и большевистской России. Поэтому он решил теоретически осмыслить этот кризис с социологической точки зрения.

Он опубликовал книгу «Кризис нашего века» в 1942 г. [Sorokin, 1942]. Книга увидела свет во время Второй мировой войны в Европе, которая вовлекла в себя Советский Союз, а затем, преодолев Тихий океан, и Японию. Однако автор ни разу не упоминает о Второй мировой войне; вместо этого он анализирует греческие и римские войны, но посвящает этому всего несколько страниц [Sorokin, 1942, р.212–217]. Он был свидетелем (впрочем, под защитой ворот Гарварда) Великой депрессии (1929–1941) в США, но не посчитал ее кризисом и нигде не упоминает о ней! Точно так же нацизм и коммунизм нигде не анализируются как источники «кризиса нашего века». Он несколько раз упоминает Гитлера, в основном во введении, и хотя Сталин также упоминается несколько раз, но только при перечислении похожих политиков, а не как фактор войны 1939 года и кризиса советского общества, о чем было очень хорошо известно Сорокину.

В этой книге автор в основном анализирует динамику войны, применяя свои критерии, связанные с идеациональной, идеалистической и сенсатной ментальностью, также как изобразительное искусство, наука, истина, философия, религия, этика, право и т. д. Он затрагивает вопросы самоубийства, психических заболеваний, обнищания, синкретизма, количественного колоссализма (в греческом и римском мире) и снижения креативности. В заключении книги он критикует популярные объяснения корней кризиса [Sorokin, 1942, р.308–310]:

– дезадаптация чисто экономического, политического или биологического характера;

– мягкая религиозная терапия и придание церквям более привлекательного и развлекательного характера;

– магия власти в образовании и изменение ошибочных учебных программ;

– зло биологической деградации, плохой наследственности, неполноценных рас, отрицательного отбора и неконтролируемого рождения;

– пятна на Солнце, колебания климата, космические факторы и т. д.

Сорокин пишет, что «лечебные» средства применялись часто, но не устраняли кризисы. Корни кризиса глубже этих факторов: наши органы чувств могут неправильно функционировать, и наше восприятие реальности может быть неверным и слишком материалистичным. Это приводит к механистическому материализму и вульгарному утилитаризму, которые контролируют современную культуру. Он считает, что «лекарство» заключается в трансформации агонизирующей сенсатной культуры в идеациональную или идеалистическую/интегральную культуру [Sorokin, 1942, р.316], с максимальным акцентом на Божественное [Sorokin, 1942, р.318]. Окончательное решение проблемы можно найти в практиковании новых идеалисти-

* В 1937–1941 гг. Сорокин опубликовал свой magnum opus под названием «Социальная и культурная динамика», который вызвал резкую критику его исследований.

ческих ценностей абсолюта, Бога, любви, долга, жертвенности, милосердия и справедливости [Sorokin, 1942, p.324]. Эти ценности могут хорошо выглядеть на бумаге, но они утопичны. Сорокин, как известный социолог, предлагает нереалистичные решения для весьма прагматично ориентированных граждан западной цивилизации. Это напоминает путь Льва Толстого, который пережил духовное пробуждение* и к концу жизни стал считать себя Иисусом во втором пришествии.

К счастью, когда Сорокин был отстранен от должности в Гарварде, он получил значительные средства от Илая Лилли, генерального директора крупной фармацевтической компании *Lilly*, для создания Центра творческого альтруизма в Гарварде в 1946 г. Вскоре после этого он опубликовал книгу «Реконструкция человечества» [Sorokin, 1948].

Как блестяще эрудированный ученый, он рассматривает эту тему всесторонне. В начале он показывает как несостоятельные усилия демократии, ООН, мирового правительства, капитализма, коммунизма, фашизма, социализма, образования, науки, техники, религии (организованной), легализма и этики, изобразительного искусства в деле восстановления человечества. Его решение заключается в продвижении альтруизма во всех сферах человеческих взаимоотношений. Он вопрошает: «Можно ли этого достичь?» [Sorokin, 1948, p.236–240].

Он понимает, что «жестко настроенный» человек может не поверить в его решение; однако если человечество собирается и дальше существовать в рамках сенсативной культуры, то оно исчезнет. Это означает, что для восстановления человечества не существует лучшего решения, чем предложенное им. «Человечество само должно решить свою судьбу!» [Sorokin, 1948, p.241].

Прав ли был Сорокин, полагая, что альтруизм справится с кризисом? Нет, он ошибался. Правильное решение заключается в построении Мудрой (устойчивой) Цивилизации, где высшей ценностью является толерантность. Теперь мы понимаем это условие.

Духовность 2.0

По мнению профессора Тарговски, эффективное решение для восстановления человечества заключается в практической имплементации универсального набора ценностей, обеспечивающих выживание человечества [Targowski, 2015b, p.134–136].

Первым условием архитектуры будущей Мудрой цивилизации является то, что граждане должны будут практически принять второй уровень дополнительной псевдорелигии под названием «Духовность 2.0». Она не заменит собой ни одну из существующих религий (1.0), поскольку это было бы не только ересью и неслыханной революцией, которая никогда не сможет победить, но и ненужным и вредным делом. Эта новая религия направлена не на борьбу с религией, а на ее развитие на глобальном уровне, а не в отдельных регионах. Духовность 2.0 будет обучать дополнительной морали, основанной на базовых ценностях существующих мировых религий. Эти ценности представлены в таблице 2.

* Некоторые считают, что Толстой вдохновил и спровоцировал большевистскую революцию.

Таблица 2. Дополнительные ценности Духовности 2.0

Цивилизация	Ценности религий 1.0 как вклад в универсально-комплиментарную Духовность 2.0
Африканская	духовная связь с предками
Буддийская	нравственность
Китайская	преклонение перед старшим и семьей
Индуистская	умеренность
Исламская	вознаграждение и наказание
Японская	сотрудничество с природой и поклонение ей
Восточная	жертвенность и альтруизм
Западная	свободные выборы, терпимость и технологии
Глобальная	права человека и гражданина, международное право, свободный поток идей, людей, товаров и услуг
Универсальная – Дополнительная	вышеперечисленное плюс мудрость, доброта, условное прощение, равный доступ, устойчивое развитие

Совокупность вышеперечисленных ценностей – это мораль Духовности 2.0, которая будет контролировать ход развития Универсальной (Дополнительной) цивилизации (УДЦ). Пользующаяся согласием и поддержкой всего мира, УДЦ не будет смещением других цивилизаций, скорее, она будет высшим уровнем развития мировых цивилизаций. Таким образом, американцы, поляки и любые другие жители Земли будут одновременно следовать моральным ценностям по крайней мере двух цивилизаций. Можно представить себе существование в рамках трех или более цивилизаций одновременно, например, когда супруги, живущие в западной цивилизации, являются выходцами из разных цивилизаций. Такое смешение цивилизаций создаст сложную облакоподобную модель цивилизации, которую необходимо будет практиковать, чтобы терпимость к другим могла реализовываться на местном и глобальном уровнях.

Вопрос о том, как успешно внедрить Духовность 2.0, остается открытым. Возможно, для этого потребуется несколько поколений, а может, и больше, но ведь и христианству понадобилось более 300 лет, чтобы получить правовое признание. Сегодня, благодаря превосходным системам социальной коммуникации, это займет меньше времени. Внедрение Духовности 2.0 должно начинаться в школе и колледже, но пройдет не менее пяти поколений, прежде чем станет заметен положительный эффект этого процесса. Духовность 2.0, конечно, не будет иметь успеха у взрослых, и ей не посчастливится начинать свою деятельность при поддержке со стороны закона – по крайней мере, не с самого начала. Эту религию придется навязывать всем цивилизациям мира, что может оказаться невыполнимой задачей. Эти цивилизации могут посчитать такое навязывание посягательством на свои религии, и они будут высмеивать Духовность 2.0 в глазах своих сторонников. Парадокс потенциального конфликта заключается в том, что эта духовность выступает против борьбы с другими религиями – она призвана дополнить другие религии и позволить им продолжать свою миссию во имя гуманизма.

Однако если не внедрить Духовность 2.0 как практику УДЦ, то невозможно будет смягчить конфликты и войны, которые проистекают от столкновения разных моральных систем, или совсем избавиться от них, – ни сейчас, ни в будущем. На данный момент я не знаю лучшего решения, чем это. Более подробно на эту тему высказались А. Тарговски и М. Целински в своей книге «Духовность и устойчивое развитие цивилизации в XXI веке» [Targowski, Celinski, 2013].

Заключение

Питирим Сорокин олицетворяет собой яркое явление мировой социологии по следующим причинам:

1. Несмотря на трудное детство, Первую мировую войну и большевистскую революцию, он сумел окончить университет и стать заведующим кафедрой социологии в Санкт-Петербургском университете. Он был личным секретарем Александра Керенского, ставшего премьер-министром в результате демократических выборов; он был приговорен к смертной казни, а затем выпущен из тюремной камеры благодаря В. Ленину; он спасся бегством в Чехословакию, где президент Бенеш и премьер-министр Масарик предоставили ему место профессора в Пражском университете. Вскоре после этого он эмигрировал в США и, не зная английского языка, всего за несколько лет стал лидером американской социологии! Это поразительное и неслыханное достижение. Однако драматичное наследие предыдущей жизни оказало огромное влияние на его утопическое интеллектуальное мышление.

2. Несмотря на 37 книг и 400 научных работ, он был забыт, и на его труды была брошена тень. Его американские коллеги видели в нем скорее пророка, чем ученого, и критиковали его по следующим причинам:

а. Сорокин привлек большое количество коллег из числа русских эмигрантов к проведению статистических исследований. Однако они были разбросаны по всей стране при ограниченных средствах связи и находились вне руководства со стороны Сорокина. Это привело к математическим ошибкам и противоречиям, которые Сорокин не редактировал и не дорабатывал в рамках интегрированной команды. Что еще хуже, он не уделял особого внимания этим данным в своих работах.

б. Терминология Сорокина запутывает. Он использовал термины «сенсатный» для материалистической ориентации, «идеациональный» для духовной ориентации и «идеалистический» для интеграционной ориентации. Он хотел, чтобы все социологические исследования основывались на этих ориентациях, реальность которых, как он считал, он доказал в своих многочисленных книгах. Однако эти термины вводят в заблуждение. Например, идеалистическая ориентация означает интеграцию двух других ориентаций. Это звучит как идеальная ориентация (труднодостижимая), в то время как на практике материальная и информационная (духовная) ориентации имеют место в каждый период существования человека. Более того, он считал, что идеалистическая стадия – это последняя стадия развития общества. Его критерии и способ анализа были оторваны от практики.

3. Пророческие предсказания Сорокина, основанные на его колоссальных трудах о судьбе человечества, за последние 70 лет не сбылись, что и верифицировано в данном исследовании.

4. Кем был Питирим Сорокин – этот человек с «русской душой», замаскированный под американского социолога, – если исходить из его пророческих идей? Он был антиленинцем*, и он хотел сформулировать антибольшевистскую теорию на английском языке с целью реконструировать человечество ради достижения вечного счастья. Для этого он сделал следующее:

a. Он скопировал базис и надстройку Маркса в виде сенсатной и идеалистической ориентации, но, вопреки Марксу, разделил их (ошибочно) и, лишь в виде исключения, соединил их в интегральной ориентации.

b. Он утверждал, что только широко применяемый альтруизм может реконструировать человечество. Это скрытая стратегия коммунизма – «каждому по потребностям».

c. Его не интересовали повседневные социальные проблемы американцев, такие как индустриализация, урбанизация, механизация и т. д., поскольку его целью было изучение того, как реконструировать человечество во всем мире.

d. Его мотивировала идея духовного пробуждения, он верил, что Абсолют**, Бог, любовь, долг, жертвенность, милосердие и справедливость сделают общество счастливым. Если бы он прожил дольше, присоединился бы он к одной из американских коммун или организовал бы такую коммуну?

5. Американские общественные науки должны принять крупномасштабный подход Сорокина и объединить его с локальным подходом, например:

a. Университеты должны предоставлять каждому студенту базовый курс по «развитию цивилизации».

b. История должна предлагать цивилизационно-ориентированные учебные программы.

c. Социология должна изучать сочетание диверсификационных и унификационных процессов в глобализирующемся мире.

d. Экономика должна разъяснить, что дешевый труд не для потребителей, потому что тем самым минимизируется их число.

e. Психология должна прояснить, как люди и общество могут перейти от состояния знания к состоянию мудрости.

f. Бизнес-наука должна исследовать вопрос об экономике без физического труда.

g. Коммуникационные науки должны прояснить, как писать для тех, кто не читает (они пробегают по тексту), и как разумно использовать виртуальную цивилизацию.

h. Политология должна разъяснить, как сбалансировать представительную и прямую демократию.

i. Компьютерные информационные системы должны включать учебные программы по разработке этически ответственных АИТи-систем.

В завершение рассуждений о месте Питирима Сорокина в истории можно подчеркнуть его вклад в изучение цивилизаций в качестве президента-основателя МОСИЦ. Его административные навыки и известность помогли организации привлечь в свои ряды таких выдающихся интеллектуалов, как А. Тойнби, Отмар Андер-

* Настоящим антиленинцем является польский рабочий Лех Валенса, который возглавил революцию «Солидарности», освободившую Польшу от советского блока в 1989 г.

** Теория всего на свете.

ле, Бенджамин Нельсон, Роджер Уэскотт, Кэрролл Куигли, Дэвид Уилкинсон, Майкл Паленсия-Рот, К.П. Вольф, Витаутас Каволис, Мэтью Мелко, Вальтер Бенеш, Шунтаро Ито, Уэйн Бледсоу, Ли Дэниел Снайдер, Дэвид Роснер, Тоби Хафф, Линн Роудс, Джозеф Дрю, Майкл Андресг, Лайна Фархат-Холзман, Уильям МакГоги, Рикардо Дюшен, Майкл Дадли, Влад Алалыкин-Извеков, Конни Ламб, У. Рид Смит, Ашок Кумар Малхорта, Энтони М. Стивенс-Арройо, Адан Стивенс-Диас, Стивен Бортвик, Олег Бенеш, Хуэй-Ин-Куо, Педро Гейгер, Фанг Ханвен, Джури Абэ, Хисанори Като, Уоллес Грей, Цеггай Исаак, Эрменегильде Руантабагу, Люба Михалькова, Валентин Андреев, Барри Джонсон, Донг-Хён Юнг, Суджин Юнг Йонсей, Чол-Хун Парк, Эви Йоханна Халанд, Ричард Зинсер, Дарио Фернандес-Мореа, Росс Максвелл, Ли Стауффер, Тейлор Халверсон, Стивен Саткевич, Питер Хехт, Норман Ротман, Стивен Блаха, Марек Целинский, Самуэль Хантингтон и другие. Он также оказывал помощь в организации встреч со многими выдающимися ораторами, такими как Толкотт Парсонс, Хайден Уайт, Иммануил Валлерстайн, Гордон Хьюз, Андре Гундер Франк, Маршалл Салинс, Линн Уайт-младший, Джереми Саблоф и другие.

К сожалению, через два года Сорокин был избран президентом Американской социологической ассоциации (ASA) и оставил наше Общество и «цивилизацию». В связи с культурно-исторической ориентацией первых членов Общества основное внимание было направлено на ранние цивилизации, их микроэлементы и влияние. Горячим был вопрос «Афины против Иерусалима». Мы потеряли крупномасштабный фокус, а также уступили место «цивилизации» «культуре» в качестве академической учебной программы.

Однако молодому поколению ученых было скучно слушать бесконечные дебаты о том, что такое цивилизация. К счастью, наш покойный член (также из Гарварда) Сэмюэль Хантингтон пробудил не только наше Общество, но и весь мир, привлекая внимание к тому факту, что после падения Советского Союза в 1991 г. Новый мировой порядок стал определяться «столкновением цивилизаций», что он доказывал в своей знаменитой книге, опубликованной в 1996 г. [Huntington, 1996]. Эта книга объяснила мне, что происходит в мире, и побудила меня вступить в ISCS.

Внимание «цивилизации» уделял также наш покойный президент Мэтью Мелко (1930–2010), который научным и точным языком объяснил «Природу цивилизаций» (1969) [Melko, 1969]. Стивен Блаха, физик-атомщик, опубликовал* массу математических моделей динамики цивилизаций.

Точно так же один из основателей Дэвид Уилкинсон [Wilkinson, 1987, p.31–59] совершенно убедительно утверждает, что все основные цивилизации сливаются в центральную цивилизацию**. На деле его центральная цивилизация в последнее время трансформируется в глобальную и виртуальную цивилизации [Targowski, 2015c]. Первая – широкая и всемирная, а вторая – наиболее «центральная», поскольку она является единым целым и при этом находится везде.

* S. Blaha. (2002). *The Rhythms of History: A Universal Theory of Civilizations*. Pingree-Hill Publishing; S. Blaha. (2002). *The Life Cycle of Civilizations*. Pingree-Hill Publishing; и другие работы.

** По мнению Д. Уилкинсона, центральная цивилизация возникла около 1500 года до н.э. в результате интеграции месопотамской и египетской цивилизаций, а затем охватила эгейскую цивилизацию в 560 г. до н.э., индийскую цивилизацию в 1000 году, Новый свет после эпохи открытий и, наконец, дальневосточные цивилизации в 1850 г.

Рисунок 4. Мэтью Мелко (покойный), Стивен Блаха и Дэвид Уилкинсон принадлежат к группе исследователей, которые изучают цивилизацию как единое целое. Также Эндрю Тарговски исследует цивилизацию как единое целое, концентрируясь в основном на XXI в.*

К сожалению, из-за старого определения цивилизации как великой культуры у нас нет недостатка в хорошо разработанных программах по изучению культуры, тогда как проблемы цивилизации как таковой оказываются забытыми.

Почему изучение цивилизации является важным и даже критически важным для человечества? Потому что оно исследует *смысл жизни*** на уровне отдельного человека в более широком контексте философии текущей истории, рассматриваемой как огромный и сложный организм, называемый цивилизацией. Следовательно, *смысл жизни* не только противопоставляется смыслу цивилизации в подчиненном отношении человека к цивилизации, но, возможно, и с некоторым оптимизмом и высокоме-

* Книги А. Тарговски (некоторые в соавторстве): *Chinese Civilization in the 21st Century* (2014), *African Civilization in the 21st Century* (2015), *Japanese Civilization in the 21st Century* (2016), *Western Civilization in the 21st Century* (2015), *Virtual Civilization in the 21st Century* (2015), *Global Civilization in the 21st Century* (2014), *The Limits of Civilization* (2015), *Information Technology and Societal Development* (2009), *Informing and Civilization* (2016), *Spirituality and Civilization Sustainable* (2013), *Wisdom in the Context of Civilization and Globalization* (in press).

** J. Kuczyński. (1981). *Sens życia (Sense of life)*. Warszawa: Książka i Wiedza.

Рисунок 5. Трехэлементная модель цивилизации Тарговски (ТЭМТ) [Targowski, 2009b, p.14]

рием XXI в. дает основания верить, что мы можем контролировать саму цивилизацию устойчивым образом. В конце концов, мы сами направляем свою деятельность и верим в свою рациональность. Поэтому цивилизация – это наш горизонт смысла, который должен быть образован из цели, мудрости, добра и красоты. Смысл жизни нужно осознать в юном возрасте, чтобы не потратить понапрасну жизнь. Мы вспоминаем об этом лишь в старости, слишком поздно!

Сорокин искал идеал человечества, но оказался утопистом. Лекарство от кризиса он видел в альтруизме. Цивилизация и смысл жизни были вне его интересов. Питирим Сорокин был пророком без страны [Tiryakian, 2013, p.7–23]. К счастью, после распада Советского Союза в 1991 г. он был признан на родине выдающимся российским интеллектуалом, чьи обширные публикации постоянно переводятся с английского на русский язык учеными Института Сорокина-Кондратьева, являющегося частью Фонда Кондратьева. Питирим Сорокин и Николай Кондратьев* знали друг друга со времен учебы в Санкт-Петербурге, и оба работали в правительстве Керенского. Кондратьев известен в мировой экономике так называемыми волна-

* Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – российский экономист, сторонник новой экономической политики (НЭП), которая способствовала развитию малых частных предприятий свободного рынка в Советском Союзе. Наиболее известен как автор теории о том, что для западной капиталистической экономики характерны долгосрочные циклы бума, за которым следует депрессия.

ми Кондратьева*, но ему повезло меньше, чем Сорокину, поскольку он был казнен в возрасте 46 лет в 1938 г., в то время как Сорокин был помилован Лениным и обрел достойную жизнь в США. К сожалению, там он оказался оторванным от американской действительности из-за тяжелого наследия русского человека в изгнании и, возможно, из-за своей проекции пророческого альтруистического будущего для всего мира.

Литература

- Ashley Montague M.F.* (1938). Letter to the Editor. *American Journal of Sociology*, № 44. – p.282–284.
- Huntington S.* (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Johnstone B.V.* (1995). *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*. Lawrence, Kansas: The University Press of Kansas. – p.95.
- Melko M.* (1969). *The Nature of Civilizations*. Boston: Porter Sargent.
- Simpson R.* (1953). Pitirim Sorokin and His Sociology. *Social Forces*, 32, no. 2: 125.
- Sorokin P.* (1937–1941). In *Critic of the Sensate Culture: Rediscovering the Genius of Pitirim Sorokin*. Intercollegiate Study Institute. October 8, 2014. Accessed [<https://isi.org/intercollegiate-review/critic-of-the-sensate-culture-rediscovering-the-genius-of-pitirim-sorokin>]
- Sorokin P.* (1942). *The Crisis of Our Age*. New York: E. P. Dutton & Co.
- Sorokin P.* (1948). *The Reconstruction of Humanity*. Boston: The Beacon Press
- Sorokin P.* (1950). *Social Philosophies of an Age of Crisis*. Boston: Beacon Press. – p.120.
- Sorokin P.* (1957). *Social and Cultural Dynamics*. Boston: Porter Sargent Publisher. – p.674–675.
- Targowski A.* (2009a). *Information Technology and Societal Development*. Hershey, PA & New York: Premier Reference Source. – p.170.
- Targowski A.* (2009b). *Information Technology and Societal Development*. Hershey and New York: Information Science Reference. – p.14.
- Targowski A.* (2015a). *Global Civilization in the 21st century*. New York: NOVA Science Publishers.
- Targowski A.* (2015b). *The Limits of Civilization*. New York: NOVA Science Publishers. – p. 134–136.
- Targowski A.* (Ed) (2015c). *Virtual Civilization in the 21st Century*. New York: NOVA Science Publishers.
- Targowski A. and Celinski M.* (Edt.) (2013). *Spirituality and Civilization Sustainability in the 21st Century*. New York: NOVA Science Publishers.
- Tiryakian E.* (2013). Introduction to the Transaction Edition, Updating Sorokin. In E. Tiryakian (Ed). *Sociological Theory, Value, and Sociocultural Change*. Brunswick (USA) and London (UK): Transaction Publishers. – pp. 7–23.
- Uebersax J.* (2010). Culture in Crisis: The Visionary Theories of Pitirim Sorokin. *Satyagraha*. [<https://satyagraha.wordpress.com/2010/08/19/pitirim-sorkin-crisis-of-modernity>]
- Wilkinson D.* (Fall 1987). Central Civilization. *Comparative Civilizations Review*, 17, No. 17: pp.31–59.

* Утверждается, что длительность волны составляет от 40 до 60 лет, а циклы состоят из чередующихся интервалов высокого отраслевого роста и относительно медленного роста. Новая технология ликвидирует какое-то количество рабочих мест, но эта же технология может обеспечить уволенных новыми рабочими местами.

УДК 329

Г.Л. Тульчинский
Санкт-Петербург

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? О СУДЬБЕ СОВЕТСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА*

Цитирование: Тульчинский Г.Л. А был ли мальчик? О судьбе советского антропологического идеала // Наследие. 2022, № 1(20). – С.59–69.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.4>

Citation: Tulchinskii G.L. *Abyllimal'chik? Osud'be sovetskogo antropologicheskogo ideala* [Was there a boy? On the fate of the Soviet anthropological ideal] // *Nasledie* [Heritage], 2022, No. 1(20). – pp.59–69.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.4>

Цель данной работы – показать содержание советского антропологического идеала (проекта), предпосылки его формирования, эволюцию. Анализ опирался на раскрытие этой темы в дореволюционной и советской литературе, а также биографические материалы. Проведенный анализ показал, что в межвоенный период сформировалось поколение молодых людей с активной жизненной позицией, направленной на построение нового справедливого общества. С одной стороны, трагедия этого поколения состояла в том, что оно во многом было выкошено репрессиями и войной. С другой стороны, потенциал этого поколения помог выстоять и победить в Великой Отечественной войне, восстановить страну в послевоенный период, сказался он и во время «оттепели». Возможно, именно его уже не хватило в последовавшие годы.

Ключевые слова: антропологический идеал, «новые люди», «оттепель», сверхчеловек, советская власть, советский человек, шестидесятники.

Tulchinskii G.L. Was there a boy? On the fate of the Soviet anthropological ideal
The purpose of this work is to show the content of the Soviet anthropological ideal (project), the prerequisites for its formation, its evolution. The analysis was based on the disclosure of this topic in pre-revolutionary and Soviet literature, as well as biographical materials. The analysis result shows that in the interwar period a generation of young people was formed with an active life position aimed at building a new just society. On the one hand, the tragedy of this generation was that it was largely mowed down by repression and war. On the other hand, the potential of this generation helped to survive and win the Great Patriotic War, to restore the country in the post-war period, and it also had an effect during the “thaw”. It is possible that it was not enough in the following years.

Key words: anthropological ideal, «new people», «thaw», superman, Soviet power, Soviet man, sixties.

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

В заголовок вынесена трансформировавшаяся от частого употребления цитата из последнего романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» – произведения, в наши дни менее известного, чем этот вопрос. А он проходит лейтмотивом через весь в известной степени автобиографический роман, герой которого страдает от комплекса вины за гибель приятеля детства, которого он по собственной трусости не спас. И с годами, избавляясь от угрызений совести и оправдывая собственное мало-душие, он все больше убеждает себя: «Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?»

Можно пытаться в этой теме искать корни, связанные с горьковским принятием сталинского политического режима. Роман, посвященный судьбе российской интеллигенции в эпоху исторического перелома, писался в 1925–1936 гг.

А в 1929 г. во время второго приезда в СССР Горький 20–23 июня посетил Соловецкий лагерь особого назначения, в очерке о котором потом с восторгом писал не только о замечательном виде с Секирной горы, но и – главное – об успешном опыте чекистов по перевоспитанию («перековке») «колонистов» [Горький, 1929; 1949; Быков, 2012, с.287–288]. В воспоминаниях Д.С. Лихачева, бывшего соловецкого зека, описан эпизод этого посещения, свидетелем которого он был: Горький почти час оставался наедине с подростком, который вынужден был рассказать ему правду о жизни и работе заключенных, и, выйдя из барака, писатель плакал на глазах у всех. После приезда Горького последовали массовые репрессии, а мальчик сразу исчез [Лихачев, 1995, с.187–188]. И Д.С. Лихачев, вспоминая этот эпизод и явно уже зная содержание романа, упрекает Горького вопросом о мальчике.

Вопрос о том, то ли мальчик из «Клима Самгина» обострил воспоминания Д.С. Лихачева, то ли соловецкий мальчик обострил горьковскую рефлексию в романе, сам по себе интересен. Однако в данной работе сакраментальный вопрос служит метафорой для осмысления не эпизода из жизни знаменитого писателя и его возможных тяжелых рефлексий, а для более широкого обобщения – о судьбе чуть ли не главного советского проекта – нового человека. Был ли он? Какой? И какова его судьба?

Речь не о новой исторической общности – советский народ – результате противоречивой национальной политики, чему была посвящена другая работа [Тулчинский, 2021, с.101–111]. В этой работе в центре внимания не социологическая общность, а личностная типология, если не персонология позитивного конструктивного идеала личности.

Во многом эта работа построена на материале артефактов художественной культуры, прежде всего, литературы и отчасти кинематографа. Художественные произведения обладают особыми возможностями смыслообразования, будучи связаны не только с рационально выстроенным представлением содержания, но и эмоционально выраженными переживаниями авторов и акторов повествования, активирующими соответствующие оценочно окрашенные переживания реципиентов.

Автор чрезвычайно признателен исследователям, немало сделавшим в осмыслении данной темы. Прежде всего, это реализуемый известным поэтом, публицистом и исследователем Д.Л. Быковым грандиозный проект осмысления идей, представленных в русскоязычной литературе, включая досоветскую, советскую, постсоветскую, русские переводы зарубежных авторов, оказавших серьезное влияние на

отечественную аудиторию. Помимо отдельных монографий, результаты этой аналитики в концентрированной форме представлены на страницах каждого номера ежемесячного журнала «Дилетант», начиная с самого первого номера журнала в 2012 г., «Портретной галереи Дмитрия Быкова», каждый выпуск которой посвящен конкретному автору, его вкладу в отечественную культуру, актуальности этого вклада для понимания российской истории и современности*. Кроме того, нельзя не отметить колоссальную работу, проделанную социологом А.П. Давыдовым, перечитавшим весь корпус русской литературной классики – предмета особой гордости, реального вклада русской культуры в мировую – в поисках позитивного конструктивного идеала. Речь идет о целом корпусе монографий и статей о творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, В.В. Ерофеева, В.С. Макарина, в которых реализовано целостное осмысление, а в изрядной степени и переосмысление отечественной литературной классики, судьбы ее потенциала в наше время. А.П. Давыдов – социолог, выбравший нетривиальный подход к анализу специфики и перспектив российского общества: он обобщает опыт критического анализа этого общества, накопленный в художественной литературе. Можно спросить: и что же в этом нетривиального? Такой подход не только вполне естествен – с учетом места и роли литературы в российской культуре, он уже был реализован, и неоднократно. Русские писатели как аналитики русской культуры... Российская культура создала себя не в работах философов, а с помощью писателей и их критиков. Русская литературная классика – это не только «энциклопедия русской жизни». Она дала критическое осмысление этой жизни, подняла темы и выработала систему образов, обогативших не только отечественную культуру.

Каждому еще со школы известны клише «особый гуманизм», «критический реализм», «трагедия маленького человека», «трагедия лишнего человека», «новый человек»... А.П. Давыдов, однако, взрывает эти привычные клише, реализуя «сквозное» прочтение отечественной литературы под ракурсом развития в ней потенциала свободной и ответственной личности. И привычные взгляды, оценки такое испытание не выдерживают, отходят на второй план, открывая иные, иногда очень непривычные горизонты творчества конкретных авторов, русской литературы, российской культуры в целом. И в результате проделанной работы исследователь пришел к выводу об отсутствии такого идеала в русской классической литературе [Давыдов, 2001; 2006а; 2008; 2006б; 2012]. Ее главная тема – лишние люди, не нашедшие возможности самореализации в российском общественном бытии. Люди замечательные, а вот общество, обстоятельства негодны. Из чего напрашивался вывод о необходимости смены обстоятельств и переустройстве общества. Собственно, именно таким выводом и подпитывалось российское революционно-демократическое движение XIX – начала XX в.

Некоторым исключением были «новые люди», воспетые Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать?», на котором воспитывалось не одно поколение революционеров, частью образованного российского общества они были восприняты как турге-

* Материалы этой галереи оперативно аккумулируются на ресурсе http://www.limonow.de/myfavorites/DB_DILETANT.html#2019.07

невские «нигилисты», обращающиеся рационалистическими дистопиями Ивана Карамазова, Шигалева и прочими «бесами» Ф.М. Достоевского. И, наверное, неспроста упомянутая быковская «Галерея» открывается именно Н.Г. Чернышевским, которого Д.Л. Быков квалифицировал даже как «русского Ницше». Действительно, Чернышевский писал не о социальной революции (призывы к которой ему приписывали), а о революции антропологической, о необходимости людей нового типа, которых он описал в своем романе. Качества этой новой породы людей – «разумных эгоистов»: ум, целеустремленность, сила характера в сочетании с почти полным отсутствием сентиментальности, интереса к иррациональному. Речь идет о качествах, в какой-то степени – «сверхчеловеческих», до этого в русской литературе с ее акцентированной гуманистической ориентацией особо не замеченных.

В этой связи тот же Д.Л. Быков приписывает Чернышевскому идею расчеловечивания – мол, неспроста так полюбил «Что делать?» В.И. Ленин, которого этот роман, по его собственным словам, «перепахал». Можно, конечно, при желании проследить у лидера большевиков черты «разумного эгоизма» в их нравственном изводе: отбрасывание условностей морали и права вроде брака, сословной чести, деликатности, сострадания, понимаемых как лицемерие, лживость и трусость. Думается, что тезис о расчеловечивании и суперменстве героев Чернышевского достаточно спорен. Скорее речь все-таки идет о «новых людях», готовых к жизни в этом мире и своим образом жизни этот мир меняющих – не за счет властных переворотов и насилия над другими, а живя «по правде» и раскрывая потенциал этой правды своим личным примером.

Другое дело, что идеал «новых людей» в российском революционном движении обрел несколько воплощений – отнюдь не безобидных, сочетающих самоотверженность с насилием. Провал движения декабристов, одного из наиболее ярких российских плодов Просвещения, а затем и народнического движения «хождения в народ» сделали практически невозможными в России гражданское общество и естественные процессы обновления, загнав их в подполье. Недаром после отмены крепостного права наиболее радикальные революционеры-народники предали анафеме и реформу, и ее последствия, и ее авторов. Это был уже путь революции если и для народа, то без него, а то и вопреки ему. Этот отрыв от народа выражался и в непонимании простолюдинами смысла убийства народниками Александра II. Оно расценивалось как месть господ «царю-освободителю» крестьян, как нежелание допустить «черный передел». Левонароднический экстремизм все более становился «катакомбным» сознанием с «подпольным» мировосприятием, в котором трагическая идея героического самопожертвования сливалась с мыслью об избранности «героев».

Начиная с конца XIX – начала XX в. можно говорить о нарастающем формировании нового социально-культурного типа сознания. Его мифологемы адекватно выражены в произведениях таких авторов, как А.А. Богданов и М. Горький. Так, повести «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» интересны не только тем, что написаны одним из крупнейших теоретиков-марксистов и являются дореволюционными предтечами советской фантастики. В них не только выражены цели, идеалы революционного преобразования мира, но и переданы нравственная атмосфера этого преобразования, пафос изнурительной конспиративной борьбы за счастье землян

и марсиан. Еще более богатый материал дают горьковские «Песни» («О Соколе» с ее противопоставлением «рожденных летать» «рожденным ползать», «О Буревестнике» с ее самоценностью бури), «Мать» с ее явно новозаветным сюжетом, «Старуха Изергиль» с легендой о Данко, огнем своего сердца осветившего путь заблудшим людям. Все эти произведения на рубеже столетий выросли непосредственно «в теле» революционно-демократической мысли России, обретшей элементы титанизма.

Данко оказался сверхчеловеком, ницшевским Заратустрой. Титанизм проповеди сверхчеловека – иначе не назовешь поэму Горького «Человек», которую он считал долгое время своим кредо:

«...Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! трагически прекрасный Человек!

Я вижу его гордое тело и смелые, глубокие глаза, а в них – луч бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает <...>

... Все – в Человеке – все для Человека!

Вот снова, величавый и свободный, подняв высокую гордую главу, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним — пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди — стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его...

Так шествует мятежный Человек – вперед! и – выше! все – вперед! и – выше!»

Чем не Заратустра! Этот Человек – не живой человек, а ницшеанский Сверхчеловек. Все-то у него с большой буквы. А «все – в Человеке – все для Человека!» – это ведь не для живых людей, а для этого абстрактно-плакатного Голема. Его дело – не жизнь, а Подвиг – двигать Общее Дело.

Образно-мифологическое выражение содержания этого сознания включает в себя ряд компонентов. Во-первых, это противостояние нравственного героя и толпы. «Герой», осуществляющий, говоря словами П. Лаврова, «свою историческую деятельность во имя нравственного идеала», оказывается не только вне нравственной оценки – отрицается даже сама возможность такой оценки его деятельности. С этих позиций нравственной самодостаточности весьма неоднозначными предстают не только «нигилисты» Тургенева, но и «реалисты» Писарева и «новые люди» Чернышевского. Их нравственный максимализм способен не только к критике действительности, но и к активному неприятию ее, вплоть до насильного ее преобразования.

Во-вторых, это необходимость безоговорочной веры идеалу и в идеал. Эта установка тесно примыкает к предыдущей. «Герой», противостоя толпе и ведя ее за собой, нуждается в том, чтобы толпа верила ему, а еще лучше – в него. Согласно тому же П. Лаврову, для борющейся партии более всего опасны не противники, а неверующие: «во что верит человек, он уже не подвергает критике». Поэтому нужны мифы и их мученики, «легенда о которых переросла бы их истинное достоинство, их действительную заслугу. Им припишут энергию, которой у них не было. В их уста вложат лучшую мысль, лучшее чувство, до которого доработаются их последователи. Они станут недостижимым, невозможным идеалом перед толпой. Число гибнущих тут неважно. Легенда всегда их размножит до последней возможности» [Лавров, 1906, с.291].

Сколь бы ни были тщательными социологические аналитики и подсчеты социального состава ВКП(б) после смерти Ленина, сталинизм восходит не к сознанию крестьянской стихии или «рабочего в первом поколении», крестьянам до такого рафинированного самозванчества просто не додуматься. Российская леворадикальная интеллигенция – и художественная в том числе – «выстрадала» сталинизм во всех смыслах этого слова.

Такую оценку подтверждает и позиция интеллигенции в послеоктябрьский период. В этом, наверное, главная трагедия российской интеллигенции, принявшей революцию, не участвовавшей в ней активно, но стремившейся примирить себя с нею и ее результатами. Это путь многих. А. Блок, Г. Шпет, М. Булгаков, О. Мандельштам... Сначала «Двенадцать», затем – стремление примириться с реалиями, искупить «вину», дальше – заигрывание со Сталиным и его сатрапами. «Батум» М. Булгакова, воронежский период О. Мандельштама... Другие, подобно М. Горькому, сомневаясь в период Октября, приняли безоговорочно сталинский режим, освятив его идеологию перлами типа «Если враг не сдается, его уничтожают» или «Жалость унижает человека».

Разложение архаического сознания народничества, крайним выражением которого стал индивидуальный террор, вызвало энергичные поиски союзников в неприязни все более прораставшего в России капитализма и борьбе с ним. В нем виделась не только угроза патриархально-общинному укладу жизни, но и индивидуалистическая угроза нравственности высокой духовности. Такой союзник парадоксальным образом был найден в лице марксизма.

Марксизм в России был воспринят народнически, а народничество «оделось» в него. В итоге мифологемы российской духовности были выражены в марксистской терминологии, а сам марксизм приобретал характер мифологического сознания, что лишь усиливалось его опрочением в целях популяризации в неподготовленной среде. Из учения о научном социализме было прежде всего воспринято не учение об объективных законах, детерминирующих общественное развитие, а именно нравственное учение о миссии пролетариата. Собственно, именно в этом и разошлись меньшевики и большевики. И первые оказались чужды, а вторые – в высшей степени созвучны традиционной русской идее.

Как писал В. Соловьев: «Та великая духовная реформа, которую мы желаем и предвидим... должна дать нам церковную дружину,... деятельный, подвижный и властный союз духовных учителей и руководителей народной жизни, истинных “показателей пути”, которых желает, которых ищет наш народ, не удовлетворяемый ни мирскою интеллигенцией, ни теперешним духовенством» [Соловьев, 2007, с.45]. Такая дружина и явилась в несколько неожиданном облике ленинской партии «нового типа» «по ту сторону добра и зла» (М. Горький), сталинском «ордене меченосцев».

Показательны также оценки политики и мировоззрения большевиков, а заодно и личности Ленина самими членами партии «нового типа», например Г.Л. Пятаковым, о котором Ленин упоминает в своем политическом завещании. Согласно Пятакову, Октябрьская революция была «чудом», свершенным Лениным, потому что он не пожелал считаться с так называемыми объективными препятствиями и отсутствием объективных предпосылок, «это чудо есть результат проявленной воли».

«Вот в этом растаптывании так называемых “объективных предпосылок”», в этом призыве к творческой воле, решающему и все определяющему фактору – весь Ленин.

И вот эта партия взяла на себя ответственность за судьбу страны, общественное обустройство которой радикально изменилось в результате «чуда проявленной воли». Ранее [Тульчинский, 2022] было проведено сравнение типологий сознания «победителей» (периода второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.), наиболее ярко представленного в творчестве А. Гайдара, и «озимого» сознания (периода «развитого социализма» 1970-х – 1980-х), наиболее полно представленного в творчестве В. Маканина. Речь шла о существенной трансформации антропологического типа советского человека.

А что было между этими крайностями. Был ли конструктивный результат? Если – да, то чем он обеспечивался? И почему он трансформировался именно таким образом?

Если говорить о факторах формирования, то, кроме пропаганды и культурной революции – специфической грамотности на специфическом материале, задающей рамки смысловой картины мира, – были и другие факторы. Так, известную роль сыграл и массовый энтузиазм начала 1930-х, обусловленный социальными лифтами, открывшимися с индустриализацией, а отчасти и массовыми репрессиями [Тульчинский, 2012, с.4–25; Тульчинский, 2013, с.74–83].

Кроме того, утвердившаяся советская власть была все-таки власть, рассчитанная, хотя бы в замысле и публичном позиционировании, на романтиков справедливости утверждения этой справедливости. Это было время не только разгрома всего и вся, но и время социального творчества: коммуны, субботники, педагогика Макаренко и Сороки-Росинского, перелетов, освоения горных вершин, полярных и таежных экспедиций, трудовых рекордов... Этот общий пафос строительства нового мира определял содержание публичного смыслового пространства 1930-х*.

И в это время сформировался особый тип (отчасти даже – поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека». Возможно, это был реальный главный антропологический результат советского периода. Это были уже не умопостроенные «разумные эгоисты» Чернышевского, не самоотверженные борцы подполья или воины гражданской войны, а уже реально обустроившие новую жизнь в новом социуме, не «лишние», а нужные этому социуму люди, знавшие, как эта жизнь должна и может выглядеть, верившие в свои силы это осуществить.

Речь идет о поколении Солженицына-Коржавина, Галича-Окуджавы, Самойлова-Трифенова, примерно с 1919 по 1925 годов рождения, поколении, детство которого пришлось на гражданскую войну, юность – на становление советской власти**, молодость – на индустриализацию, взросление – на Великую войну, пережить которую удалось не всем. Это поколение рано активно вступало в реальную жизнь, занималось жестким самовоспитанием и самообразованием, активно и смело строя свою

* В 1960-х это было реанимировано (освоение космоса, «геологи», «туристы», авторская песня), но с меньшим пафосом и даже долей фальши (освоение целины).

** Именно это советское детство и юность, когда дети активно участвуют в борьбе за правое дело и утверждают это правое дело в мирное время, описана в рассказах А. Гайдара, его повестях о Тимуре и его команде.

жизнь. Ему свойственна твердая привычка к нетерпимости и безальтернативности, что служило основой практик и даже культа бдительности, секретности, доносов, чистки рядов, бесконечной череды собраний и политинформаций, порождая наивное ожидание от всех «сознательности» во всем. Для него считалось нормальным постоянно испытывать, тестировать себя и окружающих на смелость, на знание, на физическую силу, самостоятельно изучать несколько языков, знать наизусть оперы, становиться королями московских катков и крымских пляжей. В его раннем взрослении огромную роль играли влюбленности, античные страсти, бегства из родительских семей, создание собственных в 19–20 лет*. Специфическое понимание демократии и классового подхода с полюсами прогрессивности и реакционности.

Это и «ифлийцы», которые создали новую советскую поэзию и философию. ЭТО БЫЛО ПОКОЛЕНИЕ НЕНАСЫТНЫХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТИНЫ. Этих коммунаров 1920-х уцелело мало. Одних смела волна репрессий, смывшая энтузиазм реализации утопии, уцелевших добила война. Но тот импульс помог О. Берггольц пережить блокаду, а В. Пановой – оккупацию. Как полагает Д.Л. Быков, именно об этом поколении писали всю жизнь В.П. Беляев, Ю.В. Бондарев, Ю.М. Нагибин, А.Н. Рыбаков, Б.А. Слуцкий...

Именно это поколение смогло выиграть войну, поднять страну после нее, устроить тут оттепель и создать великую культуру. Наверное, они бы и перестройку вытянули – но были уже стары и малочисленны, потому и не вышло никакой перестройки.

Импульс того поколения отчасти реализовался в «оттепели» 1960-х, например, в жизни и творчестве В. Аксенова, В. Высоцкого, Ю. Семенова, В. Пикуля... Это уже были дети «оттепели», видевшие и помнившие трагедии краха утопии родителей, сломавшей судьбы родителей**, во многом хранивших память о «той единственной – Гражданской» и «комиссарах в пыльных шлемах», благодарные оттепели за хотя бы частичное восстановление попорченного идеала. И это была трагедия поколения с длинными мыслями и длинной волей. Потом уже были персонажи «Звездного билета», «Коллег» и «Апельсинов из Марокко» В. Аксенова, с их сильно сократившимся горизонтом жизненного мира. За которыми последовали персонажи «озимого поколения» В. Маканина с уходом в постчеловеческие глубины распадающегося сознания в текстах Ю. Мамлеева, В. Сорокина и В. Пелевина.

В «оттепель» интересующий нас советский антропологический тип проявился и в философском изводе. Яркими примерами являются фигуры А.А. Зиновьева, Г.П. Щедровицкого – такие разные, но удивительно по-советски нетерпимые и при этом постоянно рефлектирующие. «Отрефлектированным поколением» характеризовал их А.А. Гусейнов [Гусейнов, 2009, с.337–358]. Так, Г.П. Щедровицкий с детства воспринимал мир как черно-белый, не терпел вранья, расхождения между словом и делом, видя расхождение между представлением о норме, идеале и реальной ситуацией, воспринимал это очень болезненно [Щедровицкий, 2001, с.142–143]. Если его отец, будучи убежденным большевиком, руководящим работником, не рефлексировал свое отношение к делу, а просто строил социализм, то сын, от руки в 8-м

* Всеволод Багрицкий (сын поэта и сам поэт) в 18 лет стал мужем 17-летней Лены Боннэр, Юрий Нагибин в 19 встретил и увел у жениха Марию Асмус.

** В. Аксенов квалифицировал синдром этого поколения как «ожог».

классе переписавший «Капитал» К. Маркса, постоянно вырабатывал свое отношение к происходившему, держа этическую максиму «не врать, не приспособливаться, идти только вперед» [Щедровицкий, 2001, с. 140–141]. И всегда был готов отстаивать эту максиму, рискуя учебой, работой, жизнью. Такая активность, ригоризм, максимализм, готовность идти до конца, стремление делать все по-честному, на полную катушку были свойственны и А. А. Зиновьеву. Все это, замешанное на глубоком знании и понимании марксизма, делало их в советском обществе того времени противниками режима, хотя никакими диссидентами они не были и быть не могли.

Но Щедровицкий фиксирует, что в нашей стране сложилась весьма неоднозначная ситуация. То, что мы получаем через культуру, через систему образования, принятую у нас с середины 1930-х гг., принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности [Щедровицкий, 2001, с. 143]. И это есть основной момент, определявший формирование, становление и развитие многих поколений в России, начиная с 20-х годов и до сегодняшнего времени, – констатирует Щедровицкий [Щедровицкий, 2001, с. 143–144].

Главное – это сугубо личностная самодиагностика ситуации своего личностного развития. Вывод он делает на материале жизненной ситуации – своей личной и своего поколения. На материале своего рефлексивного анализа, на материале истории отца, истории семьи Щедровицкий формулирует нечто вроде жизненных принципов [Щедровицкий, 2001, с. 232–233]:

1. Быть целостным, свободным. Существование личности не должно быть связано с местом, с должностью. Всегда должна быть возможность все свое унести с собой. А это возможно только при условии предельной свободы, когда у человека в его распоряжении есть только его личность.

2. Постоянная выработка альтернатив, постоянная постановка себя на границу, готовность идти до предела. Всякого рода непоследовательность сохраняет человеку жизнь, но разрушает его как личность.

3. Никогда не надо обращаться куда-то ради собственного спасения или утверждения какой-то истины.

Эти три максимы удивительным образом совпадают с правилами выживания в лагере, сформулированными В. Франклом, Б. Бетельгеймом, В. Шаламовым, А. Солженицыным. «Не верь! Не бойся! Не проси!» – парадоксальный итог реализации советского идеала «нового человека».

Утрачиваемый советский идеал, наследник рахметовской мечты о сверхчеловеке, не менее парадоксальным образом оказался воплощен в 1970-х (в серии книг Ю. Семенова и знаменитом телефильме Т. Лиозновой) в образе Исаева-Штирлица – не просто советского шпиона, работавшего «на холоде» во вражеском окружении, а носителя мировоззрения исчезающего социума, «посла не имеющей названия державы» (А. Галич). И этот «шпионский модус» идеально пришелся на жизненную практику, когда на работе говорят одно, дома – другое, сами думают третье, а делают четвертое. Этот модус оказался настолько живучим и востребованным, что оказался ключевым для кастинга кандидата на смену первому российскому президенту [Президент по выбору..., 2000], а реализация этого проекта оказалась на редкость политтехнологически успешной.

Не меньший парадокс истории – внук А. Гайдара, сын его Тимур, психосоматически напоминающий Мальчиша-Плохиша из экранизаций притчи его деда, призывал защитить новую демократию (фактически – президентскую власть Б.Н. Ельцина) от рудимента «советскости» Верховного Совета. Кто видел эту картинку на экране телевизора, тот помнит растерянный, если не сказать потерянный, облик зам. главы правительства – творца малопродуманных реформ.

Хотя О.Э. Мандельштамом в «Ламарке» (1932) был напророчен путь российской интеллигенции и цивилизации от Петербурга, от европейского блеска, от внешне-го мира глубже, глубже в себя, в зыбкий хаос, от европейской культуры в роенье одноклеточных, антропологическое содержание реального пути намного сложнее и интересней. Другой разговор, что, похоже, тема «Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя: // Богатыри – не вы! // Плохая им досталась доля: // Немногие вернулись с поля...» в русской литературе переплетается с темами «И мальчишки кровавые в глазах» и «слезинки ребенка», образуя единую тему российской философской антропологии – расплаты человеческим материалом за исторические социально-политико-экономические пертурбации.

Эта матрица была реализована в послереволюционный советский период. Но этот же период оказался уникальным в российской истории в социологическом и антропологическом планах, что выразилось в формировании советского народа – «новой исторической общности» и «нового человека» – активного преобразователя и хозяина своей жизни.

Так что, отвечая на вопрос, сформулированный в заголовке, следует признать, что «мальчик», похоже, был. Однако в силу ряда причин, как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, как и советский народ не стал гражданской нацией, так и идеал советского человека пришел в противоречие с социальной реальностью. Ответ на вопрос о причинах этого пути в ничто выходит за рамки данной работы и нуждается в серьезном и глубоком осмыслении апофатичности российско-советского культурного опыта.

Литература

- Быков Д.Л. Был ли Горький? М.: АСТ. Астрель, 2012. – 348 с.
- Горький М. По Союзу Советов. Соловки // Наши достижения. 1929, № 5–6.
- Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т.17. Рассказы, очерки, воспоминания 1924–1936. М.: Гослитиздат, 1949.
- Гусейнов А.А. Учение о житии Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. М.РОССПЭН, 2009. – С.337–358.
- Давыдов А.П. «Духовной жаждой томим»: А.С. Пушкин и становление «срединной» культуры в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Давыдов А.П. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. Алматы: Рондо, 2006а.
- Давыдов А.П. Между мистикой и рацио. Проблема изменения типа русской культуры в произведениях Виктора Пелевина. М.–Алматы. 2006б.
- Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2008.
- Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», «Мысль», 2012. – 644 с.
- Лавров П.Л. Исторические письма. СПб., 1906.
- Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. – 519 с.
- Президент по выбору. Моделирование желаемого будущего / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Capre Diem, 2000.

- Соловьев В. Национальный вопрос в России. Москва: АСТ: Хранитель, 2007. – 506 с.
- Тулчинский Г.Л. Национальная политика как фактор создания и распада СССР // Вопросы философии. 2021, № 12. – С.101–111.
- Тулчинский Г.Л. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х // Публичная политика – 2012. СПб.: Норма, 2013. – С.74–83.
- Тулчинский Г.Л. Ролевая революция и массовый энтузиазм первых советских лет // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012, № 5. – С.4–25.
- Тулчинский Г.Л. Трансформация советского культурного кода человека: от героики к «озимому сознанию» (А. Гайдар и В. Маканин) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3.
- Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... М., 2001.

References

- Bykov D.L. *Byl li Gor'kij?* [Was there Gorky?] M.: AST. Astrel', 2012. – 348 p.
- Gor'kij M. *Po Soyuzu Sovetov. Solovki* [Across the Union of Soviets. Solovki] // *Nashi dostizheniya* [Our achievements]. 1929. № 5–6.
- Gor'kij M. *Sobranie sochinenij v tridcati tomah. T.17. Rasskazy, ocherki, vospominaniya 1924–1936* [Collected works in thirty volumes. Vol.17. Stories, essays, memoirs 1924–1936]. M.: Goslitizdat, 1949.
- Gusejnov A.A. *Uchenie o zhizni Aleksandra Zinov'eva* [The doctrine of the life of Alexander Zinoviev] // *Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev* [Alexander Alexandrovich Zinoviev]. M.ROSSPEN, 2009. – Pp.337–358.
- Davydov A.P. «*Duhovnoj zhazhdoyu tomim*»: *A.S. Pushkin i stanovlenie «sredinnoj» kul'tury v Rossii* [«Spiritual thirst»: A.S. Pushkin and the formation of the “middle culture” in Russia]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001.
- Davydov A.P. *Poverit' Lermontovu. Lichnost' i social'naya patologiya v Rossii* [Believe Lermontov. Personality and social pathology in Russia]. Almaty: Rondo, 2006a.
- Davydov A.P. *Mezhdumistikoj i racio. Problema izmeneniya tipa russkoj kul'tury v proizvedeniyah Viktora Pelevina* [Between mysticism and rationality. The problem of changing the type of Russian culture in the works of Viktor Pelevin]. M., -Almaty. 2006b.
- Davydov A.P. *Dusha Gogolya. Opyt sociokul'turnogo analiza* [The soul of Gogol. Experience of sociocultural analysis]. M.: Novyj hronograf, 2008.
- Davydov A.P. *Nepoliticheskij liberalizm v Rossii* [Non-political liberalism in Russia]. M.: Fond «Liberal'naya missiya», «Mysl'», 2012. – 644 p.
- Lihachev D.S. *Vospominaniya* [Memoirs]. SPb.: Logos, 1995. – 519 p.
- Lavrov P.L. *Istoricheskie pis'ma* [Historical letters]. SPb., 1906.
- Prezident po vyboru. Modelirovanie zhelanogo budushchego* [President by choice. Modeling the desired future] / Edited by. A.G. Asmolova. M.: Carpe Diem, 2000.
- Solov'ev V. *Nacional'nyj vopros v Rossii* [National issue in Russia]. Moscow: AST: Hranitel', 2007. – 506 p.
- Tul'chinskij G.L. *Nacional'naya politika kak faktor sozdaniya i raspada SSSR* [National policy as a factor in the creation and collapse of the USSR] // *Voprosy filosofii* [Philosophy issues]. 2021, № 12. – Pp.101–111.
- Tul'chinskij G.L. *Priroda massovogo entuziazma v SSSR 1930-h* [The nature of mass enthusiasm in the USSR of the 1930s] // *Publichnaya politika – 2012* [Public Policy – 2012]. SPb: Norma, 2013. – Pp.74–83.
- Tul'chinskij G.L. *Rolevaya revolyuciya i massovyj entuziazm pervyh sovetских лет* [Role revolution and mass enthusiasm of the first Soviet years] // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]. 2012, № 5. – Pp.4–25.
- Tul'chinskij G.L. *Transformaciya sovetskogo kul'turnogo koda cheloveka: ot geroiki k «ozimomu soznaniyu» (A. Gajdar i V. Makanin)* [Transformation of the Soviet cultural code of man: from heroics to «winter consciousness» (A. Gaidar and V. Makanin)] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2022. № 3.
- Shchedrovickij G.P. *Ya vsegda byl idealistom...* [I've always been an idealist...] M. 2001.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ П.А. СОРОКИНА (К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ «СИСТЕМЫ СОЦИОЛОГИИ»)»

24 марта 2022 г. в Сыктывкаре состоялись Сорокинские чтения, приуроченные ко дню рождения Питирима Александровича Сорокина. Круглый стол собрал ученых, представителей образовательных организаций, государственных и общественных деятелей. Организатором мероприятия выступил Центр «Наследие» имени Питири-ма Сорокина.

В Сорокинских чтениях приняли участие: О.Ю. Кузиванова – директор ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», к.и.н; В.В. Сапов – старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва, заочно); М.Б. Буланова – профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, д.с.н.; Н.Ф. Зюзев – профессор кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, научный руководитель Международного центра социальных исследований, д.филос.н.; Н.С. Сергиева – профессор кафедры менеджмента и маркетинга СГУ им. П. Сорокина, д.филол.н.; М.Р. Ткаченко – доцент кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, к.с.н.; А.А. Кутузова – преподаватель Института истории и права СГУ им. П. Сорокина, к.и.н; В.С. Русанова – преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран СГУ им. П. Сорокина, к.и.н.; В.М. Терехихин – эксперт ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», к.филос.н. (заочно).

О.Ю. Кузванова: Уважаемые коллеги, уважаемые участники круглого стола! Сегодня мы проводим наш традиционный круглый стол (Сорокинские чтения). Мы должны были проводить его в начале февраля, традиционно в дни, когда мы отмечаем день рождения П.А. Сорокина, но из-за ограничений, связанных с пандемией covid-19, были вынуждены перенести встречу.

Тема сегодняшнего круглого стола – «Интеллектуальное наследие П.А. Сорокина (к 100-летию выхода в свет “Системы социологии”»». «Система социологии» – это фундаментальный труд П.А. Сорокина, который вышел в свет в 1920 г. Если строго подходить к фактам, то 100 лет с момента выхода книги было в 2020 г. Но из-за ограничений, связанных с пандемией, это событие не смогли тогда отметить даже на российском уровне, хотя планировалось проведение международного философского симпозиума в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Поэтому мы приурочили наш круглый стол к этой дате.

Передаю слово для приветствия Роману Вениаминовичу Носкову, министру национальной политики Республики Коми.

Р.В. Носков: Уважаемые участники, уважаемые гости сегодняшнего традиционного круглого стола, Сорокинских чтений! Очень рад от имени министерства, от себя лично всех поприветствовать на этом очень интересном мероприятии. Действительно, круглый стол мы проводим не в те сроки, которые планировались. Тем не менее в феврале у нас совместно с Центром «Наследие», с Сыктывкарским государственным университетом, с администрацией Княжпогостского района состоялась поездка в с. Турья, где были возложены цветы к памятнику (памятной стеле) Питирима Сорокина, побывали в музее. Основной целью поездки было взаимодействие с органами исполнительной власти, с администрацией района по подготовке к юбилею П. Сорокина – к 135-летию. Надеюсь, что все договоренности, которые были достигнуты, исполнятся, и мы достойно подойдем к этому юбилею вместе с вами. Хочу всех поблагодарить за подготовку и организацию круглого стола, Сорокинские чтения являются очень значимыми для исследования наследия Питирима Сорокина. Хочу пожелать всем сегодня плодотворной работы.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Слово предоставляется ректору Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина Ольге Александровне Сотниковой.

О.А. Сотникова: Уважаемые коллеги, дорогие наши партнеры! Позвольте поприветствовать вас от лица Сыктывкарского государственного университета – я с гордостью это произношу – имени Питирима Сорокина на традиционных Сорокинских чтениях. Никакая пандемия и никакие другие обстоятельства не выбили нас из колеи, мы всегда будем заниматься исследованием творчества нашего земляка и открывать новые и новые страницы его жизни и научного наследия. Сейчас мы стали чаще обращаться к Питириму Сорокину в связи еще и с тем, что это позволяет воспитывать в нашей молодежи патриотизм, любовь к малой Родине. Мы знаем, что наша малая Родина – Республика Коми – достойна того, чтобы ею гордиться.

№ 1 (20) (2022)
«Наследие»

Я желаю всем успехов и плодотворной работы. Мне приятно, что здесь присутствуют сотрудники СГУ им. П. Сорокина, а также есть новые лица, это является подтверждением того, что все больше ученых приобщаются к изучению творчества Питирима Сорокина.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Предоставляю слово почетному эксперту Центра «Наследие» имени П.А. Сорокина Валерию Петровичу Маркову.

В.П. Марков: Добрый день! Я рад, что, несмотря ни на что, Сорокинские чтения проходят и есть заинтересованные ученые, которые глубоко занимаются наследием П. Сорокина. Прекрасно, что тот задел, который был положен в начале 1990-х гг. по восстановлению доброго имени П.А. Сорокина, по пропаганде его трудов, продолжается в Республике Коми. Я всегда с гордостью показываю очередное издание трудов П.А. Сорокина специалистам, ученым в Москве, зарубежным коллегам. И все они очень высоко оценивают деятельность Центра «Наследие», считают, что начатое издание фундаментальных трудов – это необходимое дело – в едином формате собрать научное наследие ученого. Будем надеяться на то, что и Центру «Наследие», и Сыктывкарскому государственному университету им. П. Сорокина, и всем тем, кто сотрудничает с Центром, тем, кто заинтересован в пропаганде наследия Сорокина, удастся еще немало сделать. Спасибо вам всем за ту работу, которую проводите, и, безусловно, хочется пожелать успехов в работе нашего круглого стола.

О.Ю. Кузванова: Спасибо!

Перед тем как перейти к научной части нашего круглого стола, я бы хотела обратить ваше внимание на то, что у каждого на столе лежит брошюра «Питирим Сорокин: оценки интеллектуального наследия». Этот материал для участников Сорокинских чтений подготовил Владимир Михайлович Теребихин, эксперт нашего Центра, неутомимый общественник и пропагандист идей П.А. Сорокина. Я думаю, всем будет интересно освежить в памяти некоторые афоризмы и высказывания П. Сорокина по сегодняшней теме.

«Система социологии» – это фундаментальный труд Сорокина, который он написал еще в Советской России. И поэтому утверждение, которое иногда звучит, что Сорокин – это только американский исследователь и все свои труды он написал в Америке, – это неправда. Наоборот, считается, что именно этот фундаментальный труд заложил основу для дальнейших исследований ученого. Сорокин прибыл за границу, а затем и в Америку уже сложившимся ученым, которого знали не только в России, но и за рубежом. Хотелось бы также обратить внимание на тот факт, что еще в начале 1990-х гг. именно в Сыктывкаре в формате библиотеки журнала «Рубеж» Сыктывкарского государственного университета впервые после 1920 г. была опубликована «Система социологии». Она вышла в четырех книгах, на очень простой бумаге, с мягкой обложкой, но тем не менее это был 1991 г. Это было знаменательное событие для изучения трудов Сорокина, потому что на российском уровне это было сделано впервые. В дальнейшем «Систему социологии» опубликовали

в Москве в 2000-х гг., а теперь и мы: в этом году эта работа вышла в рамках Собрания сочинений Питирима Сорокина, издаваемого Центром «Наследие». Текст «Системы социологии» в этом издании предваряет прекрасное вступление, подготовленное В.В. Саповым, в котором рассказывается о том, как эта книга была написана, как она была впервые издана. Вадим Вениаминович сделал очень подробные комментарии, составил указатель имен, т. е. это издание в классическом виде, каким оно должно быть именно в формате Собрания сочинений.

Приступим непосредственно к программе нашего Круглого стола. Первым докладчиком у нас заявлен Вадим Вениаминович Сапов, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, заочно). Тема доклада – «Система социологии» – великий замысел П. Сорокина».

В.В. Сапов: Уважаемые коллеги! Прошло уже более ста лет со времени появления фундаментального труда Питирима Сорокина «Система социологии», но он до сих пор привлекает внимание как исследователей, занимающихся историей социологии и социологией Сорокина, так и тех, кто изучает социологию. Более того, есть основания предполагать, что в дальнейшем этот интерес будет только углубляться.

История замысла этой книги еще имеет кое-какие белые пятна. Вряд ли можно указать точную дату, когда он зародился в сознании Питирима Сорокина, но, безусловно, этот замысел относится еще к дореволюционному периоду творчества ученого. Самые первые его контуры просматриваются еще в 1915 г., когда Питирим Сорокин впервые обратился к проблемам социальной педагогики. Замысел полностью оформился в 1916 г., когда он получил оформление в научно-фантастическом романе П.А. Сорокина «Прачечная человеческих душ».

Безусловно, если бы не трагические события 1917–1918 гг., «Система социологии» была бы написана раньше, а если бы не события последующие (голод и высылка Сорокина из Советской России), то вполне возможно, что за два–три года Сорокин сумел бы довести до конца свой первоначальный замысел.

Напомню, что «Система социологии» по изначальному замыслу автора, должна была состоять «по меньшей мере» из восьми томов (структура системы социологии приведена на последней странице второй главы первого тома). В действительности вышли в свет только два тома. Основные идеи третьего тома «Системы социологии» изложены П.А. Сорокиным в «Общедоступном учебнике социологии» (Ярославль, 1920). Как сильно «разросшиеся» части третьего тома можно рассматривать книги Сорокина «Голод как фактор» (Пг., 1921) и «The Sociology of Revolution» (London–Philadelphia, 1925). И еще две книги могут рассматриваться как своего рода продолжение «Системы социологии»: «Social Mobility» (New York, 1927) и «Contemporary Sociological Theories» (New York, 1928).

Название главного труда Сорокина – «Социальная и культурная динамика» – говорит само за себя. Безусловно, книгу «Общество, культура и личность» в каком-то смысле можно считать завершением «Системы социологии», опубликованной в 1920 г. Свидетельством тому служит факт, что многие фрагменты и чуть ли не це-

лые главы этой книги представляют собой почти дословный перевод на английский язык соответствующих глав «Системы социологии» (разумеется, с соответствующими поправками в духе теории, разработанной Сорокиным в «Социальной и культурной динамике»).

И, наконец, последнее. Социология как наука состоит, по Сорокину, из двух больших разделов: социологии теоретической и социологии практической (социальной политики). Все вышеперечисленное относится к разделу теоретической социологии. Вторым же разделом следует читать «амитологию» – учение, которое Сорокин разрабатывал начиная с 1950-х гг. до конца своей жизни. Главный труд, посвященный «практической социологии», – «Пути и могущество любви». В совокупности все эти труды и составляют «систему социологии» Питирима Сорокина. Что позволяет нам считать двухтомный труд ученого, опубликованный в 1920 г. в Советской России, используя термин Аристотеля, своего рода «энтелехией» этой системы. Напомню самое краткое и, пожалуй, самое точное определение этого сложного понятия: «энтелехия желудя есть дуб». «Система социологии» Питирима Сорокина есть то семя, из которого выросло огромное и многоветвистое древо всей его последующей социологии.

О.Ю. Кузванова: Передаю слово профессору кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, доктору социологических наук Марине Борисовне Булановой. Тема ее доклада – **«Вклад П.А. Сорокина и Н.С. Тимашева в разоблачение мифов о России».**

М.Б. Буланова: Спасибо огромное, коллеги, за приглашение принять участие в Сорокинских чтениях. Разрешите мне также поблагодарить Центр «Наследие» за такую вдумчивую, кропотливую и творческую работу с огромным наследием (еще не до конца изученным и понятным исследователями) П.А. Сорокина и всех тех социологов, которые органично были включены в его жизнь и в сотрудничестве с Сорокиным продвигали различные стороны социологической науки.

Прежде, чем перейти к докладу, я хотела бы сделать два небольших пояснения. Первое – мой доклад заявлен как «Вклад П.А. Сорокина и Н.С. Тимашева в разоблачение мифов о России». Но я решила вспомнить еще об одном человеке, который, во-первых, сыграл очень большую роль в жизни Сорокина, а во-вторых, тоже имел отношение к разоблачению мифов о России. Это – Максим Максимович Ковалевский. Мне кажется, такое дополнение будет весьма уместным. Второе – эта тема приобрела необычайную остроту именно сегодня, когда в очередной раз демонизирован образ России, и это происходит не впервые, особенно в отношениях с США. Поэтому все эти фигуры (М. Ковалевский, П. Сорокин и Н. Тимашев) так или иначе внесли вклад в разоблачение мифов о России перед американским научным сообществом и общественностью.

Итак, первым человеком, который принял участие в разоблачении мифа об исторической отсталости России, был М.М. Ковалевский. Он посетил Соединенные Штаты с ознакомительной поездкой в 1882 г. и уже целенаправленно, по приглашению славянского центра Чикагского университета, в 1901 г. В ходе первой поездки

ученый, либерал-западник по своим мировоззренческим установкам, потратил три месяца на анализ государственного, социально-политического устройства американского общества. Результатом этого визита стали изданная в 1890 г. книга «История американской конституции» и специальный курс лекций по истории американских местных учреждений, разработанный для студентов Московского университета. Во время второй поездки Ковалевским в Чикагском университете был прочитан курс из 16 лекций под общей тематикой «Характеристика политических учреждений России: прошлое и настоящее», где ученый связал прогресс политических институтов России с либерализацией политического строя по западному образцу и с установлением конституционной монархии.

М.М. Ковалевский привел факты, убедительно свидетельствующие о том, что в начале XX в. сама Россия неумолимо двигалась в сторону либерализации, демократии и Конституции. Изданные в 1902 г. отдельной книгой лекции способствовали разоблачению мифа об исторической отсталости России. Так американские и английские исследователи российской политической истории получили дополнительную возможность ознакомиться с этой страной. Российская буржуазная революция 1905–1907 гг. подтвердила намеченные социологом тенденции, а сам ученый, вдохновленный открывавшейся для России демократической перспективой, в то время опубликовал множество статей на самые разные темы: о свободе слова, демократии, политике. Оптимизм ученого был подкреплен убеждением о грядущих обновлениях социально-политического строя России по западному образцу. Он также был избран, как вы все знаете, депутатом Первой Государственной Думы, где, как человек науки, по его словам, надеялся быть полезным в решении вопросов государственной и общественной важности.

Итак, Ковалевский познакомил американское общество с реальным образом либеральной России и тем самым разрушил миф о ее исторической отсталости, укрепил уверенность американцев в готовности русского народа к самоуправлению и этим внес невольный вклад в формирование романтического видения грядущего России, ее демократической перспективы. Несколько позже другому социологу, Питириму Сорокину, пришлось пожинать плоды сформировавшегося в умах американцев романтического образа русской революции.

На мой взгляд, П. Сорокин поспособствовал разрушению сразу двух мифов: мифа о коммунистической революции и мифа о строительстве коммунистического общества. Мы все знаем, что ученый был в числе той буржуазной интеллигенции, или, как ее называли большевики, «старой профессуры», которая в 1922 г. была выслана из России. Повод для высылки был более чем убедительным. Народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, выступая осенью 1922 г. перед студентами московских вузов, говорил о революционной России так: «Они несут нам не просто науку, а науку отравленную, фальсифицированную, пронизанную вредными ядами, зараженную антинаучным гриппом». Понятно, что такая профессура, не разделявшая коммунистические взгляды, была для советской власти политически опасна и вредна.

Относительно мифа о коммунистической революции тоже напомним известные факты. Приехав в США с первыми лекциями о России, в университетах Висконси-

на и Иллинойса социолог поначалу столкнулся с удивительно холодным приемом со стороны радикально настроенной части американской интеллигенции, которая идеализировала русскую революцию, считая ее продолжением первой, демократической. В головах и сердцах этих американцев оставался тот романтический образ, который был заложен предшественником Сорокина – М.М. Ковалевским. Сам Сорокин этот недружественный прием объяснил так: «Поскольку в лекциях я особенно упирал на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции, это вызвало у них протест по отношению ко мне и к моим лекциям. Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность и публикации по другим проблемам». Только вмешательство и поддержка известных американских социологов Ч. Элвуда, Ч. Кули, Э. Росса, Ф. Гиддингса спасли ученого от обвинения в научной некомпетентности и политической нелояльности.

В качестве своеобразной научной реабилитации П. Сорокину удалось в 1925 г. издать свой труд «Социология революции», где он убедительно, ссылаясь на факты, доказал, что ненависть, сумасшедшая борьба, зверство сопутствуют любой великой революции. Раскрывая сценарий революции, ученый замечал, что на первой фазе ей сопутствует агрессия. Агрессия находит свое выражение как в революционных действиях, так и в криминализации общества: «Революция – фактор не только криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности». Как отмечал П. Сорокин, преступления в революционной России приобретали «легальные формы», и огромная часть уголовных преступников вошла в ряды чекистов. Вторая стадия революции сопровождается возрастающим страхом, поскольку «прививка тормозов» – условных рефлексов, позволяющих человеку контролировать свое поведение в соответствии с социальными нормами, – осуществляется радикальными мерами: «Кто не слушается власти – тому смертная казнь. Кто не работает – тот не ест. Кто крадет – расплачивается жизнью или тягчайшим наказанием. Кто плохо исполняет свои обязанности – изгоняется. Кто убивает – того самого убивают без пощады». В страхе человек перестает принадлежать себе, движимый стремлением устранить угрозу и избежать опасности. Общий вывод, который делает социолог: «Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов». Такой социологический сценарий революции уничтожал ее «романтический» образ.

Что касается второго мифа о строительстве коммунистического общества, то в своих воспоминаниях «Дальняя дорога» П. Сорокин приводит эпизод общения с лидером большевиков Пятаковым накануне высылки из России. Этот диалог обладает научной исторической ценностью, и важно привести его полностью:

«– Пятаков, позволь узнать, ты на самом деле веришь в то, что вы строите коммунистическое общество?»

– Конечно, нет, – честно ответил он.

– Значит, вы понимаете, что эксперимент не удался и вы строите обычное буржуазное общество. Тогда почему высылают нас?»

– Ты не принимаешь во внимание того, что в России идут параллельно два процесса, – сказал он. – Один из них – восстановление буржуазного общества; другой – приспособление Советского правительства к этому обществу. Первый процесс протекает быстрее, чем второй. Это несет угрозу нашему существованию. Наша цель – затормозить развитие первого процесса. Вот почему вас выдворяют за границу. Возможно, через два-три года мы пригласим вас вернуться обратно...

– Благодарю покорно, – сказал я, – надеюсь вернуться в мою страну без вашего приглашения».

Действительно, представители первой волны эмиграции, и Сорокин в том числе, были уверены, что советская власть продержится недолго и вскоре блестящие умы российской интеллигенции вновь будут востребованы у себя на Родине. Мы знаем, что этому не удалось сбыться. Тем не менее еще в Советской России им были заложены основы научной деятельности. Например, в воспоминаниях социолог писал, что «на лекциях никогда не играл в политику, но приводил научные факты, независимо от того, подкрепляют ли они коммунистические теории или нет». Тех же принципов научной деятельности (верности фактам и своему научному долгу) он придерживался и в эмиграции, создав лучшую американскую школу социологии. Итак, Питирим Сорокин познакомил американское общество с реальным образом революционной России, значительно подкорректировав романтический образ русской революции, и развеял миф о строительстве коммунистического общества, сложившийся у части американских исследователей.

Теперь переходим к фигуре Н.С. Тимашева, который приехал в Соединенные Штаты в 1936 г. по приглашению П. Сорокина. Сначала он работал с ним в Чикагском университете, где читал курс социологии права. Этот исследователь тоже поучаствовал в разоблачении мифа об успешном коммунистическом строительстве. Живя в эмиграции, ученый приложил все силы, чтобы быть в курсе событий, которые происходили в России, судьба которой волновала его до последних дней жизни. Тимашев как социолог разработал особые методологические подходы, которые применял, анализируя социальные процессы, происходившие не только в России, но и во всем мире. Самым главным принципом для социолога оставалось следование хронологии фактов и событий. В книге «Великое отступление» ему удалось уловить то великое отступление от коммунизма в России, которое, по его мнению, началось в 1934 г. Анализируя факты, в частности восстановление свободы слова, свободной торговли хлебом, отмену карточной системы в 1935 г., возвращение к национально-историческим традициям, ученый понял, что, несмотря на сохранение коммунистической вывески, многое в России совершается не по коммунистическим доктринам, а исходя из требований здравого смысла и национальной безопасности. В книге «Великое отступление» он писал, что именно отход от коммунизма обусловил колоссальные успехи России. Ученый утверждал, что под влиянием уступок в пользу исторической традиции и сопровождавшей их пропаганде Россия вновь нашла себя. У русского человека опять есть то, за что сражаться, народная гордость и хотя очень ограниченное, но все же реальное экономическое благополучие, а главное – надежда на лучшее будущее. Советская Россия обеспечила свою динамику благодаря великому отступлению в сторону естественного порядка вещей в экономике, политике,

культуре. Великое отступление, заключал Тимашев, спасло независимость России и тех, кто был у руководства. То была ожидаемая награда за способность увидеть вещи, какими они были в реальности, а не такими, какими они должны быть согласно этой или другой доктрине. Надо сказать, что Тимашев вел хронику событий и лиц, имевших отношение к России, с 1917 г. до последних дней своей жизни. Это наследие Тимашева еще до конца не изучено. Он познакомил американское общество с реальным образом Советской России – далеким от того идеологически правильного коммунистического образа, который навязывала миру советская пропаганда.

Таким образом, и М.М. Ковалевский, и П.А. Сорокин, и Н.С. Тимашев познакомили американцев с революционной и советской Россией, доказав, что она развивается в русле единой мировой тенденции эволюции индустриального общества. И поэтому социологи русского зарубежья внесли неоценимый вклад в становление русистики в США в первой половине XX в. и, может быть, даже в те международные отношения, которые так тяжело на протяжении всей истории складываются между нашими великими странами. Но именно от этих отношений, как считал П.А. Сорокин, зависит будущее не только обеих стран (России и США), но и всего мира.

О.Ю. Кузванова: Большое спасибо, Марина Борисовна. Мне было особенно интересно послушать о Н. Тимашеве, потому что это еще одно забытое имя, которое должно быть возвращено в Россию. Я знаю, что многие в Санкт-Петербургском университете, в Москве, в Новосибирске работают над тем, чтобы труды Тимашева были лучше известны российскому читателю. Сегодня имя Н.С. Тимашева действительно возвращается.

Выступление профессора кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, научного руководителя Международного центра социальных исследований, доктора философских наук Николая Федосеевича Зюзева обозначено следующим образом: **«Взгляды Питирима Сорокина на теорию цивилизаций в современной интерпретации».**

Н.Ф. Зюзев: В прошлом году мне удалось принять участие в конференции Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций в г. Бухарест. Спасибо большое Ольге Александровне, она обеспечила эту командировку. Я уже давно хотел поучаствовать, даже подавал заявки, но как-то все не удавалось: то возможностей не было, то обстоятельства не складывались. А Общество чрезвычайно важное для нас, т. к. его первым президентом был П.А. Сорокин. Это Общество было создано в 1961 г. Сорокина пригласили туда как «большую звезду». Собственно, там были две большие звезды – А.Дж. Тойнби и П.А. Сорокин. И Сорокина, при поддержке Тойнби, избрали президентом, еще до избрания президентом Американской социологической ассоциации. Конечно, пригласили его туда не случайно. Сорокин не был сторонником теории цивилизации, он был критиком. У него есть работа, которая остается без особого внимания, – «Contemporary philosophy of history» (Современная философия истории), вышла где-то в конце 1950-х гг. Она прошла незамеченной, но на самом деле это одна из самых значимых поздних сорокинских

работ. В ней он, начиная с Данилевского, анализирует цивилизационное учение и вообще философию истории, т. е. это Н. Данилевский, О. Шпенглер, Н. Бердяев, А. Нортроп, А. Кребер. Сорокин критикует, находит что-то важное, существенное для себя, с чем-то он соглашается или не соглашается – это очень ценная книга. Может быть, в будущем ее надо будет рассмотреть для перевода и, возможно, отдельной публикации, потому что она, мне кажется, вызовет большой интерес.

Мы ждали представителей Общества на нашей конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» в мае, как минимум два человека соглашались приехать, но этого не произошло, т. к. ситуация осложнилась. Надеюсь, что в будущем наше сотрудничество продолжится. В журнале «Наследие» мы готовим публикацию, ставшую результатом этой поездки. У них есть свой журнал «Comparative Civilizations Review», и они любезно согласились безвозмездно предоставлять нам статьи из этого журнала для перевода. Первой мы выбрали статью профессора Эндрю Тарговски, написанную к 130-летию Сорокина.

Тарговски очень интересный человек. Он родился в Польше. Детство его прошло под оккупацией, отца забрали в лагеря, там он работал на одной из фабрик, где делали патроны. Затем нацисты казнили его отца за саботаж. Мать его спасла, была ранена: они попали под огонь, мать буквально вынесла его из-под огня. По образованию он специалист в компьютерных технологиях, занимался всю жизнь компьютеризованными системами менеджмента, очень известный человек в этой сфере. В юности занимался политической деятельностью, оппозиционной, в конечном счете произошли некоторые неприятности, и он уехал в Мексику, потом переехал в США и там работал практически всю жизнь в университете западного Мичигана (г. Каламазу). В прошлом он был президентом этого Общества. У него есть несколько монографий по теории цивилизации, и в этой сфере он очень интересная, яркая личность. Он пишет о теории Сорокина, его взгляде на философию истории, излагает свою собственную позицию на развитие цивилизации.

Вернусь к Сорокину. Сорокин не соглашался с теорией цивилизации. Самый близкий к классическому варианту теории цивилизации, пожалуй, это вариант Данилевского, где каждая великая культура – это некое биологическое существо, которое вы не можете привить ни к какому другому, оно не принимает никакие элементы других организмов, других растений. Культура переживает стадию расцвета и умирает. Собственно говоря, Шпенглер мало что в этом смысле добавил, кроме того, что его великая книга «Закат Европы» сделала эту теорию популярной. Если взглянуть в целом и сейчас на теорию цивилизации, то наблюдается много расхождений в вопросах, сколько цивилизаций в мире существовало, существует, как их классифицируют и т.д. Я не буду в это углубляться, потому что каждый исследователь дает свою классификацию, это долгий и не очень плодотворный спор.

Почему Сорокин не соглашался с теорией цивилизации? В «Системе социологии» он говорит, что, рассматривая любое общество, любую культуру, нужно обращать внимание на то, с чем вы имеете дело – единым целым или скоплением каких-то разнородных элементов. С его точки зрения, когда люди говорят «цивилизация», они, как правило, говорят о социальных группах, о неких единствах, которые связаны множеством социальных связей. Про Россию он говорит, что зачастую смешивают

вают цивилизацию с нацией. Нация связана языком, общей историей, этническим единством, границами и т.д. Производится подмена понятий, чего делать не следует. Для него главным параметром, по которому следует смотреть на историю, когда мы говорим о философии истории, является тот концепт, который он изложил в «Социальной и культурной динамике»: главное – это смена социокультурных суперсистем, когда мы переходим от идеациональной к сенсатной, к идеалистической и т. д. Этому тренду подчиняются все цивилизации, все культуры. Если мы будем фокусироваться на истории и на развитии отдельных цивилизаций или нации, то мы упустим из вида этот общий тренд.

Что касается Тарговски, его статья кажется мне достаточно интересной. Он излагает в ней собственную теорию и критикует Сорокина. Например, он говорит о том, что на Сорокина в сильнейшей степени подействовал К. Маркс, марксизм. Формирование личности Сорокина происходило в революционную эпоху в России, когда марксизм и идеология марксизма были ведущим фактором. Одна из знаменитых идей Маркса – понятие базиса и надстройки, экономики и идеологии. Но вот, говорит Тарговски, посмотрите, что Сорокин делает: он берет эту концепцию и производит из нее две социокультурные системы: сенсатную и идеациональную. Идеациональную можно оценить как религиозную, т.е. именно идеология руководит экономикой – базисом. Он сделал ту же конструкцию, просто предположил, что идеология может быть главной, не базис, а надстройка может быть главной. У него получается идеациональная теория. Подозреваю, что сам Сорокин, может быть, не осознавал этого. С другой стороны, если базис руководит, определяет надстройку, тогда получается сенсатная культура, материалистическая, т. е. материалистическая первичная, а идеология – это уже результат последующего.

Что касается теории самого Тарговски, он по-другому смотрит на историю. У него в основе этого процесса – вспышки творчества, *curiosity* (любопытство), вспышки любопытства в истории человечества. Возьмем Древнюю Грецию, когда возникают все науки, философия. У человека случается вспышка любопытства: вдруг возникают всякого рода науки, открытия, достижения, а дальше – пауза, и в эту паузу человек осваивает это знание, но не производит ничего нового. Такие вспышки являются двигателем цивилизации, развития.

Но у меня в данном случае есть вопросы к Тарговски, потому что если мы посмотрим на концепцию Сорокина, то у него очень интересное объяснение, как развивается общество, как происходит смена этих субкультурных систем. Он говорит о том, что каждая социокультурная система в конечном счете вырабатывает свой творческий потенциал, т. е. она останавливается в развитии. Нужно новое развитие. Тогда происходит какой-то социальный взрыв, и общество меняется, и вдруг начинают опять приходить новые знания. Но то же самое и у Тарговски: пришла новая социокультурная система – вдруг взрыв нового знания, затем опять потенциал вырабатывается, наступает пауза, происходит разрушение. Я не вижу разницы между этими объяснениями.

В «Социологии революции» есть интересный момент. Сорокин пишет в этой книге: суть любой революции в том, что она разрушает предыдущий образ жизни, систему ценностей и прочее, т.е. это разрушительная фаза. Затем на ее место при-

ходит восстановительная фаза. То есть в той или иной форме все прежние ценности, системы и отношения восстановятся, может быть, в несколько иной форме, под другим видом и другой вывеской. Именно так Сорокин смотрел на Советский Союз. Он очень комплиментарно размышлял о Советском Союзе, особенно после войны. Ему казалось, что Советский Союз – это та же самая дореволюционная Россия, прошедшая через абсолютно необходимую фазу войн, насилия.

Многие другие мыслители тоже говорили о том, что Советский Союз унаследовал авторитарный стиль правления. Да, церковь была подавлена, но, с другой стороны, коммунистическая партия, сама идеология марксизма имела явные религиозные смыслы, содержания и т.д. Мне кажется, Сорокин мог ошибаться. Все-таки внешние формы и сходства не должны нас обманывать. Недаром ведь Сорокин замечал еще и то, что все большие социальные перемены обязательно сопровождаются чередами войн, революцией и насилием. И можно ли считать тоталитарный режим, который сложился затем в России, близким или адекватным дореволюционному состоянию? Я не уверен. Идеология коммунизма как интернационалистская идеология смягчала это явление, но тем не менее присутствовало деление на «мы и они», «ваши и наши», «мы и враги», присутствовали милитаризация сознания, тоталитарный контроль за каждым сознанием. Мне кажется, что дореволюционная Россия, несмотря на монархию, была обществом, которое основывалось на консенсусе разных социальных групп и на их взаимодействии. Считаю, эти вопросы не осмыслены и не продуманы в достаточной мере. Даже если мы посмотрим на историю другого тоталитарного государства, например Германии, мы часто воспринимаем то, что там произошло в 1930–1940 гг. как провал истории. Это было другое общество, то, от чего немцы полностью отказались сегодня. Я ставлю вопрос: была ли русская цивилизация, которая существовала до 1917 г., той цивилизацией, которая существует сегодня? Это сложный вопрос, очень болезненный. Мне кажется, над этим стоит подумать.

М.Б. Буланова: В продолжение того, о чем говорил Николай Федосеевич, а именно, что, по мнению Н.С. Тимашева, экономический базис в Советской России формировался по законам буржуазного общества. Если в Советской России исходили из того, что все-таки основа – базис, и он будет определять все развитие, то выводы Тимашева о том, что никакого коммунистического общества не строится, а строится и развивается буржуазное общество, имеют определенное основание. Выходит, надстройка (или то, что называется коммунистической идеологией) вступила в противоречие с базисом. Почему? Потому что, и Николай Федосеевич об этом говорил, в коммунистической идеологии очень много религиозного, а в терминологии Сорокина – это сдвиг в сторону идеационального, т. е. уход от чувственного (в идеологическом смысле – это мечта о светлом будущем, гармоничном и всесторонне развитом человеке). В данном случае тот переход, который П.А. Сорокин в своей «Социокультурной динамике» предсказал для всего человечества, в конечном счете, от чувственной культуры дальше к идеациональной, в России странным образом, может быть, в странной форме, но совершился в это время. И получилось, что в какой-то степени, как говорили многие наши русские

философы, Россия указывает путь всему человечеству. До конца своей жизни Сорокин оставался русским, хотя уже долгое время жил и работал в другой среде. Поэтому именно это он видел и искал, это давало ему силы относиться к России по-особому и видеть в дальнейшем развитии отношений России и Америки помощь всему человечеству. Во всяком случае, он очень стремился к тому, чтобы эти народы дружили. Поэтому я поддерживаю Николая Федосеевича: нам еще нужно работать, в том числе над интерпретацией и осмыслением феномена советского общества. И, конечно, наследие П.А. Сорокина в этом отношении тоже для нас помощник. Николай Федосеевич, вы меня вдохновили своим докладом, я не собиралась второй раз выступать. Спасибо большое.

Н.Ф. Зюзов: Я целиком согласен с тем, что вы сказали. Особенно в поздних текстах Сорокина очень хорошо видно, как он резко критикует американцев за материализм, и в этом контексте, конечно, абсолютно верно то, что вы говорите. Конечно, он идеализировал советское общество, но, безусловно, коммунистическая идеология была бессребренической, нематериальной. Это действительно так. Здесь есть над чем подумать.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Тема, действительно, очень глубокая, и потребуется не одно выступление, не одна статья, чтобы ее раскрыть. Сейчас я хочу предоставить слово профессору кафедры менеджмента и маркетинга СГУ им. П. Сорокина, доктору филологических наук Наталье Станиславовне Сергеевой с докладом на тему «**Так началась моя жизнь в Новом Свете...**».

Н.С. Сергеева: Когда речь зашла о юбилее выхода в свет такого труда, как «Система социологии», я своего места там не увидела, думала в этом году не участвовать. Я провожу исследование по творчеству Питирима Сорокина со стороны своей специальности – психолингвистики и теории текста. Прежде всего это изучение рабочих записей Сорокина из архива Университета Саскачевана. В этих записях можно проследить жизнь метаязыка мысли, который имеет мультилингвальную природу и является промежуточной ступенью в формулировке его научных текстов. Это специфическая тема, не всегда возможно вынести ее в широкую аудиторию. Но в моем распоряжении находятся и биографические материалы, поскольку я работаю совместно с американским исследователем Роджером Смитом, который увлечен П. Сорокиным и является автором сайта о нем. Материалы нашей совместной работы опубликованы в журнале «Наследие» – о Сорокине в Вассар Колледже. Но с этим докладом я выступаю сама, поскольку Смит сейчас готовит доклад для Колумбийского университета к конференции, посвященной 100-летию «философского парохода».

Известно, что 1 ноября 1923 г. П. Сорокин прибыл в Бостон, а затем переехал в Нью-Йорк. Биографы хорошо исследовали начальный период его жизни в Америке, он сам писал о том, как складывался начальный этап его пребывания в Соединенных Штатах, который в конечном итоге дал старт его научной карьере как социолога, уже американского профессора. Я этих моментов касаться не буду.

Я хочу обратить внимание на такой этап его жизни, как пребывание в Вассар Колледже. Ему помог президент Вассар Колледжа Генри Нобл Маккракен, с которым они познакомились в Праге. Между ними практически сразу установились дружеские отношения, которые продолжались много лет. В нашем распоряжении имеется переписка между Питиримом Сорокиным и Генри Маккракеном из архивов Вассар Колледжа и Университета Саскачевана. Она довольно объемна и свидетельствует о том, что дружеские отношения между ними сохранялись очень долго, самые последние письма – это начало 1960-х гг.

Маккракен действительно помог Сорокину: он предоставил ему возможность на протяжении шести недель жить в Вассар Колледже, питаться там, пользоваться библиотекой и иметь возможность посещать занятия.

Вассар Колледж – один из элитных колледжей США, изначально это был женский колледж, и только в 1969 г. в нем было введено совместное обучение. Маккракен занимал должность президента Вассар Колледжа в течение 31 года. Это был высокообразованный человек, прогрессивный администратор, прекрасный руководитель. Отношения, которые сложились между Сорокиным и Маккракеном, были очень близкими, они дружили семьями.

В нашем распоряжении также оказались очень интересные материалы местной прессы, в которой освещалось пребывание Сорокина в Вассар Колледже. Это, прежде всего, «Сборник новостей Вассара» – одна из старейших студенческих газет в США – и три городские газеты города Покипси, где расположен Вассар Колледж. Есть информационные заметки о пребывании Сорокина в Вассар Колледже, интервью, информация о выступлениях Сорокина в таких сообществах, как Ротари-клуб, Лига за индустриальную демократию, где он высказывает свое мнение о происходящем в России, делает политические заявления. С 8 января Сорокин прочитал 5 лекций студентам Вассар Колледжа, отчеты о них также есть в прессе.

В качестве примера я хочу показать вам публикацию в городской газете The Roughkeepsie Evening Star & Enterprise от 15 декабря 1923 г.: «В течение последних двух недель колледж Вассар принимал выдающегося российского ученого, социолога и революционера. Петрим Сорокин не большевик, хотя и помогал революционному правительству, свергнувшему царя. На самом деле большевики выслали его из России после того, как он трижды сидел в тюрьме и один раз был приговорен к смертной казни. Сейчас он находится в нашей стране по приглашению университетов Иллинойса и Висконсина для чтения лекций. Эта работа начнется после Рождества, и до этого времени он усердно занимается улучшением своего английского языка». Они даже не сразу поняли, как правильно писать его имя и фамилию. Вообще в этих публикациях много курьезных лингвистических находок.

Здесь представлена информация о Сорокине, но подана она так, как они ее понимали, а понимали они своеобразно. Например, в некоторых публикациях указано, что он член большевистского правительства, что его приглашали занять должность народного комиссара просвещения и т. д. Это характерно для текстов масс-медиа, поскольку они пишутся очень быстро и зачастую людьми, не очень хорошо разбирающимися в российских событиях и реалиях. Сам Сорокин, вероятно, давал им этот

материал на той стадии знания английского языка, какая у него тогда была – процирированная на интеллектуальный потенциал и осведомленность местных журналистов.

Приведу пример из той же публикации: «Он был членом партии социалистов-революционеров и в 1917 г. принимал активное участие в революции Керенского, которая свергла царское правительство. Вместе с Брешковской он редактировал официальную газету Петрограда, был членом Учредительного собрания и секретарем премьер-министра Керенского. При большевистском режиме он трижды сидел в тюрьме за слишком откровенное выражение мнений и один раз был приговорен к смертной казни. Он оставил всякую надежду на жизнь, когда ему был объявлен приговор, почти месяц жил в ожидании казни и сохранил две сигареты, чтобы выкурить их по дороге на эшафот. В конце концов его освободили, “потому что очень немногие были способны работать в образовании”. После жизни Робинзона Крузо в лесу среди болот, где не было еды, кроме грибов, лавровых листьев и мелкой дичи, он выбрался из России».

Это пример типичной публикации в местной прессе. Делается упор на драматических событиях биографии Сорокина, чтобы возбудить интерес читателей.

Лекции Питирима Сорокина в Вассар Колледже были сугубо научными (я говорю про лекции по социологии). Газетные отчеты, которые написаны по прочитанным лекциям, совершенно лишены личной информации, это резюме этих лекций. Их писали студенты в силу своих возможностей.

В Вассар Колледже у Сорокина фактически была единственная возможность читать лекции именно по социологии, потому что в дальнейшем его просили читать лекции о русской революции. Это лекции, которые Сорокин читал в университетах Чикаго, Висконсина, Иллинойса, Мичигана. Он делал определенный конгломерат содержательных компонентов, потому что его, прежде всего, воспринимали именно как человека из России, российского политического деятеля, он высказывался по политическим вопросам. И это ему в определенный момент начинало мешать, потому что то восприятие его информации о революции в России, которое зачастую было очень неблагоприятным, о чем здесь уже говорили, мешало ему запустить свою жизнь в Америке уже как университетского профессора, т. к. его лекции воспринимались именно как лекции о России.

Наконец, ему предлагают место в Миннесоте, по сути дела, за половину оплаты, но это была фактически единственная возможность «зацепиться». В Университете Миннесоты он задержался на 6 лет. Финансовые условия его работы улучшались медленно, о чем он высказывался в письмах. Приехала Елена Петровна, надо было решать и ее проблемы с получением ученой степени. В конечном итоге все эти проблемы он решил сам – через «Социальную мобильность», «Современные социологические теории», две книги по сельской социологии. Закончилось это приглашением в Гарвард.

Если говорить о его лингвистической подготовке, то здесь я возвращаюсь на свое поле и хочу сказать, что у него был хороший лингвистический бэкграунд. Во-первых, он рос как естественный билингв, усваивая сразу два языка. Во-вторых, у него была хорошая лингвистическая база, полученная уже в результате образования

(немецкий, французский, хорошая латынь), которая позволяла ему вести научную деятельность. Поэтому позднее освоение английского языка в сжатые сроки – он начал в 33 года – прошло успешно. И к моменту приезда в США у него был хороший уровень языковой подготовки.

Есть свидетельство о его владении английским языком. Приведем ту же публикацию в *The Poughkeepsie Evening Star & Enterprise* от 15 декабря 1923 г. В ней сообщалось о том, что Сорокин посетил одно из занятий по практике журналистского письма и присоединился к критическому обсуждению статей, которые авторы-студенты читали вслух. Профессор Джонсон пишет: «Он откровенен и прямолинеен, и, несмотря на свое незнание некоторых английских идиом, он не упускает ни одного момента». То есть он приходил в класс и фактически работал на английском языке. И он высказывался изначально как журналист: «Я тоже журналист и был редактором. Журналисту важно знать, как иногда очень хорошо написать на тему, о которой он вообще ничего не знает. Я думаю, что эта статья очень хороша!» Это его мнение о докладе студента по написанному им тексту.

На примере первых двух писем к Маккракену мы можем наглядно себе представить, как был подготовлен Питирим Сорокин. Это ранние свидетельства. Первое письмо от 5 ноября (хотя здесь стоит October (октябрь), следует из текста). Маккракен удивляется, почему письмо шло целый месяц, а Сорокин говорит, что это он ошибся в дате. Он, конечно, в автобиографическом романе говорит, что его вдруг пригласили в Вассар Колледж. Ничего не вдруг: 1-го он приехал, 5-го обратился к Маккракену с просьбой о помощи.

Культура рукописной переписки соблюдена. Те лингвистические погрешности, которые здесь наблюдаются, объясняются следующим образом. Ситуация с английским языком в 20-е гг. XX в. – это не нынешняя ситуация, когда английский язык – это язык номер один в мире. Более того, кроме таких признанных территориальных вариантов, как британский английский, американский английский, канадский английский, австралийский английский, сейчас выделяют и другие и на других основаниях. Английский язык используется в науке, в литературе представителями разных языков и культур, и сейчас, например, есть такое понятие, как денглиш, т. е. английский, на котором говорят немцы. Есть понятие рунглиш – английский, на котором говорят русские. Более того, существует такой феномен – русская литература на английском языке. Есть литераторы, которые пишут на английском языке и на русском языке. Мы знаем, что в литературе народов России есть такие феномены. У нас в республике есть писатели, которые замечательно пишут и на коми, и на русском языке. Есть чинглиш – это английский язык, на котором говорят китайцы. Тогда ничего этого не было.

Какие ошибки допускает Сорокин? Фактически это все ошибки рунглиша, потому что эта разновидность уже описана, в частности профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Зоей Григорьевной Прошиной и ее учениками. Они делают это в дидактических целях. Какие это ошибки? Это, во-первых, артикли, когда путают артикли определенный или неопределенный или когда артикль просто опускается. Это употребление предлогов, которые дословному переводу зачастую не поддаются. Это дословные переводы на английский язык русских этикетных форм, кото-

рые выглядят неуклюже, поскольку этикетные формулы идиоматичны. Это ошибки в употреблении отдельных слов и форм, например, слово *advice* в данном контексте используется в форме единственного числа, а Сорокин пишет *advices*. Или он пишет *protection*, дословно переводит русское выражение «оказать протекцию», но на самом деле слово *protection* здесь нельзя употреблять в таком значении. Это синтаксис, например, дословные переводы сложных предложений, особенно сложноподчиненных, с русского языка, т.е. когда в английском требуется употребление инфинитива, местоимений, герундия. Это несоблюдение порядка слов, что совершенно естественно, потому что английский – это язык с фиксированным порядком слов. Это использование прописных и строчных букв, когда он пишет *russians* со строчной буквы. В целом в этих двух его текстах все эти ошибки есть, но они все единичны.

Таким образом, у Сорокина был хороший уровень владения языком, и все, что ему требовалось, – это необходимость адаптации к языковой среде, что ему Вассар Колледж предоставил и чем помог в его дальнейшей карьере.

О.Ю. Кузванова: Спасибо большое, Наталья Станиславовна. Хочу отметить, что в журнале «Наследие» № 2(19) 2021 вышла развернутая версия доклада, который сейчас воспроизвела Наталья Станиславовна, где более подробно показано, какие были публикации в этих газетах, как воспринимался образ П.А. Сорокина.

Следующее выступление – доцента кафедры философии и социально-политических наук СГУ им. П. Сорокина, кандидата социологических наук Марии Реисовны Ткаченко. В нем раскрывается тема **«Роль социологических исследований в формировании общественного доверия в свете идей Питирима Сорокина»**.

М.Р. Ткаченко: Добрый день, коллеги. Когда мы говорим о П. Сорокине, мы в основном вспоминаем его идеи, его теоретическое наследие. И как-то обходим стороной тот факт, что П. Сорокин стремился к тому, чтобы преобразовывать общество. Это как раз связано с прикладной социологией. В работе «Система социологии» П. Сорокин определяет структуру социологии, подразделяет ее на теоретическую и прикладную, и красной нитью через эту работу проходит мысль о назначении социологии как науки.

Когда мы со студентами входим в курс общей социологии, когда мы открываем учебники, в разделе, который называется «Социология как наука», есть небольшой подраздел «Функции социологии», с чего она начинается: «познавательная, воспитательная». И дело в том, что такое определение функции социологии студентам ничего не говорит о профессии социолога. Студент не понимает, что это такое, он видит набор каких-то идей, методов, а что такое социология, он, в общем-то, не понимает. П. Сорокин в своей «Системе социологии», проговорю еще раз, определяет назначение этой науки. Он говорит о том, что социология, во-первых, должна объяснять положение дел, делать это объективно. Во-вторых, социология должна описывать его. В-третьих, должна по мере своих сил и возможностей прогнозировать, как будет развиваться ситуация дальше. В-четвертых, должна давать рекомендации по поводу того, как воздействовать на эту ситуацию. Если тенденция положительная – значит,

ее надо поддерживать, если она отрицательная – значит, надо предпринимать какие-то действия, практические, для того, чтобы ее преломить. Ну и последняя функция, так называемая социально-критическая. Сорокин говорит о том, что назначение социологии в том, чтобы искать проблемы, существующие в обществе. И так по кругу, получается: нашли проблему, описали, объяснили и т. д.

Надо отметить, что понятие доверия – социального доверия, общественного доверия – у П. Сорокина специально не осмысливается. В конце своей жизни он много формирует идей через социальную философию любви. На чем базируется любовь, как не на доверии в том числе? Феномен доверия вошел в социологию благодаря рождению так называемой повседневной социологии, в центре внимания которой находятся наши повседневные практики. Наиболее развернуто концепция социального доверия представлена в работах польского социолога Петра Штомпки. Он сравнивает демократические и недемократические общества и говорит, что социальные институты могут быть одинаковыми, а характер этих институтов может быть совершенно разным. И общества в соответствии с этим характером могут быть разными. Его основная идея состоит в том, что в демократических обществах государство институционализирует так называемое недоверие, т. е. позволяет конструктивную критику в адрес власти и органов правления. В недемократических все наоборот: государство стремится институционализировать доверие и требовать от общества этого доверия, как некоего обязательного условия, того, что должно быть в приоритете общества.

Другая трактовка доверия в социологии связана с теорией социального капитала Пьера Бурдьё. Он тоже осмысляет именно феномен политического доверия, говорит о том, что оно основано на признании того, что выбранные люди, лица будут выражать и отстаивать интересы определенной группы и определенного общества. И таким образом общество поручает институтам власти принимать решения и оказывать им добровольное подчинение, оказывать им доверие. То есть это тип социального взаимодействия, основанный на взаимных обязательствах и взаимной ответственности.

Что касается прикладных социологических исследований, то тема доверия здесь является одной из самых популярных, все три ведущих социологических центра – ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр – каждую неделю предоставляют нам результаты опросов по поводу доверия к органам государственной власти. Я буквально вчера заглянула на сайт этих центров, уже есть свежие данные. Я не буду их сейчас озвучивать. Скажу только, что они примерно все друг с другом сопоставимы, по крайней мере, за последнюю неделю. В то же время и в российском обществе, и среди российских социологов, наверное не всех, но некоторых, есть определенные сомнения. Например, российский независимый социолог Сергей Белановский в 2020 г. писал о том, что у него есть ощущение противоречия между общественными настроениями, какими они видятся в обычных бытовых условиях, и теми данными, которые публикуют социологические службы России. Наверное, каждый из нас в такую ситуацию попадал, когда по телевизору озвучивали результаты разных опросов.

И наши исследования, которые мы проводим совместно с коллегами из Коми научного центра, Центра политических исследований Российского государственного

гуманитарного университета (сейчас он по-другому называется), профессором Османом и коллегами из финно-угорских регионов, тоже показывают, что, например, в молодежной среде назревает кризис доверия. Причем это планомерно происходит, это наши наблюдения с 2019, 2020, 2021 гг.; сейчас, в 2022 г., приступаем к новой волне исследований. Не буду озвучивать конкретные цифры, но скажу, что степень доверия президенту, правительству и главе, например, нашему оставляет желать лучшего, в нашем регионе, по крайней мере. Что в таком случае может предложить практическая социология?

В сентябре 2020 г., когда нас всех накрыла пандемия, на телеканале «Россия 24» вышел фильм под названием «Формула доверия», который был снят по идее Всероссийского центра изучения общественного мнения. Мне кажется, таких фильмов должно быть много, потому что в фильме показано, чем занимаются социологи, какую пользу они приносят нашему обществу. Главный вопрос, которым задаются авторы фильма: почему в нашем обществе так низок уровень доверия? Не только к органам государственной власти, но в том числе и к социологам, и к результатам социологических исследований.

В 2017 г., чуть раньше, ВЦИОМ проводил опрос по поводу разных профессий, по поводу их престижности / непрестижности, знают ли люди о них. По 5-балльной шкале профессия социолога находится примерно в середине – 3,33 балла. У журналистов чуть поменьше, у политологов чуть побольше. Только 40% респондентов знают, кто такой социолог и чем он занимается. 10% сказали, что они только слышали название этой профессии, а 1% вообще заявили, что впервые слышат о такой профессии. Директор ВЦИОМа Валерий Федоров в 2020 г. констатировал, что эта тенденция усугубляется, люди не очень понимают, что они получают за участие в опросах. Они стали менее альтруистичны в этом плане, менее склонны надеяться на то, что их участие в опросе может изменить страну и решить какие-то их проблемы.

При чем здесь П. Сорокин? Одной из составляющих социологии П. Сорокина является так называемая публичная социология, в полной мере которую развил председатель Международной социологической ассоциации Майкл Буравой. Публичная социология предлагает обсуждение разных социологических вопросов с широким кругом людей, не только с профессионалами, т. е. с теми, на кого она направлена. Это могут быть представители отдельной социальной группы, целая нация, широкие общественные круги. В творчестве Сорокина тоже есть работы, которые направлены непосредственно на широкую общественность, они основываются на фундаментальных идеях Сорокина и имеют своей целью донести до читателей суть основных проблем современности и потенциальный способ их решения. Основные проблемы в этих работах – это кризис современной культуры, пути преодоления этого кризиса, важность альтруистической любви, проекты личностной, общественной, культурной трансформации и т.д. Разные проекты по противодействию властным злоупотреблениям. По замыслу Сорокина, подобная публичная социология должна нести доступную для каждого человека программу индивидуальных и коллективных действий, которые необходимы для переустройства общества.

Питирим Сорокин – это человек, который осмысливал в основном кризисы. Сегодня мы об этом уже говорили. Наша страна шагнула в новый кризис, это очевидно. Но независимо от того, как он будет развиваться, каким он окажется для всех нас, как скажется на российском обществе, мне кажется, здесь очень важна роль социологов, которые должны формировать общественное доверие, сплачивающее российскую нацию, российскую гражданственность, российскую идентичность для того, чтобы мы могли успешно преодолевать кризисы.

О.Ю. Кузванова: Спасибо. Сейчас мы находимся в таком периоде, когда теория в какой-то степени разрушена и на первый план выходит практика. И здесь роль социологов очень высока, потому что кому как не социологу увидеть новые явления. Видимо, теоретический и прикладной аспекты меняются местами в лидерстве осмысления и строительства нового общества.

Следующее выступление – преподавателя Института истории и права СГУ им. П. Сорокина Анастасии Александровны Кутузовой, кандидата исторических наук. Тема ее доклада – «**П.А. Сорокин и русская историческая школа**». Поздравляю Анастасию Александровну с успешной защитой кандидатской диссертации в феврале.

А.А. Кутузова: Спасибо. Я очень рада вновь присутствовать на Сорокинских чтениях. Хотя в теме моих исследований значится другой человек – Яков Михайлович Захер, были найдены «связочки» его биографии с П. Сорокиным еще в бытность обучения обоих на юридическом факультете Петроградского университета. Тогда и зародилось направление исследований «Питирим Сорокин и русская историческая школа».

Когда мы говорим о развитии науки, в том числе исторической, социологической, мы, как правило, подразумеваем преемственность между школами, наличие связующих нитей, которые подчас ведут нас из XIX в XX в., из XX – в XXI в. И когда мы говорим о П. Сорокине, мы подразумеваем человека неординарного, связанного со многими выдающимися исследователями, учеными, историками, социологами, политологами, культурологами. Самобытность Сорокина как ученого формировалась и в рамках научного сотрудничества – когда формально, когда неформально. Существует множество исследований и научных работ, которые связывают Сорокина с русской исторической школой, с Николаем Ивановичем Кареевым. Это и статьи Василия Павловича Золотарева, и научные работы, которые были написаны мной в соавторстве с Верой Сергеевной Русановой, и многие другие.

Говоря о взаимодействии ученых, мы чаще всего сосредотачиваемся на общности тем исследования. Но, как недавно было отмечено Ольгой Борисовной Леонтьевой из Самарского университета, по сути, о преемственности можно говорить в первую очередь на уровне метода. Эта проблематика может варьироваться, концепции могут меняться, приспособливаться под конкретное время, терминология может пересматриваться, но метод – это та черта, та характеристика, которая позволяет узнавать научную школу. Исследуя научную школу, мы столкнулись именно с проблемой метода. В наших исследованиях появился так называемый концилиационный метод.

О нем практически никто не слышал, о нем не говорят, и все, кто с ним сталкивается, спрашивают: «Откуда вы его взяли?»

Впервые концилиационный метод был упомянут Н.И. Кареевым, причем в небольшом абзаце в «Теории исторического познания» со ссылкой на выдающегося французского социолога Альфреда Фуллье.

Исследуя работы Фуллье, оригинальные и переводные, мы заметили интересный факт: многие его работы связаны с проблематикой не только русской исторической школы, но и самого Сорокина, которую он дальше изучал, – это общественный договор, общественный организм, общественное сознание, уголовная справедливость. Можно предположить, что Кареев, зная об увлечении некоторых студентов проблематикой социологического плана, передавал новейшие на тот момент статьи и труды ученикам. Впоследствии они использовались его последователями, преемниками не только по историческому направлению, но и по социологическому.

Когда мы говорим об А. Фуллье, мы вспоминаем работу «Современные социальные науки», написанную в 1885 г. Когда о социологии заговорили как об отдельной науке, которую необходимо развивать, именно он начал говорить о концилиационном методе как «методе примирения». Он состоит из трех основных компонентов: 1) построение одной за другой различных систем, повторяющихся посредством включения в себя одного и того же объекта, т. е. сбор материала для анализа; 2) из каждой системы исключаются ложные или неполные категории; 3) определяется сходство систем и формируется единая концепция рассматриваемого объекта. В принципе, эти категории присутствуют во многих исследованиях, но в дальнейшем Фуллье рассматривает общество как существо, имеющее врожденную склонность к развитию естественного и живого существа, в котором примиряются и сосуществуют разные черты (не только политические, экономические, но культурные, идеологические, духовные). И этот метод Фуллье применяет для изучения периодов социальных потрясений, тех же революций, в частности, Великой французской революции. По сути, Фуллье дает то основание, тот базис, который потом развивается Кареевым и в дальнейшем, вполне возможно, Сорокиным.

В настоящем номере журнала «Наследие» публикуется более подробное исследование темы – «Альфред Фуллье и Пителим Сорокин». Мы видим не только связку поколений, не просто ученых – Фуллье, Кареев, Сорокин, – но и преемственность научных школ. Не в рамках научной тематики, но в рамках методологической основы, методологического базиса, что еще раз говорит о Сорокине как о разноплановом человеке, который способен сочетать в своих трудах, монографиях, исследованиях, казалось бы, несочетаемые аспекты.

О.Ю. Кузванова: Спасибо, Анастасия Александровна. Часто пишут, в том числе ученые социологи, что у нас потерялась собственно отеческая социологическая преемственность, потому что социология в одно время была запрещена и в Советском Союзе в целостном виде не присутствовала, только в отдельных элементах. И та традиция, которая началась с Кареева, Ковалевского и продолжена Сорокиным, их достойным учеником, прервалась. Позже, когда социология возродилась, она возродилась уже на началах западной социологической мысли, а между тем тот богатый

пласт наследия российских социологов не был осмыслен, и сегодня эту преемственность надо восстанавливать. Я не знаю, как обстоят дела в исторической науке, но в социологии ощущается очень большая потребность восстановления указанной преемственности.

Вера Сергеевна Русанова, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран СГУ им. П. Сорокина, озвучит тему **«Научная лаборатория» П.А. Сорокина (к постановке вопроса)**». Я также поздравляю Веру Сергеевну с защитой кандидатской диссертации в феврале. Передаю поздравления и Василию Павловичу Золотареву, научному руководителю, за подготовку двух новых кандидатов наук.

В.С. Русанова: Благодарю за поздравления и за представленную возможность участвовать в таком знаковом научном мероприятии, как Сорокинские чтения.

Личность и научное наследие Питирима Сорокина не только интересны, актуальны и многогранны. Это то, что объединяет исследователей из разных областей: философов, социологов, историков. И, думаю, способствует развитию не только сорокиноведения, но и отечественной и мировой гуманитаристики.

Тема, которая сегодня мной предлагается, довольно дискуссионная, думаю, она требует дополнительной рефлексии, поэтому в заглавии доклада дополнение – «к постановке вопроса». Когда мы говорим о теоретическом наследии ученого, будь то ученый-физик или ученый-естествоиспытатель, у нас, как правило, не возникает вопросов о том, что у него существует определенная научная лаборатория. Другое дело, когда этот вопрос относится к ученому-гуманитарию. И вполне логично отсюда могут возникать некоторые дискуссии.

Впервые вопрос о правомерности использования понятия «исследовательская лаборатория» применительно именно к ученым-гуманитариям был поставлен В.П. Золотаревым, у него есть ряд публикаций на эту тему. Основываясь на его теоретических наработках, попытаюсь реконструировать научную лабораторию П.А. Сорокина с позиции отнесения его наследия не только к социологической науке, но и к исторической. Ввиду ограниченности времени не буду останавливаться на той характеристике «исследовательской лаборатории» историка, которую дает В.П. Золотарев, а сразу перейду к основным чертам, которые удалось выделить в научной лаборатории П.А. Сорокина.

В качестве первой черты (ее отмечал еще и современник, близкий друг Сорокина Арнольд Тойнби) выделим исчерпывающее знание Сорокиным научных идей его предшественников по историко-социологической проблематике, которую он избрал для изучения. Это одна из сильнейших сторон его научных разработок. Действительно, обратившись к текстам трудов Сорокина, можно убедиться в том, что идеи, высказанные в той или иной области его предшественниками или современниками, анализируются Сорокиным достаточно глубоко. Это одна из первых ярких черт научной лаборатории ученого-гуманитария, и в частности Сорокина, – знание идей своих предшественников.

Вторая характерная особенность исследовательского арсенала Сорокина (и, наверное, одна из самых критикуемых его оппонентами) – это те принципы и методы, которыми он пользовался при осуществлении своих историко-соци-

ологических и культурологических исследований. Особо подвергалось критике использование статистического метода. Тот же Тойнби писал: «Использование Сорокиным числового количественного метода представления данных – одна из самых характерных и спорных черт в его трудах». Упоминания о том, что подчас цифры, приводимые Сорокиным в качестве аргументации того или иного положения, не могли адекватно отразить качественные изменения изучаемого явления, встречаются, к примеру, в рецензиях его американских коллег на монографию «Социология революции». Однако работы историко-социологического содержания, написанные Сорокиным, демонстрируют, что анализ сопоставления массивных объемов статистических данных позволяет формулировать наиболее объективные, адекватные и не подвергающиеся опровержению выводы. Конечно, статистический метод – не единственный в арсенале Сорокина. Он использует и синхронистский метод, характерный для культурологических исследований и направленный на совокупный анализ нескольких культур на протяжении определенного времени, и многие другие.

Наиболее ярко у Сорокина в ряде работ проявляется и сравнительно-исторический метод (например, в работах «Социология революции», «Социальная и культурная динамика» и «Россия и Соединенные Штаты»). Стоит также отметить, что на закате научной деятельности Сорокин заявил о необходимости широкого использования в социологии исторического метода. В докладе на Международной социологической конференции в Вашингтоне в 1962 г. он отмечал: «Под историческим методом, методом исторической интерпретации социокультурных явлений понимаются все методы интерпретации, которые основаны на социокультурных исторических фактах». Расширяя данное понятие, он добавляет, что все события, процессы, явления, происходящие в обществе, представляют собой цепочку каких-то конкретных фактов, совершившихся в определенное время и скрепленных определенными причинно-следственными связями. И задача социолога – обнаружить эти связи для того, чтобы проследить, проанализировать интересующий процесс с момента зарождения до трансформации или завершения. Принцип, на наш взгляд, в некотором роде относится к историкам. Конечно, данный тезис позволяет выдвинуть предположение о том, что к концу жизни ученый существенно пересмотрел свои взгляды на задачи социологов и историков (мы знаем, что в начале 20-х гг. прошлого столетия Сорокин проводил достаточно жесткое разграничение между деятельностью социологов и историков).

Третьей чертой, характерной для исследовательского арсенала Сорокина, является многофакторный подход. Данный подход использовал учитель Сорокина М.М. Ковалевский.

Четвертой характерной чертой научной лаборатории Сорокина является своеобычность языка (по В.П. Золотарёву). Дело в том, что для каждого ученого характерен свой стиль изложения, и чем образней и доступнее язык исследований, тем больше вероятность заинтересовать общество, читателя своими идеями и их популяризировать.

И еще одна черта его исследовательской лаборатории, о которой хотелось бы сказать несколько слов, – это богатая источниковедческая база его социологиче-

ских трудов. Университетская система преподавания тех лет, через которую прошел Сорокин, а также тесное общение с признанными профессионалами своего дела Н.И. Кареевым, Е.В. Тарле позволили ему, хоть и неглубоко, познакомиться с понятием «исторический источник» и с методами работы с ним. Конечно, историко-социологические работы Сорокина не включают в себя подробного источниковедческого анализа. Но мы не можем отрицать, что его социологические, культурологические теории базируются на достаточно солидном объеме исторических данных, корпусе исторических свидетельств, поэтому можно говорить о том, что такая черта тоже присуща для исследовательской лаборатории Сорокина.

В целом арсенал его исследовательских процедур достаточно широк, он во многом приближен к набору исследовательских лабораторий отечественных историков и подчас является его прямым продолжением. Однако повторяюсь: предложенная проблематика требует дальнейшего специального научного исследования и определенной рефлексии.

Н.Ф. Зюзев: У нас есть прямой источник, у нас есть черновики Сорокина, целая коллекция.

О.Ю. Кузванова: Да, черновики, которые остались в архиве Саскачеванского университета. Часть из них находится в электронном виде в нашем университете, и Международный центр социальных исследований под руководством Николая Федосеевича изучает эти черновики, они переводятся, в эту работу вовлекаются магистранты. Я очень рада тому, что молодежь вовлекается в эту тематику и находит свое место и свой аспект в этом большом социо-историко-философско-лингвистическом блоке.

У нас осталось еще одно выступление – эксперта Центра «Наследие» им. П. Сорокина, кандидата философских наук Владимира Михайловича Теребихина «**О некоторых государственно-управленческих и научно-просветительских аспектах подготовки к 135-летию со дня рождения Питирима Сорокина**» (заочно).

В.М. Теребихин: 4 февраля 2024 г. – значимая дата в календаре мировой и российской гуманитарной науки. В этот день научная общественность будет отмечать 135-летие Питирима Александровича Сорокина.

Поскольку до этой даты осталось всего лишь два года, я выношу на обсуждение ряд предложений по проектированию комплекса государственно-управленческих и научно-просветительских решений подготовки к этому сорокинскому юбилею.

Во-первых, как нам представляется, региональному гуманитарному сообществу необходимо в течение 2022 г. разработать концепцию проведения юбилея в общем контексте осуществления мероприятий по проведению Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России, объявленного Указом Президента России, и мемориальных мероприятий, посвященных 100-летию «философского парохода» – высылке осенью 1922 г. из РСФСР около 300 деятелей культуры и науки (среди них, как известно, был и Питирим Сорокин).

Значимыми мероприятиями в 2022 г. можно считать:

- проведение сегодняшних Сорокинских чтений;
- продолжение издания Собрания сочинений П.А. Сорокина;
- проведение в Сыктывкаре Международной научной конференции «Питирим

Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.» в мае 2022 г.

Во-вторых, в 2022 г., в период подготовки к юбилею, считаю актуальным принятие на уровне Правительства региона Концепции государственной программы сохранения, изучения и популяризации научного наследия Питирима Сорокина и других выдающихся деятелей науки в Республике Коми (далее – Концепция).

На основе Концепции рекомендуется осуществить разработку соответствующей государственной программы. Ее принятие может быть также включено в мероприятия по подготовке к 135-летию юбилею П.А. Сорокина.

Заметим, что, несмотря на значительную работу по увековечиванию памяти Питирима Сорокина, осуществляемую Министерством национальной политики Республики Коми и, прежде всего, основным институтом этой деятельности – Центром «Наследия» имени Питирима Сорокина, Сыктывкарским государственным университетом имени Питирима Сорокина, на родине выдающегося ученого пока отсутствует нормативно, законодательно и институционально оформленная государственная политика в сфере научного, интеллектуального наследия выдающихся деятелей науки региона, в том числе и наследия П. Сорокина. Вся эта деятельность в основном осуществляется в виде отдельных – хотя и значимых, но не взаимосвязанных между собой – мероприятий.

Несколько слов о «видении» самой Концепции.

В общую структуру Концепции предлагаю включить:

• общее определение государственной политики в отношении научного наследия;

- цели политики;
- приоритеты политики;
- принципы политики;
- основные направления и другие компоненты.

Как нам представляется, целями этой политики должны быть:

• сохранение и сбережение интеллектуального наследия как важнейшей составной части нематериального наследия;

- создание условий для его эффективного интеллектуального освоения;
- поддержание в актуализированном состоянии;
- научное изучение, популяризация;
- использование смыслообразующего духовного потенциала гуманитарного

научного наследия для жизни современного человека и общества;

• обеспечение активной, насыщенной, «долгой жизни» идей П.А. Сорокина и других выдающихся деятелей науки Коми края.

Основными направлениями политики научного наследия являются:

- изучение наследия;
- популяризация наследия;
- актуализация наследия;

- внедрение научного наследия в современную практику, в том числе государственного и муниципального управления;
- тестирование наследия на применимость к анализу актуальных проблем современности;
- увековечивание памяти П.А. Сорокина и других выдающихся деятелей науки Коми края.

Создание благоприятных условий для сохранения и дальнейшего изучения научного наследия, эффективного интеллектуального освоения, поддержания в актуализированном состоянии, популяризация, использование его смыслообразующего духовного потенциала для жизни современного человека и общества должно быть неотъемлемой частью региональной государственной политики в сфере управления нематериальным культурным наследием, деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по развитию человеческого потенциала.

Учитывая, что интеллектуальное наследие является важнейшим базовым материальным, духовным и символическим ресурсом развития общества, задача сохранения научного интеллектуального наследия и создания условий его эффективного освоения должна рассматриваться как составная часть общей стратегии развития региона, стратегии развития науки в республике.

В-третьих, учитывая «юбилейную сорокиниану», необходимо начать работу по методологическому обобщению наследия П. Сорокина, работу по методологическому «собираанию, кластеризации» его наследия.

Одной из форм этого методологического собирания и кластеризации наследия может быть подготовка «сорокинианской энциклопедии», возможно, вначале «Краткой энциклопедии научного наследия П.А. Сорокина». Организатором может выступить и Сыктывкарский государственный университет, носящий его имя, и Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина, и Коми научный центр.

В-четвертых, в общем контексте подготовки к юбилею П. Сорокина (как одно из юбилейных мероприятий) можно изучить вопрос о реанимировании идеи академика РАЕН, члена редакционного Совета журнала «Наследие» Ю.В. Яковца о создании на базе Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина совместно с социологическими факультетами Санкт-Петербургского госуниверситета (СПбГУ), Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, Гарвардским университетом и Международным институтом Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (МИСК) Международного цифрового научно-образовательного музея Питирима Сорокина, а также подписания Соглашения о партнерстве между МИСК и правительством региона.

Представляется актуальным изучить вопрос о заключении соглашения о сотрудничестве между Правительством Республики Коми и Фондом Питирима Сорокина (США).

Далее, с целью стимулирования развития гуманитарных наук, гуманитарных исследований в регионе инициировать принятие решения Главой и Правительством Республики Коми о возрождении практики присуждения премии Главы Республики Коми (или Правительства Республики Коми) в области гуманитарных и социальных наук имени Питирима Сорокина.

Кроме того, Правительству и Коми научному центру, Сыктывкарскому государственному университету имени Питирима Сорокина необходимо ходатайствовать перед руководством Института социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева о награждении золотой или серебряной медалями имени Питирима Сорокина ученых республики, внесших значительный вклад в развитие социальных наук, содействию популяризации ее достижений, в том числе в изучении и популяризации наследия П. Сорокина.

К настоящему времени серебряной медалью награждены более 120 ученых. Среди них представители различных регионов нашей страны – Москвы, Белгорода, Ростова-на-Дону, Уфы, Саратова, Екатеринбурга, Тюмени, Санкт-Петербурга, Нижневартовска, республик Адыгея, Кабардино-Балкария, Дагестан, Бурятия и ряда других. Интересно, что даже бывшему Президенту Башкортостана Рустэму Хамитову была присуждена почетная серебряная медаль имени Питирима Сорокина «За вклад в науку».

Однако среди «ряда других субъектов» пока нет Республики Коми, где создан и действует единственный в стране Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина, где функционирует единственный в мире университет имени Питирима Сорокина, где открыт единственный в мире памятник выдающемуся макросоциологу, где издается 30-томное собрание трудов мыслителя, где с 2014 г. проводится Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.», издается научный журнал «Наследие», осуществляется широкий комплекс других сорокинианских мероприятий.

В целом же подготовка и проведение юбилейных сорокинианских мероприятий должны:

1) обеспечить процесс дальнейшего «осовременивания» интеллектуального наследия Сорокина, процесс дальнейшего «живительного признания» актуальности его идей;

2) практически обеспечить агитационный лозунг отца основателя коми автономии Дмитрия Батиева «Коми народ – помни своего Питирима» и желание сына Питирима Сорокина, американского ученого-цитолога, профессора Гарвардского университета, композитора, руководителя Фонда Сорокина Сергея Сорокина, относительно того, что «Коми в перспективе должна стать российским центром изучения наследия Питирима Сорокина»;

3) способствовать развитию гуманитарных наук в республике, повышению имиджевой характеристики республики как региона, обладающего высоким интеллектуальным потенциалом, региона, в котором осуществляется системная государственная политика в отношении научного наследия выдающихся деятелей науки и культуры.

О.Ю. Кузванова: В заключение хочу поблагодарить всех, кто присутствовал на заседании нашего Круглого стола. Надеюсь, что на следующих Сорокинских чтениях мы поделимся новыми исследованиями, мыслями, потому что мир меня-

ется буквально на глазах, возникают новые темы и актуализируются, на первый взгляд забытые. Хорошо, что к нам присоединялись коллеги из Москвы и Санкт-Петербурга. Стимулирование научной мысли происходит только в общении, а нам этого общения в науке очень и очень не хватает. Поэтому еще раз всех благодарю. До новых встреч!

УДК 316 (092)

А.А. Кутузова
Сыктывкар«Наследие»
№ 1 (20) (2022)

А. ФУЛЛЬЕ И П.А. СОРОКИН: К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Цитирование: Кутузова А.А. А. Фуллье и П.А. Сорокин: к проблеме научной преемственности // Наследие. 2022, № 1(20). – С.98–106.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.5>

Citation: Kutuzova A.A. A. Fouillée and P.A. Sorokin: to the problem of scientific continuity // *Nasledie* [Heritage], 2022, No. 1(20). – pp.98–106.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.5>

Автор рассматривает проблему научного взаимодействия, взаимовлияния и развития наследия предшествующих научных поколений. Взаимосвязь между учеными, научными школами может быть прослежена сквозь длительное время. Представляя полузабытые имена ученых, углубляясь в их научное наследие, становится возможным найти предвестников современных исследовательских традиций. Особое внимание автор уделяет проблеме методологической преемственности, актуализации и эволюции научного подхода к исследуемой проблематике.

Ключевые слова: А. Фуллье, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин, методология, социология, conciliation method, integral approach.

Kutuzova A.A. A. Fouillée and P.A. Sorokin: to the problem of scientific continuity The author presents the problem of scientific interaction, mutual influence and development of the legacy of previous scientific generations. The relationship between scientists, scientific schools can be traced through a long time. By presenting half-forgotten names of scientists, delving into their scientific heritage, it becomes possible to find the forerunners of modern research traditions. The author pays special attention to the problem of methodological continuity, actualization and evolution of the scientific approach to the issues under study.

Key words: A. Fouillée, N.I. Kareev, P.A. Sorokin, methodology, sociology, conciliation method, integral approach.

Исследуя путь развития науки, мы часто обращаемся к вопросу преемственности, связей между учеными и целыми научными школами, своеобразных связующих нитей, ведущих нас из века XIX в век XX и далее в XXI в. Эти связи многообразны и многочисленны, здесь присутствует и тема международных контактов, международного поля общения ученых и исследователей, научной коммуникации, разрывов сотрудничества и его возобновления. О преемственности можно говорить в первую очередь именно на уровне метода. Проблематика может варьироваться, концепция может изменяться, терминология может пересматриваться. Но метод – это та черта,

та характеристика, по которой мы узнаем научную школу. Научные школы в таком случае и существуют благодаря этой трансляции метода: метода научного исследования, с одной стороны, и метода преподавания, метода живого взаимодействия с учениками – с другой стороны.

Автор настоящей статьи позволил себе в сравнении связать методологическими нитями двух, казалось бы, совершенно разных исследователей, проживавших в разных государствах, в силу различных причин не имевших возможности непосредственно взаимодействовать друг с другом. Альфред Фулье и Питирим Александрович Сорокин были разделены не только территориально – один проживал во Франции, второй – еще в России. На момент смерти А. Фулье Сорокин продолжал обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета.

Прежде чем приступить к обнаружению связей между двумя выдающимися учеными, необходимо познакомить читателя с личностью Альфреда Фулье (1838–1912). О нем можно найти несколько строк в дореволюционных трудах русских исследователей, биографической справке в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, упоминается он и Н.И. Кареевым. Его работы по вопросам морали, истории развития мировой философии, психологии, социологии были изданы на русском языке еще до его смерти в 1912 г., не претерпев переиздания в дальнейшем. В связи с этим автору показалось целесообразным обратиться к иностранным источникам, которые позволили бы осветить вехи его жизни более подробно, нежели в кратких биографических справках энциклопедических изданий.

Альфред Фулье (1838–1912)
Портрет за авторством французского
фотографа Надара впервые опубликован
в книге О. Гюйо «Философия и социология
Альфреда Фулье», 1913 г.

Альфред Фулье родился 18 октября 1838 г. Уже с 19 лет он пробовал стать педагогом. Первая должность – учитель риторики в колледже Лушана. Затем мы находим его в 1858 г. в Доле, в 1859 г. в Осере, в 1863 г. в Каркассоне. Неопытность Фулье в педагогическом деле бросалась в глаза, однако он смог к 1864 г., благодаря упорным самостоятельным занятиям, опередить большинство студентов Высшей нормальной (педагогической) школы в Париже и получить первое звание бакалавра философии, будучи вольным слушателем. Это достижение привлекло внимание А. Франка и Э. Каро, призвавших А. Фулье принять участие в двух конкурсах, открытых Академией моральных и политических наук по Платону и Сократу. В результате он был награжден дважды подряд за свои сочинения. К этому времени кардинальным образом меняется отношение к нему как к педагогу [Lawruszenko, Riba, 2007, с.5–6].

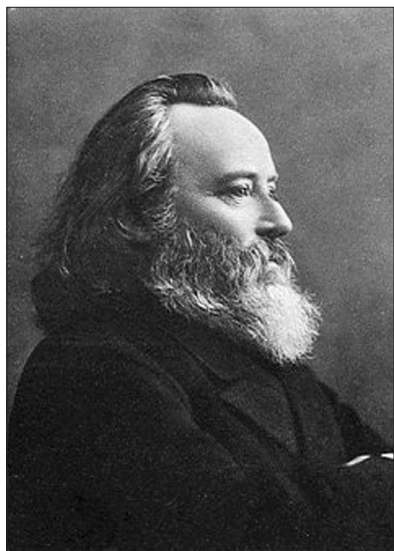
Работая в университете в Бордо, Фульье проявил себя как выдающийся профессор. Причем его репутация основана не только на его успехах как лектора, превосходно организованном курсе, но и на изданных книгах, получивших признание Академии моральных и политических наук. Среди отзывов коллег встречаются следующие: его речь изящна и правильна, его акцент убедителен и симпатичен, его любят и уважают ученики. 23 декабря 1872 г. была защищена диссертация «Свобода и детерминизм», которая породила множество споров, положительных и отрицательных отзывов. Тщательная аргументация тезисов привлекла внимание и политических деятелей, которые стали прочить исследователю и политическую карьеру. Тогда же Э. Берсо, директор Высшей нормальной (педагогической) школы, предложил А. Фульье присоединиться к коллективу его учреждения в качестве учителя. Однако Фульье преподавал всего три года – ухудшение здоровья не позволило продолжить педагогическую карьеру, и он ушел на пенсию. Несмотря на вынужденный отъезд из Парижа, исследователь не оставил научных штудий [Lawruszenko, Riba, 2007, с.7–9]. Умер А. Фульье 16 июля 1912 г. в Лионе во время последней поездки. На могиле выгравирована надпись, которую он сам выбрал при жизни: человек провозглашает от своего имени «Fiat Idea» («да будет идея» – лат.), который является настоящим «Fiat Lux» («да будет свет» – лат.), с надеждой, что свет интеллектуала распространяется до бесконечности.

Уже в своей докторской диссертации А. Фульье придерживался необходимости научной свободы, учета различных точек зрения, за что и подвергался активной критике. В качестве центральной категории его научных изысканий выступает свобода как источник нового учения. Идеи А. Фульье вышли далеко за рамки своего века и стали частью современных научных дебатов. Мышление, чувство и желание тесно связаны в философии А. Фульье. Волюнтаризм не может отойти от рационализма, как идеализм от натурализма, свобода от детерминизма. Он утверждает, что существуют законы природы, которые человек не может преодолеть. Примирение детерминизма и свободы он находит, когда обращается к вопросу об обществе, – детерминизм воплощается в обществе, которое воспринимается как организм, управляемый особыми законами. Если общество представляет собой организм, это означает, что оно, как и все другие организмы, основано на фактической солидарности, объединяющей в обширном сотрудничестве все его части. Если общество действительно представляет собой организм, то в его основе лежит «естественная» солидарность [Lawruszenko, Riba, 2007, с.10]. По мнению современных французских исследователей, Фульье воспринимается как неутомимый исследователь, современник зарождения новой науки – социологии, цель которой состоит в том, чтобы сделать социальное онтологически первым принципом связи в человеческой общности. Свобода находится в начале общества и в его конце. Это «главная идея социальной науки будущего» [Lawruszenko, Riba, 2007, с.17–18].

Однако, что же связывает, пусть и весьма яркого французского педагога, социолога, философа с русско-американским исследователем, чье профессиональное становление завершилось уже после смерти А. Фульье?

Когда мы говорим о Питириме Александровиче Сорокине, мы подразумеваем человека неординарного, связанного так или иначе со многими выдающимися ис-

следователями: историками, социологами, политологами, культурологами и т.д. Включение русско-американского социолога в один ряд с представителями русской исторической школы в рамках рассматриваемой темы связано с тем, что П.А. Сорокин неоднократно контактировал с Н.И. Кареевым, был учеником его близкого друга – М.М. Ковалевского, учился вместе с Я.М. Захером, учеником Н.И. Кареева, на юридическом факультете Петроградского университета. О близком общении этих ученых упоминается сегодня в многочисленных статьях, сборниках и монографиях [Золотарев, 2013; Золотарев, 2014; Кутузова, Русанова, 2018]. Столь близкое знакомство с представителями выдающейся научной школы не могло не оказать влияния на П.А. Сорокина. И именно здесь мы подходим к связующей нити, соединяющей Фулье и Сорокина.

Н.И. Кареев (1850–1931)

Как известно, яркой особенностью «русской исторической школы», школы Н.И. Кареева по новистике стало сосуществование различных подходов к изучаемому объекту, как методологических, так и идейных. И это отразилось в многогранности научного анализа. Н.И. Кареев был одним из первых ученых в отечественной исторической науке, кто отстаивал необходимость применения «междисциплинарного подхода в изучении сложных общественных явлений» [Золотарев, 1992, с.16]. Позиция Кареева связана здесь с раскрытием характеристики концилиационного метода. В «Теории исторического знания» он писал: «Здесь речь должна идти только о настоящем, синтезе, и этим путем я старался всегда идти, не останавливаясь на чисто отрицательных результатах критики чужих теорий. Такое сопоставление противоположных решений одних и тех же вопросов в целях, во-

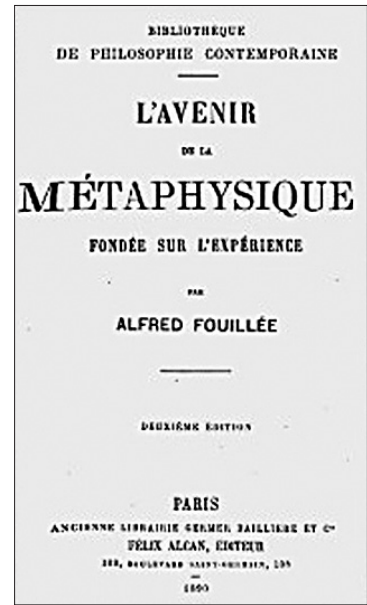
первых, их критики, которая вылущивала бы в каждом решении возможное в нем зерно истины, и, во-вторых, синтеза добытых результатов сделалось даже одним из обычных методов моих историологических рассуждений» [Кареев, 1913, с.17].

И он же говорит об основателе метода – французском философе и социологе А. Фулье. О концилиационном методе упоминается в работе Фулье 1885 г. «La science sociale contemporaine» (Современные социальные науки) [Fouillée, 1885]. Во введении исследователь писал о том, что «необходимо следовать методу, который включает в себя три основных аспекта: 1) построение одной за другой различных систем, повторяющихся посредством включения в себя одного и того же объекта; 2) из каждой системы исключаются ложные или неполные категории; 3) определяется сходство систем и формируется единая концепция рассматриваемого объекта». По мнению философа и социолога, в процессе научного изыскания и применения различных концепций для объяснения рассматриваемого объекта не следует делать скоропостижные выводы об общей картине исследования, исходя только из отдельных положений. В данной ситуации необходим синтез (объединение и примирение) науч-

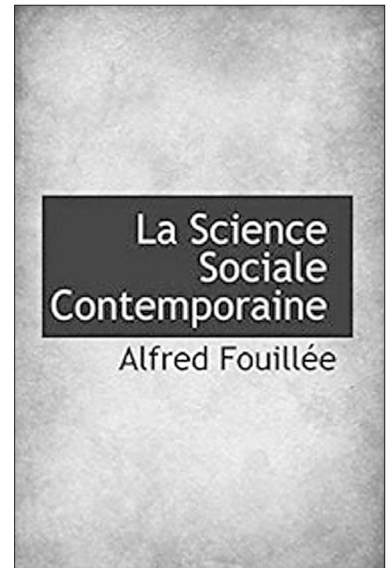
ных положений [Fouillée, 1885, p.120]. Как прогрессивные, так и консервативные научные доктрины могут в той или иной степени происходить из определенной научной области (для Фуллье это естествознание). Реальное примирение этих доктрин – в свободе мысли и суждения исследователя. Таким образом, как было отмечено ранее, социолог говорит о либерализме, который, по его мнению, является принципом изучения биологического и политического мира. Многие исследователи, по мысли Фуллье, игнорируют живой характер общества и относятся к нему как к неодушевленному механизму. Эти люди, которые называют себя по преимуществу людьми порядка, представляя социальный порядок по тому же типу, что и материальный и органический порядок. Метод «примирения» привел Фуллье к возникновению проблемы, столь же интересной для социологии, как и для философии истории, – проблемы общественного сознания.

Позднее (в работе «Будущее экспериментальной метафизики», 1890 г.) Фуллье конкретизирует характеристику метода. Он выделяет два вопроса, связанных с conciliacionным методом: 1) как построить обобщенную систему/ концепцию изучаемого объекта; 2) как узнать, насколько осуществленный синтез научных взглядов (их «примирение») соответствует действительности. Речь фактически идет о «примирении» истинных положений различных научных взглядов, а не их целиком, включая ошибочные утверждения, что отлично, как обращает внимание Фуллье, от гегелевской концепции «единства противоположностей» [Fouillée, 1890, с.101].

Таким образом, с одной стороны, мы говорим о единой направленности развития организма, с другой стороны, общественный организм предполагает различные воли, следовательно, множественность индивидуальных сознаний. Фуллье применяет метод к рассмотрению общества, которое воспринимается как существо, имеющее врожденную склонность к развитию, естественным и живым существом, в котором примиряются и сосуществуют различные черты. Рассматривая развитие общества, необходимо примирить, объединить, интегрировать общественные факторы и личностные факторы. И здесь вспоминается следующее высказывание

Обложка труда А. Фуллье «Современные социальные науки», 1855 г.

Титульный лист книги А. Фуллье «Будущее экспериментальной метафизики», 1890 г.

Н.И. Кареева, своего рода учителя П.А. Сорокина, о роли личности в истории: «Прагматическая сторона истории, можно сказать, есть совокупность отдельных человеческих поступков, относящихся одни к другим как причины к следствию. Само собой, разумеется, далеко не все человеческие поступки входят в состав прагматической истории, а, с другой стороны, те, которые в него входят, имеют в нем далеко не одинаковое значение: во-первых, отдельный поступок принадлежит истории лишь тогда, когда играет ту или иную роль в событии или движении, вызывающем новые прагматические факты, т.е. когда он включен, как хотя бы самое маленькое звено, в длинную цепь причин и следствий прагматического процесса, а не остается от нее в стороне; во-вторых, самая роль, какую в разных событиях и движениях играют отдельные поступки» [Кареев, 1914, с.13–14]. Политика в обществе людей, наделенных разумом и волей, должна быть «произведением искусства», чтобы быть произведением природы, а договорный общественный организм – это как раз примирение этих двух вещей [Fouillée, 1885, с.121–122]. И данное утверждение применимо к рассмотрению таких феноменов исторического процесса, как крупные социальные трансформации, крушение старых порядков, формирование новых систем, когда мы говорим о столкновении прошлого и будущего.

Понимание подхода к исследованию сложных социальных явлений, трактовка причин, особенностей и последствий крупных социально-политических трансформаций позволяют выявить научную преемственность, сохранение и развитие ряда положений Альфреда Фуллье через Н.И. Кареева в научных штудиях П.А. Сорокина.

Концилиационный метод А. Фуллье находит свое продолжение в интегральном подходе П.А. Сорокина.

Интеграция как категория была крайне важна для П.А. Сорокина. Для него человеческие культуры состояли из миллионов индивидуумов, объектов и событий, связанных между собой бесконечным числом возможных отношений. В фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика» отмечалось: «И причинно-функциональный, и логико-смысловой способы интеграции выступают в качестве средства, с помощью которого бесконечное множество бесконечно сложных явлений социально-культурного мира превращается в рационально постижимые системы» [Сорокин, 2006, с.42].

П.А. Сорокин отстаивал позицию, в соответствии с которой общество необходимо рассматривать и изучать как сложные социокультурные системы, находящиеся в постоянном динамическом изменении. И именно здесь применяется интегральный подход социолога, подразумевающий использование интуитивного, рационалистического и эмпирического методов. Сорокин смог представить уникальную концепцию крупных трансформаций, причем соединив в этом социологию, историю, политическую науку, антропологию и биологию. «Сущность логико-смыслового метода познания состоит в нахождении основного принципа (основания), который пронизывает все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и тем самым из хаоса разрозненных фрагментов создает космос» [Сорокин, 2006, с.49].

Развитие общества ассоциируется с социальными трансформациями. Крупные социально-культурные трансформации связаны с наличием определенных противоречий и нарушений. П.А. Сорокин выделял пять основных групп нарушений: по-

литические, социально-экономические, национальные и сепаратистские движения, волнения на религиозной почве, смешанный тип нарушений или волнения, связанные со стремлением к особым целям. Одной из главных причин появления «социальных нарушений», по мнению П.А. Сорокина, является неизбежное изменение любой социокультурной системы, когда ее доминирующие формы, достигнув предела своих потенциальных возможностей, начинают клониться к упадку [Ломоносова, 2017, с.34–53]. Причинами практически любой революции как примера крупной социальной трансформации, с точки зрения социолога, выступают ущемление базовых инстинктов и дезорганизация власти (социального контроля). Для Сорокина этапы революционного процесса, в рамках которого идет кардинальная трансформация общественных систем, также не вызывают вопросов или же сомнений. Он выделяет аналогичные этапы – восходящий и нисходящий. В то же время между ними он располагает военный период [Сорокин, 2008, с.240–243].

Для Сорокина особым вопросом выступает социальное поведение в период крупных социальных трансформаций. В книге «Социология революции» он писал: «Я опасался экстремистов и психологии толпы», для которых были характерны вседозволенность и безнаказанность, и в то же время взаимопомощь, эмоциональная неуравновешенность, беспорядок, паника, энтузиазм и т.д. [Сорокин, 2008, с.227]. Поведение человека представляет собой сложный комплекс актов. Сорокин отмечал, что революции биологизируют человека, сокращают все базовые свободы, ухудшают экономическое и культурное положение низших [Сорокин, 2008, с.19]. Следовательно, самыми революционными и радикально настроенными будут те социальные группы, у которых ущемляется самое большое количество базовых инстинктов.

И здесь следует сделать шаг назад и вернуться к научному наследию А. Фуллье. Французский социолог обращался к такой проблеме, как поведение и роль масс на разных этапах общественного развития, в том числе и в период революции – имеется в виду его труд «Психология французского народа» (1898). В наиболее сложные времена, в период революционных трансформаций, наблюдается пробуждение «животных инстинктов». Люди отказываются от рационального повеления в пользу сиюминутных побуждений [Фуллье, 1899].

Подводя некоторые итоги, крайне важно сосредоточиться на следующем. Как мы можем видеть, изучение общества заставляет углубленно рассматривать множество факторов, существующих, казалось бы, в хаосе реальности. Однако грамотный подход позволяет упорядочить хаос и создать логичную и стройную картину действительности. Интегральная истина и концилиационный подход дают более полное и достоверное понимание реальности. Это расширяет наше понимание и углубляет знания о других формах знания. А. Фуллье говорит о свободе, детерминизме и необходимости совершенно нового подхода в науке. Если общество воспринимается как живое существо, способное развиваться, совершенствоваться, в котором сосуществуют подчас противоположные и противоречивые феномены, тенденции, стремления, то и методы его изучения должны сочетать в себе различные категории. В интегральной философии Сорокин объединяет религиозный, научный и рациональный аспекты. Новое мышление должно включать в себя интегральный синтез,

сплавляющий истины разума, веры и науки. Для новой эпохи необходима новая интегральная система ценностей, трактующая истину, добро и красоту как неотъемлемые абсолюты [Johnston, 1991, с.101–102]. Таким образом, можно отметить наличие множества точек соприкосновения П.А. Сорокина и выдающихся научных традиций зарубежной и отечественной дореволюционной науки.

Литература

- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция / автореф. дис. д-ра ист. наук. СПб., 1992. – 32 с.
- Золотарев В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // *Наследие*. 2013, №3. – С.78–88.
- Золотарев В.П. М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин // *Наследие*. 2014, №4(5). – С.129–139.
- Кареев Н.И. *Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории*. СПб., 1913. – 320 с.
- Кареев Н.И. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. Изд. 2-е, с доб. СПб., 1914. – 574 с. [<http://elib.shpl.ru/nodes/8537>].
- Кутузова А.А., Русанова В.С. Питирим Александрович Сорокин и Яков Михайлович Захер: университетские годы жизни // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки*. 2018, Т. 160, кн. 3. – С.772–785.
- Ломоносова М.В. Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина // *Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук*. 2017. – С.34–53 [<https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-nauchnom-nasledii-pitirima-sorokina-1>].
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Сорокин П.А. *Социология революции*. М.: Астрель, 2008. – 784 с.
- Фулье А. *Психология французского народа*. СПб.: издательство Ф. Павленкова, 1899 [https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fulle/_IstFrNar_Index.php].
- Fouillée A. *La science sociale contemporaine* (2e édition). Paris, 1885 [<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k242911.texteImage>].
- Fouillée A. *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience*. Paris, 1890 [<https://archive.org/details/lavenirdelamtap00fouigoog/page/n127/mode/2up>].
- Johnston B.V. Integralism and the Reconstruction of Society: The Idea of Ultimate Reality and Meaning in the Work of Pitirim A. Sorokin // *Ultimate Reality and Meaning: Interdisciplinary Studies in the Philosophy of Understanding*. 1991, № 13(2). – Pp. 96–108. [<https://www.utpjournals.press/doi/pdf/10.3138/uram.13.2.96>].
- Lawruszenko J., Riba J. Plus qu'une simple anecdote: introduction à la pensée d'Alfred Fouillée // *CORPUS: revue de philosophie*. 2007. №53 – Alfred Fouillée. – Pp. 5–18.

References

- Zolotarev V.P. *Istoricheskaya koncepciya N.I. Kareeva: sodержanie i evolyuciya* [The historical concept of N.I. Kareev: content and evolution]: avtoref. dis. d-ra ist. nauk. SPb., 1992. – 32 p.
- Zolotarev V.P. N.I. Kareev i P.A. Sorokin [N.I. Kareev and P.A. Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2013, No. 3. – Pp.78–88.
- Zolotarev V.P. M.M. Kovalevskij i P.A. Sorokin [M.M. Kovalevsky and P.A. Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2014, No. 4 (5). – Pp. 129–139.
- Kareev N.I. *Istorika. Teoriya istoricheskogo znaniya: Iz lekcij po obshchej teorii istorii* [History. Theory of historical knowledge: From lectures on the general theory of history]. SPb., 1913. – 320 p.
- Kareev N.I. *Sushchnost' istoricheskogo processa i rol' lichnosti v istorii*. [The essence of the historical process and the role of personality in history.] Izd. 2-e, s dob. SPb., 1914. – 547 p. [<http://elib.shpl.ru/nodes/8537>].
- Kutuzova A.A., Rusanova V.S. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin i Yakov Mihajlovich Zakher: universitetskie gody zhizni* [Pitirim Alexandrovich Sorokin and Yakov Mikhailovich Zacher: university years of life] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. nauki*. 2018, Vol. 160, book. 3. – Pp. 772–785.

- «Наследие» № 1 (20) (2022)
- Lomonosova M.V. *Revolyuciya kak social'noe yavlenie v nauchnom nasledii Pitirima Sorokina* [Revolution as a social phenomenon in the scientific heritage of Pitirim Sorokin] // Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk, 2017. – Pp. 34–53 [<https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-nauchnom-nasledii-pitirima-sorokina-1>].
- Sorokin P.A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics] / per. s angl., vst. stat'ya i kommentarii V.V. Sapova. M.: Astrel', 2006. – 1176 p.
- Sorokin P.A. *Sociologiya revolyucii* [Sociology of the revolution]. M.: Astrel', 2008. – 784 p.
- Fouillee A. *Psihologiya francuzskogo naroda*. [Psychology of the French people]. SPb.: izdatel'stvo F. Pavlenkova, 1899. [https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fulle/_IstFrNar_Index.php]

УДК 316.2

Е.А. Тюгашев
Новосибирск

«СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ» П.А. СОРОКИНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Цитирование: Тюгашев Е.А. «Современные социологические теории» П.А. Сорокина: методологические заметки // Наследие. 2022, № 1(20). – С.107–115.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.6>

Citation: Tyugashev E.A. «*Sovremennye sociologicheskie teorii*» P.A. Sorokina: *metodologicheskie zametki* [«Contemporary Sociological Theories» by P. A. Sorokin: methodological notes] // *Nasledie* [Heritage], 2022, No. 1(20). – Pp.107–115.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.6>

В статье представлен экскурс в феноменологию читательского восприятия «Современных социологических теорий» П.А. Сорокина. Следуя критической установке П.А. Сорокина, внимание, прежде всего, обращено на критические замечания в отношении его книги, которые высказаны в опубликованных рецензиях. Сделан вывод о недостаточной эпистемологической рефлексии автора в отношении социологической мысли.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социология, история социологии, социологическая теория, социологическое сообщество.

Tyugashev E.A. “Contemporary Sociological Theories” by P. A. Sorokin: methodological notes

The article presents an excursion into the phenomenology of the reader's perception of “Contemporary sociological theories» by P. A. Sorokin. Following the critical attitude of P. A. Sorokin, attention is primarily drawn to the critical remarks about his book, which are expressed in published reviews. The conclusion is made about the insufficient epistemological reflection of the author in relation to sociological thought.

Key words: Pitirim Sorokin, sociology, history of sociology, sociological theory, sociological community.

Знаменитой книге П.А. Сорокина «Современные социологические теории» скоро сто лет. Российский читатель уже знаком с рядом аналогичных по теме более поздних изданий [Ритцер, 2002; Головин, 2019]. Ожидаемо, что сегодня работа П.А. Сорокина будет восприниматься как обзор «социологических древностей» с позиций только становящейся на ноги академической социологии. Поэтому интересен путь искушенного читателя к книге.

Такой читатель оказывается в ситуации, подобной той, которую применительно к феномену философии описывал Х. Ортега-и-Гассет: «Вот уже некоторое время

мы, как древние евреи вокруг Иерихона, совершаем круги около философии. Это стратегия циклического приближения. По мере того как мы совершаем эти обходы вокруг, перед нами возникают раз и другой повторяющиеся те же самые виды города; но каждый раз ближе и под другим углом» [Ортега-и-Гассет, 1991, с.307].

Российское издание книги П.А. Сорокина [Сорокин, 2020] удобно тем, что в нее включены вступительная статья, содержательные примечания и полуторастрагический указатель со справочной информацией об упоминаемых авторах, а также несколько рецензий. Поскольку несколько непосредственных приступов к книге путем выборочного чтения мне удовлетворения не принесли (хотя были зафиксированы некоторые любопытные моменты), то я использовал стратегию циклического приближения.

Следуя отечественной традиции, я начал знакомство с книгой с конца, т. е. с оглавления. Оно создает впечатление, с одной стороны, хаотичности изложения, а с другой стороны – бесконечных рефренов. Наряду с этим в некоторых главах встречаются стабильные подразделы («Предшественники»), относительно варьирующиеся подразделы («Критика», «Критика школы», «Критика и оценка», «Критические замечания», «Интерпретация и критика») и единожды – перспективный по замыслу подраздел «Достоверные принципы школы». Таким образом, текст воспринимается как сырой, а логика изложения – как плохо структурированная. Отдельные авторские термины («биоорганизмический», «социологистический») раздражают.

Поэтому дальше становятся интересны отзывы рецензентов.

Ф.Н. Хаус писал о неясности классификации социологических теорий, незнакомой терминологии, язвительности языка автора и полезности книги для аспирантов [Сорокин, 2020, с.671]. Можно согласиться с тем, что именно для аспирантов эта книга могла быть полезна, т. к. именно в исследовательской деятельности требуется сравнивать различные теории. Безусловно, прав Д. Майер, утверждавший, что книга «должна стать обязательным чтением для каждого аспиранта, специализирующегося в области социальных наук» [Сорокин, 2020, с.687]. Для студентов же изложенный П.А. Сорокиным материал мне кажется чрезмерным, избыточным.

Ф.Г. Гиддингс и М.В. Гааден указали на «жесткость» суждений автора, а также констатировали, что материал распределен по «школам», а эти школы – «только способы описания разных аспектов общества» [Сорокин, 2020, с.674]. Действительно, судя по оглавлению, П.А. Сорокин описал различные направления социологической мысли, а не научные школы в науковедческом смысле этого понятия. Только «школа Фредерика Ле Пле» хотя бы в какой-то мере характеризуется как научная школа.

А.Б. Вулф подчеркивал ясность и объективность изложения, некоторую категоричность тона и особую ценность использованного метода критической оценки теорий: формулировки возражений, выделение ценного и бесполезного в них [Сорокин, 2020, с.678]. Это на самом деле важно, т. к. начинающие исследователи еще не сформировали навык критической оценки авторитетных в научном сообществе исследований.

М. Гинсберг отмечал, что предлагаемая П.А. Сорокиным «критика носит подкупающе искренний характер, хотя и редко бывает глубокой» [Сорокин, 2020, с.678]. В частности, его критические оценки психологических теорий «несколько огульны и кратки» [Сорокин, 2020, с.680].

Э.Б. Рейтер подчеркивал нонконформизм П.А. Сорокина: «... Автор находит много достойного критики и мало достойного похвалы в большинстве работ, которые – по крайней мере, в некоторых кругах – рассматриваются как значительные; в то же время он находит много ценного и мало достойного критики в большинстве трудов, которые многие ученые склонны были рассматривать как псевдонаучные» [Сорокин, 2020, с.682]. В целом он считает книгу необходимой и очень ценной, хотя «её стиль грубоват, принцип составления механический, тон догматический, а авторская предвзятость очевидна» [Сорокин, 2020, с.682].

Р.М. Макайвер признавал, что критика у П.А. Сорокина «нередко бывает хлесткой и справедливой» [Сорокин, 2020, с.683]. Но вместе с тем он полагал, что его подход «отличается характерным отсутствием такта и меры» [Сорокин, 2020, с.683]. Рецензент также видит у П.А. Сорокина «довольно наивное представление о науке» [Сорокин, 2020, с.683], выражающееся в недооценке роли теоретизирования в научном познании.

Л. Вирт писал о том, что «непропорционально много места в книге отведено биологическим факторам, грешит она и множеством ненужных повторов» [Сорокин, 2020, с.685]. Ценность книги снижают, на его взгляд, личная предвзятость и крайний догматизм П.А. Сорокина [Сорокин, 2020, с.686].

Прочитав книгу, я не заметил в ней особого догматизма. Категоричность суждений – да, присутствует. Но критицизм больше бросается в глаза.

Также заметны диспропорции в книге, несоразмерность её структуры. Всего в книге тринадцать основных глав (последняя глава XIV – заключение, хотя в противоположность ему введение в отдельную главу не выделено). Биологическая интерпретация общества излагается в пяти главах с тридцатью пятью разделами. А социологическая школа рассматривается в трех главах с двадцатью двумя разделами.

Некомплиментарен по отношению к П.А. Сорокину и В.В. Сапов, переводчик и автор вступительной статьи к изданию. По его мнению, П.А. Сорокин «чрезвычайно многословен» [Сорокин, 2020, с.14]. Неуместные для учебного пособия бесконечные «перечислизмы» и длинноты вызывают у него досаду и раздражение. В.В. Сапов советует читателю смириться и свыкнуться с увлечениями и пристрастиями П.А. Сорокина.

Но читательская установка на смирение дает сбой, когда во введении читаешь, что «ученый в первую очередь должен обращаться к изучению фактов, а не теорий» [Сорокин, 2020, с.23]. Ведь книга посвящена именно теориям!? Действует ли тогда автор как ученый? Последующие объяснения П.А. Сорокина не снимают проблемы очередности изложения: у ученого фактологическое описание социальности должно предшествовать изложению теорий о ней. Но у П.А. Сорокина факты социологии занимают явно второстепенное место – как более или менее удачная эмпирическая иллюстрация теоретических положений.

Впрочем, и социологических теорий как объекта анализа мы в книге практически не находим.

Во-первых, она переполнена обсуждением тех или иных корреляций между различными факторами общественной жизни. Но это всего лишь уровень эмпирического анализа.

Во-вторых, номинально в качестве объекта исследования фигурируют не научные теории, а научные школы (а фактически, как говорилось выше, направления социологической мысли или аспектные интерпретации социальных явлений). Необходимость многоуровневого анализа социологической мысли, дифференцирующего направления, теории, течения, школы и т.п. в настоящее время осознана [Головин, 2019, с.11].

В-третьих, к анализу собственно социологических теорий можно отнести лишь главы о «социологической» школе. С точки зрения современного научного познания остальные главы содержат материалы, которые сегодня относят к предметам других дисциплин: антропологии, географии, демографии, экономики, социобиологии, психологии, религиоведения, социальной философии и т.п. Не произошло ли здесь то, что П.А. Сорокин позднее называл «погружением социологии в эклектическую массу ... разнообразных дисциплин» [цит. по: Ритцер, 2002, с.79]? А ведь, по оценке А. Боскова, «к 1920 г. накопившийся материал отдельных исследователей определил основные черты специальной социальной науки, посвященной анализу основных аспектов коллективного человеческого существования» [Босков, 1961, с.45].

В-четвертых, некоторые из рассматриваемых теорий П.А. Сорокин оценивает как находящиеся вне сферы науки (например, марксистскую социологию [Сорокин, 2020, с.465]) или как псевдонаучные (например, психоаналитическую социологию [Сорокин, 2020, с.571]). Такие теории он относит к анимизму, теологии и метафизике. Но зачем тогда они были включены в обзор?

В-пятых, П.А. Сорокин не дифференцировал общесоциологические теории и социологические теории среднего уровня, а также рассматривал теории частных отраслей социологии (например, социологии войны). Из-за этого архитектоника книги также выглядит дисбалансированной.

В общем, складывается впечатление, что было бы разумно первоначально изложить общие представления о научных теориях: стадии их развития, типы теорий, элементы теории, способы их построения и т.д. Подобную работу в рукописях в определенной степени проделал К. Маркс при подготовке «Капитала». Но, по-видимому, П.А. Сорокин не чувствовал потребность в такой эпистемологической рефлексии, поскольку даже не придавал особого значения различению гипотезы и теории.

Широкий интердисциплинарный кругозор полезен для социолога. И здесь П.А. Сорокин не исчерпал всех возможностей. Наряду с экономическим направлением социологической школы можно было выделить другие направления – юридическое, политическое, морально-этическое, эстетическое, этнологическое и др. По крайней мере, П.А. Сорокин считал, что основателями формальной школы были законодатели, юристы и теоретики права [Сорокин, 2020, с.445]. Если формальная школа имеет очень давнюю историю и современная формальная социология только приближается к классике права [Сорокин, 2020, с.446], то разумно было бы резюмировать ее основоположения на материале источников права.

Несомненной заслугой П.А. Сорокина является обращение к наследию предшественников. Это позволяет оценить степень новизны идей современных социологических теорий. Так, он утверждает, что «конфуцианство содержит все основы совре-

менных социологических теорий» [Сорокин, 2020, с.392]. Против этого тезиса трудно возразить. Но хотелось бы видеть изложение всех этих основ в сопоставлении с «Артхашастрой» и «Государством» Платона. Тогда были бы понятны основные типологизации рассматриваемых социологических теорий.

Можно предположить, что указанные недостатки отчасти обусловлены некоторой поспешностью в подготовке книги. Она была написана по материалам академического курса, читавшегося всего два-три года. Столь короткий промежуток времени, на мой взгляд, не позволил отфильтровать материал и упорядочить его содержание. Но книга вписалась в американский темп жизни и была воспринята академическим сообществом.

Безусловную ценность для формирования методологической культуры социологического мышления имеют совершенно справедливые критические замечания П.А. Сорокина.

Так, он фиксирует недостаточную четкость и конкретность в определениях терминов [Сорокин, 2020, с.478], значительное изменение смыслов этих терминов [Сорокин, 2020, с.448]. «На одной странице нам говорят, что главным объектом социологии являются формы человеческих отношений, через несколько строк или страниц нам внезапно объявляют, что этот объект – формы социализации! – замечает П.А. Сорокин в отношении работ Зиммеля. – Тем не менее эти два понятия – формы человеческих отношений и формы социализации – означают совершенно разные вещи» [Сорокин, 2020, с.448]. Как мы видим, фиксируется нарушение первого закона логики – закона тождества.

Дефекты теории классовой борьбы П.А. Сорокин усматривает в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс игнорировали, во-первых, более фундаментальный факт сотрудничества классов и, во-вторых, возможно, гораздо большую значимость множества других видов антагонизма [Сорокин, 2020, с.482–483]. Таким образом, фиксируется неполнота концептуальной схемы.

Действительно, освоение учения П.А. Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции и развитие идей Чикагской школы социальной экологии позволили обратить внимание на выделение основных типов взаимодействий (конкуренция, хищничество, паразитизм и др.) в экологических сообществах между особями различных видов. Да и сам концепт борьбы проблематичен, поскольку подразумевает (например, в случае спортивной борьбы) взаимное усиление и развитие борющихся сторон без взаимного уничтожения.

Кроме того, история Нового и Новейшего времени свидетельствует пока о большей актуальности национального вопроса. В периоды войн классовая борьба всегда уступала место межнациональным противоречиям.

Плюрализм П.А. Сорокина позволяет ему обратить внимание как на многофакторность конкретного социокультурного процесса (например, «падения Рима»), так и на потенциальное существование множества теорий, объясняющих данный процесс [Сорокин, 2020, с.528]. Конкретная композиция факторов может быть сконфигурирована исследователем по-разному, но рассмотрение всех возможных теорий процесса также необходимо.

В европейской традиции принято акцентировать внимание на роли разума в общественной жизни. Гораздо меньшее внимание уделяли чувствам, эмоциям и стра-

стям, воле. П.А. Сорокин при анализе концепций психологической школы говорит о ее «интеллектуалистичности» и обращает внимание на эвристический потенциал интерпретаций социальных явлений с точки зрения других компонентов психического опыта [Сорокин, 2020, с.568–571].

П.А. Сорокин пишет о произвольности и прихотливости предлагаемых социологами классификаций: «...Если мы спросим, например, почему Смолл выделяет шесть, а не тридцать шесть классов интересов или почему Томас указывает только на четыре, а не на сто сорок четыре “желания”, мы не найдем сколько-нибудь удовлетворительного ответа» [Сорокин, 2020, с.576]. Таким образом, теоретики нарушают известные логические правила построения классификаций, а также игнорируют научный опыт в этой области [Розова, 1986].

Замечания П.А. Сорокина актуальны до сих пор, и в том числе при оценке его произведений. Так, в отношении «формальных» социологов он пишет, что при всей суровой критике «энциклопедической» социологии, их собственные работы носят тот же самый “энциклопедический характер” [Сорокин, 2020, с.449]. Тем самым они с легкостью нарушают свои собственные принципы. К сожалению, это же можно сказать и о П.А. Сорокине. «Пройдет всего лишь несколько лет, – констатирует Н.Ф. Зюзов, – и все это будет звучать почти самокритически, т. к. у самого Сорокина появится все, что он разоблачает в 1920-е гг.: откровенная философия истории, религиозная проповедь, попытка изменить мир» [Зюзов, 2019, с.76].

В самом деле, рассматривая действительность как бесконечное количество бесконечных качеств и количеств, из бесчисленных модусов бытия П.А. Сорокин наиболее важными считал три формы дифференциации – эмпирически-чувственную, рационально-умственную, сверхчувственно-сверхрациональную [Сорокин, 1992, с.134]. Произвольность и концептуальная несостоятельность предлагаемой им «классификации» очевидны.

Парадоксальную трансформацию своего героя Н.Ф. Зюзов объясняет «социологическим солипсизмом», т.е. безапелляционной уверенностью в своей правоте: «Его собственные восприятия и те данные, которые он извлекал из них, оставались для него неоспоримыми и незыблемыми аргументами» [Зюзов, 2019, с.77].

Я бы еще отметил возможное действие ряда механизмов психологической защиты. К творчеству П.А. Сорокина относима известная поговорка: «В чужом глазу соринку видишь, а в своем бревна не замечаешь». И до альтруистической трансформации П.А. Сорокину были присущи те недостатки, которые он критиковал у других и которые так ярко проявились в поздний период его творчества. Например, Ю.В. Яковец «откровенную философию истории» фактически видит в сформулированных П.А. Сорокиным законах эволюции права – системе «исторических (по сути дела – общесоциологических) законов» [Яковец, 2014, с.129]. Следует согласиться с наблюдением Н.Ф. Зюзова о том, что «кое-что из этого можно было заметить и в его текстах российского периода – но не в такой степени» [Зюзов, 2019, с.12].

Итак, поскольку П.А. Сорокин присущие ему недостатки научного мышления выделяет при критическом разборе социологических концепций, можно говорить о действии такого механизма психологической защиты, как *проекция*. Обычно она определяется как приписывание собственных характеристик контр субъекту, но при этом подчеркивается, что контр субъект всегда имеет свойства, которые послужили

этому причиной. «Проекцию можно узнать по особой уверенности и категоричности высказываний о других людях», – пишет М. Долинова [Долинова, 2019]. И это всегда отмечалось в характере П.А. Сорокина.

Но показательно, что эти тенденции с возрастом значительно усилились. «В юности он, даже будучи критичным в своих высказываниях, никогда не переходил границ вежливости и академического такта. В Америке он порой становится просто груб, что, кстати, затем привело к неоднократным конфликтам в академической среде и большому количеству недоброжелателей. Обнаружились и другие качества, которые его американские ученые быстро идентифицировали как нетипичные для научной дискуссии», – констатирует Н.Ф. Зюзев [Зюзев, 2019, с.11–12].

Факт того, что присущие П.А. Сорокину недостатки научного мышления усилились и ярко проявились значительно позже, можно интерпретировать через действие других психологических механизмов – реактивного образования и интроекции. Столкнувшись с консервативно-религиозной по своему духу средой, П.А. Сорокин был вынужден адаптироваться и трансформироваться из строгого позитивиста-оптимиста в консервативного христианского не анархиста (конечно же!), а в мистического авторитариста. Соответственно, он в порядке бессознательной психологической самозащиты включил в свой внутренний мир все то, что он видел во враждебной себе академической среде. Это и есть *интроекция* как механизм психологической защиты. Демонстративное усиление в себе (гипертрофия) прежде критикуемых у других качеств, преобразование своего отношения к ним есть другой защитный механизм – *реактивное образование*.

Похоже, что действительно «с Сорокиным мы имеем фактически “лабораторный” случай...» [Зюзев, 2019, с.11]. Некоторые черты его творчества могут быть объяснены сложностями личной биографии. По-видимому, здесь действует механизм психосоциальной детерминации мышления, о котором П.А. Сорокин писал, характеризуя социологическое наследие П.Н. Лаврова [Сорокин, 2019, с.150].

При характеристике каждой теории П.А. Сорокин выделял ее положительные стороны и серьезные недостатки. На мой взгляд – и это демонстрирует личный исследовательский опыт П.А. Сорокина, – данный уровень критики не мешает еще раз «наступить на грабли» и воспроизвести известные недостатки еще более масштабно. Но поскольку такое случается, то важно выработать определенное отношение к этому явлению.

Сам П.А. Сорокин обращался к ландшафтно-экологической метафоре и видел в социологии, где «знание растет естественным и даже несколько анархическим образом ... скорее полудикий заповедник, нежели хорошо спланированный сад» [Сорокин, 2020, с.665]. Область социологии переполнена, по его мнению, «пустоцветами» (проповедями и оценочными суждениями) и «сорняками». Вредными «сорняками» он считает «недостаточное изучение фактов во времени и пространстве; манию чрезмерно обобщать частные выводы, выходя за пределы тех фактических оснований, на которых они сделаны; незнание теорий и исследований, созданных и проведенных другими учеными и в прежние времена; неумение сделать из той или иной гипотезы все существенные выводы и проверить, подтверждаются ли они в пространстве и во времени; неспособность подвергнуть выдвигаемую гипотезу серьезной проверке...» [Сорокин, 2020, с.667]. Поэтому даже лучшие теории в социологии, как признает

П.А. Сорокин, в какой-то степени ошибочны, и социология походит на «музей научно-патологических теорий».

Вопрос в том, как к этим теориям относиться? П.А. Сорокин призывает «научного садовника» освободить растущие в поле социологии «потенциально могучие деревья, чудесные растения и прекрасные цветы» [Сорокин, 2020, с.667] от облепивших их «пустоцветов» и «сорняков».

Думается, такой подход малоперспективен: окончательное освобождение – это утопия. Известно, что в агроценозах из-за пониженного биоразнообразия у культивируемых растений снижена способность противостоять сорнякам и вредителям. Поэтому такие сообщества хотя и высокопродуктивны, но без постоянной внешней ресурсной поддержки неустойчивы и быстро распадаются. В долгосрочных интересах социологического сообщества – сохранение разнообразия социологической мысли. Отдельные ее направления (например, марксистская социология) могут, конечно, культивироваться, но конечная продуктивность этой деятельности проблематична.

Кроме того, даже лучшие теории не свободны от ошибок и страдают от научных патологий. Но это не означает, что эти теории следует искоренять. Таким образом, если перейти на язык философии науки, следует пройти между Сциллой пролиферации (по П. Фейерабенду) и Харибдой фальсификации (по К. Попперу) социологических теорий. Поскольку ничего не существует без достаточного основания, то все теории небесполезны. От них можно оттолкнуться и, следуя закону творческого отталкивания [Тюгашев, 2021], выдвинуть новую теорию. Польза даже самых безумных (т.е. патологических) теорий уже осознана в естествознании. Поэтому и в социологии необходимо следовать методологической стратегии рефлексивной коммуникации, дифференцируя в каждой из теорий значимые позиции и избирая предпочтительные позиции в качестве внешнего основания (своего рода «точки поддержки») собственного развития.

Литература

- Босков А. От общественной мысли к социологической теории // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / ред.-сост. Г. Беккер, А. Босков. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. Гл. 1. – С.15–50.
- Головин Н.А. Современные социологические теории. М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 461 с.
- Долинова М. Проекция: бревно в своём глазу и соринка в чужом // Психологическая мастерская: блог Марины Долиной. 2019. 5 апреля [http://dolinova.blog/archives/1165].
- Зюев Н.Ф. Питирим Сорокин: учение и жизнь. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 208 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. – 405 с.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
- Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.
- Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социс. 1992, № 10. – С.134–139.
- Сорокин П.А. Сочинения: 1919–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019. – 848 с.
- Сорокин П.А. Современные социологические теории. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. – 912 с.
- Тюгашев Е.А. По закону творческого отталкивания // Личность. Культура. Общество. 2021, № 4 (112). – С.148–153.
- Яковец Ю.В. Исторические законы Питирима Сорокина // Наследие. 2014, № 1 (4). – С.126–132.

References

- Boskov A. *Ot obshhestvennoj mysli k sociologicheskoj teorii* [From social thought to sociological theory] // *Sovremennaja sociologicheskaja teorija v ee preemstvennosti i izmenenii* [Modern Sociological Theory in Continuity and Change] / Ed. by H. Becker and A. Boskoff. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1961. Ch. 1. – pp.15–50.
- Golovin N.A. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Contemporary Sociological Theories]. Moscow, Izdatel'stvo «Jurajt», 2019. – 461 p.
- Dolinova M. *Proekcija: brevno v svojom glazu i sorinka v chuzhom* [Projection: a log in your eye and a speck in someone else's] // *Psihologicheskaja masterskaja: blog Mariny Dolinoj* [Psychological Workshop: Marina Dolina's blog], 2019, 5 apr. [<http://dolinova.blog/archives/1165>]
- Zjuzev N.F. *Pitirim Sorokin: uchenie i zhizn'* [Pitirim Sorokin: The doctrine and the life]. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019. – 208 p.
- Ortega-i-Gasset H. *Chto takoe filosofija?* [What is Philosophy?] Moscow, Nauka, 1991. – 405 p.
- Ritcer Dzh. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Contemporary Sociological Theories]. Saint Petersburg, Piter, 2002. – 688 p.
- Rozova S. S. *Klassifikacionnaja problema v sovremennoj nauke* [Classification problem in modern science]. Novosibirsk: Nauka, 1986. – 224 p.
- Sorokin P. A. *Moja filosofija – integralizm* [My philosophy is integralism] // *Socis* [Sociological Studies], 1992, No. 10. – pp.134–139.
- Sorokin P. A. *Sochinenija: 1919–1923* [Writings: 1919–1923]. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2019. – 848 p.
- Sorokin P. A. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Contemporary Sociological Theories]. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2020. – 912 p.
- Tyugashev E.A. *Po zakonu tvorcheskogo ottalkivanija* [According to the law of creative repulsion] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo* [Person. Culture. Society], 2021, No. 4 (112). – pp.148–153.
- Yakovets Ju.V. *Istoricheskie zakony Pitirima Sorokina* [Historical laws of Pitirim Sorokin] // *Nasledie* [Heiritage], 2014, No. 1 (4). – pp.126–132.

УДК 316+930

М.В. Ломоносова, А.С. Быков
Санкт-Петербург«Наследие»
№ 1 (20) (2022)

ПРЕДВЕСТНИКИ ГОЛОДА НА СТРАНИЦАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПИТИРИМА СОРОКИНА ПЕРИОДА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.*

Цитирование: Ломоносова М.В., Быков А.С. Предвестники голода на страницах социологической публицистики Питирима Сорокина периода Русской революции 1917 г. // Наследие. 2022, № 1(20). – С.116–127.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.7>

Citation: Lomonosova M.V., Bykov A.S. *Predvestniki goloda na stranichakh sociologicheskoy publicistiky Pitirima Sorokina perioda Russkoj revolyucii 1917 g.* [Harbingers of famine in the pages of sociological publicism by Pitirim Sorokin during the Russian Revolution of 1917] // *Nasledie* [Heritage], 2022. No.1(20). – pp.116–127.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.7>

В статье рассматриваются материалы социологической публицистики Питирима Сорокина, которые проливают свет на события периода Русской революции 1917 г., послужившие катализатором великого бедствия, обрушившегося на народ, – голода 1921–1922 гг. Отмеченные П. Сорокиным предвестники голода сопоставляются с материалами газеты «Воля народа», издаваемой на протяжении 1917–1918 гг. В статье показано, что тема голода была подвергнута сильным идеологическим искажениям, а информация о нем выступала как инструмент политической борьбы. В изучении этой темы Сорокин прошел сложный путь от политика, стремившегося извлечь определенный политический капитал, до ученого, досконально изучившего это бедствие не только в социологическом и политико-экономическом измерениях, но и – что более важно – в аксиологическом и нравственном.

Ключевые слова: голод, социологическая публицистика, Питирим Сорокин, Русская революция, газета «Воля народа».

Lomonosova M.V., Bykov A.S. Harbingers of famine in the pages of sociological publicism by Pitirim Sorokin during the Russian Revolution of 1917

The article examines the materials of sociological publicism by Pitirim Sorokin, which shed light on the events of the period of the Russian Revolution of 1917, which served as a catalyst for the great disaster that befell the people – the famine of 1921–1922. The harbingers of famine noted by Pitirim Sorokin are compared with the materials of the newspaper «Will of the People», published during 1917–1918. The

* В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (грант № 22-28-01076).

article shows that the topic of famine was subjected to strong ideological distortion, and information about it acted as an instrument of political struggle. In the study of this topic, P.A. Sorokin has gone through a difficult path from a politician, seeking to extract a certain political capital, to a scientist who has thoroughly studied this disaster not only in the sociological and political-economic dimension, but more importantly, in the axiological and moral dimension.

Key words: *famine, sociological publicism, Pitirim Sorokin, Russian Revolution, «Volia Naroda» Newspaper.*

Голод 1921–1922 гг. охватил около 40 млн человек, проживавших более чем в 30 губерниях РСФСР. Наиболее бедственным было положение жителей Поволжья, Южной Украины, Крыма, Казахстана, частично Приуралья и Западной Сибири. В некоторых регионах голод начался еще осенью 1920 г. и продлился до лета 1923 г., основной его пик пришелся на 1921–1922 гг. Именно в это время было опубликовано большое количество исследований причин голода и его последствий. Но не все книги о голоде дошли до читателя, т. к. эта тема была сильно политизирована и подвержена идеологическим искажениям.

Ярким доказательством того, что тема голода находилась под цензурными ограничениями, является судьба книги Питирима Александровича Сорокина «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Фундаментальный научный труд, написанный русским классиком западной социологии в самый разгар гуманитарного бедствия, подготовленный к печати в 1922 г. в Петроградском издательстве «Колос»*, увидел свет лишь после смерти ученого. Весь тираж был уничтожен большевиками, но Ф.И. Витязеву-Седенко удалось спасти первые 10 печатных листов набора (280 страниц) и передать на хранение в крупнейшие российские библиотеки, а П. Сорокин смог увезти с собой корректурные оттиски всей книги, которые долгие годы хранились у него дома в личном архиве. В Америке эта книга была издана в 1975 г., в России – только в 2003 г. Сорокин снабдил свое исследование красноречивым посвящением: «Посвящается Американской Администрации Помощи, Миссии д-ра Ф. Нансена, Христианскому Союзу Молодых Людей, Ученым, Студентам, Рабочим Европы и Америки. Всем, Кто спасает Великий Русский Народ от голодной смерти в эти трагические годы его истории» [Сорокин, 2014, с. 15]. Обычно интерес Сорокина к этой теме объясняют тем, что он лично совершил научную экспедицию в Тамбовскую губернию в январе 1921 г., в разгар крестьянского восстания**, возглавляемого Александром Антоновым, а также дважды был адресатом Русской акции помощи: первый раз еще

* Кооперативное издательство «Колос» (1918–1927) – книгоиздательское товарищество, возглавляемое Ф.И. Седенко (псевд. – П. Витязев). Выпускало книги по социологии, истории литературы, библиографические издания, художественную и мемуарную литературу.

** Тамбовское восстание 1920–1921 гг. («Антоновщина», «Антоновский мятеж») – вооруженное повстанческое крестьянское движение, развернувшееся в ответ на осуществление советским руководством с 1918 г. продовольственной диктатуры, продразверстки, массовой мобилизации в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Получило свое название по имени одного из руководителей восстания – эсера А.С. Антонова (1889–1922). Началось стихийно в августе 1920 г. с разоружения продотряда крестьянами с. Каменка Тамбовского уезда Тамбовской губернии, отказавшимися сдавать хлеб по нормам продразверстки без учета недорода хлебов в губернии. Распространилось на другие деревни и села, а численность восставших достигла 4 тыс. вооруженных повстанцев и около 10 тыс. людей с вилами и косами.

в России, когда получал помощь в Петрограде, второй раз – оказавшись в Праге. Безусловно, эти факторы были ключевыми, и именно они определили направление исследований П.А. Сорокина. Но, кроме этого, от внимания исследователей совершенно ускользает тот факт, что уже в 1917 г. на страницах своих публицистических статей Сорокин точно установил все симптомы надвигающейся гуманитарной катастрофы и бедствия – голода.

Социологическая публицистика П.А. Сорокина представляет обширную, но до сих пор недостаточно осмысленную часть наследия выдающегося русско-американского социолога. Именно на страницах его публицистических очерков, заметок и статей собраны малоизвестные, но чрезвычайно важные данные о наступавшем в России голоде. Подавляющая часть статей, в которых П.А. Сорокин обращает внимание на голод, была опубликована в газете «Воля народа», издававшейся в 1917–1918 гг. В этих статьях Сорокин предсказал многие трагические события, которым предшествовали приход к власти большевиков и их бездействие по отношению к проблеме голода в то время, когда еще можно было предотвратить если не сам голод, то его масштаб и ужасающие последствия.

Историк Ю.В. Дойков отмечает, что в истории журналистики П.А. Сорокин, вероятно, поставил рекорд, опубликовав в 203 номерах газеты «Воля народа» с апреля по декабрь 1917 г. 131 статью. 29 апреля вышел первый номер литературно-политической газеты «Воля народа», издаваемой под редакцией членов партии социалистов-революционеров. Всего вышло 206 номеров. С 26 по 30 ноября газета не издавалась. Вместо нее выходили газеты «Воля вольная» (26 ноября), «Народная» (28 ноября), «Воля свободная», «Воля» (25 ноября). Интересным представляется то, что П.А. Сорокин публиковался в газете под различными псевдонимами: «80 статей П.А. Сорокин опубликовал под своей фамилией. 28 – под псевдонимом “Н. Чаадаев”, 19 – под псевдонимом “В. Вьюгов”, 2 статьи были подписаны “П.С.”, по одной – “P.S.” и “В.В.”. Одну статью П.А. Сорокин подписал псевдонимом “П. Баратынский”» [Сорокин, 1993, с.4]. Кроме того, поскольку он являлся редактором этих газет, значительное число редакционных статей принадлежит его перу. После того, как Ю.В. Дойков обратил внимание исследователей на богатое публицистическое наследие Питирима Сорокина, в 2000 г. в СПбГУ под редакцией профессора А.О. Боронова вышел в свет сборник «Заметки социолога. Социологическая публицистика», включавший в себя публицистические статьи П.А. Сорокина периода Февральской и Октябрьской революций [Сорокин, 2000]. В 2016 г. была опубликована книга «Питирим Сорокин: неизвестные газетные статьи 1917 г.» [Сорокин, 2016]. Сборник был подготовлен магистрантом СГУ им. Питирима Сорокина В.С. Русановой под руководством профессора В.П. Золотарева. В 2019 г. в ходе историко-архивного исследования М.В. Ломоносовой был выявлен еще один псевдоним Питирима Сорокина – Коми-морт, под которым он опубликовал на страницах оппозиционной газеты «Воля страны» серию статей [Ломоносова, 2019]. Таким образом, к настоящему времени выявлены, собраны и опубликованы практически все публицистические статьи П.А. Сорокина, которые послужат эмпирической базой для историко-социологических исследований по самым разным, в том числе актуальным, проблемам, с которыми столкнулось российское общество в период Русской революции 1917 г.

Наиболее известными статьями П.А. Сорокина в газете «Воля народа» стали публикации, объединённые в серию «Заметки социолога», которые он подписывал своим настоящим именем. Нужно отметить, что самой насыщенной публицистической полемикой был отмечен 1917 г. Никогда Россия не знала такого количества публицистической литературы, отражавшей смысл и накал политической борьбы. Именно публицистика содержала развернутую аргументацию в пользу тех или иных программных требований одних партий и служила средством критического рассмотрения программ и действий других [Ломоносова, 2015, с.108]. Поэтому в своих статьях этого периода Сорокин пытался привлечь внимание общества на опасности и беды, с которыми оно может столкнуться в ближайшее время. Как социолог, он диагностировал самые первые симптомы надвигающейся катастрофы и печатным словом пытался предостеречь политиков от необдуманных решений, а читателей газеты – заставить задуматься о том, что делать дальше и на какую политическую партию стоит сделать ставку, чтобы избежать голода, признаки которого Сорокин увидел еще в 1917 г.

О первых предвестниках голода он пишет в заметке «Большая Россия», опубликованной 23 августа 1917 г. в газете «Воля народа». П.А. Сорокин, переживавший за судьбу своей большой и малой родины и не согласный с политикой, проводимой большевиками, начинает свою статью с тезиса: «Россия – больной человек, и большой опасной болезнью. Почти весь организм государства расстроен. Куда ни ткни – всюду разложение, чего ни коснись – всюду неблагополучно. Страна, как дряблый, изношенный организм, распадается, разлезается на части, и чем дальше, тем сильнее» [Сорокин, 2000, с.118]. Далее П.А. Сорокин обращает внимание читателей на один из предвестников голода – произошедшую революцию: «Но вот пришла революция. Самый факт ее возникновения явился симптомом надежды, решительной здоровой реакции организма против убивающих ее недугов. Однако эти надежды мало-помалу стали увядать. Вскоре наметились такие процессы, которые можно было принять не только за реакцию выздоровления, но и за лихорадочную, предсмертную вспышку организма, окончательно уносящую последние силы» [Сорокин, 2000, с.118]. По мнению П.А. Сорокина, революционные преобразования 1917 г. в России привнесли «штиль безразличия» в ее общественно-политическую жизнь – «вместо тревоги лишенное единения общество спокойно ожидало своей гибели» [Сорокин, 2000, с.119]. Данное состояние общества явно свидетельствует о возможном приближении другого социального бедствия, будь то война, эпидемия или голод, которые, согласно последующим работам П.А. Сорокина, взаимообусловлены и идут бок о бок. Затем П.А. Сорокин подвергает критике как необдуманные действия, так и бездействие представителей самых разных классов и политических движений: предпринимателей и промышленников, идеологов либеральной и нелиберальной буржуазии, рабочих, интеллигенцию, военных, лидеров социалистического движения. Меньше других в надвигающейся катастрофе виновато, с его точки зрения, крестьянство: «Но и за ним есть грехи: апатия, нежелание помочь стране хлебом и т.д.» [Сорокин, 2000, с.120]. В своей статье П.А. Сорокин указывает на три проблемы, которые могут вызвать голод: финансовый кризис, продовольственный дефицит и транспортный коллапс: «А положение отчаянное. До конца года нужно 15 миллиардов. Откуда их взять? Хлеба хватит только до половины зимы. Чем бу-

дет питаться голодное население? Транспорт с каждым днем становится все хуже и хуже» [Сорокин, 2000, с.121]. Данная оценка П.А. Сорокина имеет большой эвристический потенциал, поскольку, несмотря на то, что основная волна голода прошла по российским губерниям в 1921–1922 гг., уже в 1918 г. очаги голода возникли в Петрограде и в Воронежской губернии [Алексамян, 2014]. Более того, П.А. Сорокин, анализируя положение в разных сферах экономики и государственного управления, обращает внимание на то, что транспорт, армия, энергетика, фабрики и заводы не будут функционировать друг без друга, а одно социальное бедствие обязательно выступит катализатором другого: «Где же просвет? Что будет, когда начнется явочная или законная демобилизация армии? Что ждет нас, когда из-за куска хлеба будут кидаться друг на друга, разразится эпидемия голодных бунтов, погромов, насилий? Что будет, когда враг подступит к столице?» [Сорокин, 2000, с.121]. В том же выпуске газеты в рубрике «Текущие события» можно найти новостные подтверждения предвестников голода, о которых пишет П.А. Сорокин. В новостном разделе под заголовком «Продовольственный кризис» сообщается о мерах по противодействию проблемам с пропитанием в Москве и Петрограде, принятых министром продовольствия, председателем главного экономического комитета и другими уполномоченными лицами. Одними из первых действий по преодолению продовольственного кризиса стали командировки в деревни и села специальных комиссаров министерства продовольствия, задачей которых было побуждение крестьян к вывозу хлеба. Следующий шаг – привлечение экономическим комитетом торгового аппарата к делу снабжения населения продовольствием, для чего создавались торгово-промышленные палаты. Кроме того, на заседании Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов «было констатировано, что главной причиной кризиса является недовоз хлеба крестьянами, которым надобно приносить жертвы родине», на что один из членов комитета указал: «... призвать к жертвам необходимо не только крестьян, но и помещиков, купцов, спекулянтов и рабочих» [Воля народа, 1917, № 99]. В статье «Расхищение урожая» приводятся данные от главнокомандующего Западного фронта о беспорядочном расхищении урожая хлеба и сена с частновладельческих земель и говорится о необходимости осуществления мероприятий, которые бы сохранили хозяйство страны.

Спустя всего две недели, в начале сентября 1917 г. в статье «Об обывателе и обывательщине» из серии «Заметки социолога» на страницах газеты «Воля народа» П.А. Сорокин уделяет внимание феномену «обывательщины» и «классу или группе обывателей», под ними он подразумевает людей всех социальных групп, которые были безучастны к происходившему в России до тех пор, пока события и последствия революции не ударили лично по ним и они не сделались «желчными, беспощадно-критическими и буйными». П.А. Сорокин в саркастичной манере говорит то, что сказал бы типичный «обыватель»: «Лучше уж старое, что ли. При царе-то жили, всего было вдоволь. А теперь, вишь, свобода пришла. Хлеба нет, мяса нет, ничего нет. Вот тебе и свобода» [Сорокин, 2000, с.128]. В этой только на первый взгляд усмешке П.А. Сорокин поднимает проблему голода, которая была далеко не первоочередной в общественной повестке, но с каждым днем разрасталась. Продолжая характеризовать «обывателя», П.А. Сорокин отмечает масштаб проблемы голода и начавшуюся деморализацию населения: «Обывателю нет дела до того, кто виноват

в бедствиях и можно ли винить кого-нибудь в них. Он распнет кого угодно и пойдет за кем угодно, будь то Керенский или Корнилов, Бог или черт, лишь бы этот черт дал ему кусок хлеба и не беспокоил его призывами к подвигу, к жертвам, к великим, но трудным достижениям» [Сорокин, 2000, с.128]. По мнению П.А. Сорокина, решение проблемы голода было невозможно в социально-политических условиях того времени: «Вижу ли я буйную толпу, несущую знамена с надписями: “немедленный мир и хлеб” и бессмысленно разрушающую то, чему еще вчера она поклонялась, я говорю: “Это идут обыватели, готовые разрушить все из-за полфунта хлеба; это идут илоты, боящиеся за свои животы; Это идут обыватели, не способные на лишения из-за величайших ценностей”» [Сорокин, 2000, с.129]. Морально-нравственное разложение общества было настолько велико, что П.А. Сорокин предполагал: если революция не даст обывателю хлеба и не насытит его утробу, он проклянет и революцию, и республику, а самое главное – предаст ценности и завоевания новой власти. И так, корень проблемы не столько в революции и большевизме, сколько в эгоистичных, равнодушных людях, которые ради удовлетворения своих потребностей готовы следовать любым лозунгам и принимать на веру любую идеологию. Следует упомянуть о напечатанной в этом же номере газеты новости о продовольственном кризисе, который достигает таких масштабов, что авторы говорят о нем как о полноценном голоде: «По мнению совещания, для спасения страны от голода следует принять крайне энергичные спешные меры до закрытия навигации» [Воля народа, 1917, № 111]. «Обывательщина», о которой говорил П.А. Сорокин, прогрессировала и привела к тому, что расстройство продовольственного дела приняло грандиозные размеры и уже нельзя было приобрести хлеб за деньги, а достать его можно было лишь путем обмена на необходимые в деревне товары.

Еще одним публицистическим очерком П.А. Сорокина, где он обращается к теме голода, является «Гибель нации» (опубликован 17 сентября 1917 г. в газете «Воля народа»). Однако, в отличие от очерков «Больная Россия» и «Об обывателе и обывательщине», «Гибель нации» не входит в серию «Заметки социолога». П.А. Сорокин начинает статью размышлениями об угрозе распада России и образования новых государств. Проблема целостности страны играет особую роль, т. к. революционный погром в городах и целых губерниях, а также возможный выход из состава России отдельных территориальных объединений сказались на ее продовольственном обеспечении: «В Серпухове погром. В Бахмуте – погром. В Тамбове – погром. В Киеве – погром. Вспыхнула иллюминация горящих усадеб и имений, и пожар ширится и растет, и зарево его все ярче, все пышнее начинает трепетать над Россией. В России – голод. В ряде губерний люди умирают от голода. Восстание сменяется бунтом, бунт – восстанием» [Сорокин, 2000, с.136]. Вместе с голодом, как утверждает П.А. Сорокин, возникли другие проблемы: «Фабрики закрываются. Города пустеют. От XX в. возвращаемся к варварству. Преступления возросли до небывалой цифры. Не ограждена ни жизнь, ни честь, ни свобода, ни имущество граждан. Убийства сменяются грабежами, грабежи – изнасилованием, изнасилования снова убийствами. Гражданская война уже идет и с каждым часом растет и растет. Государственная казна пуста. Темнота – бесконечна. Невежество – безгранично. Нет ни порядка, ни власти. Каждый чувствует себя сувереном» [Сорокин, 2000, с.136]. Кроме того,

П.А. Сорокин обращает внимание на возможные последствия голода, революции и гражданской войны, конструируя целую череду социальных потрясений: «Если так будет продолжаться и впредь, если же демократия не сумеет сделаться подлинной демократией, то в следующих актах мы увидим потрясающие картины анархии, варварства и войны всех против всех; увидим и владычество иноземцев над родиной и гибель свободы» [Сорокин, 2000, с.137].

Проходит ещё две недели, и 29 сентября в газете «Воля народа» выходит очередная статья П.А. Сорокина «Грядущее молодого поколения» из серии «Заметки социолога», затрагивающая тему голода. Она начинается с рассуждений о способности общества нормально функционировать при отсутствии уверенности «в завтрашнем дне». По утверждению П.А. Сорокина, в России эта уверенность отсутствует – жизнь большинства людей стала жизнью «из момента в момент», а сознание большинства как-то свыклось с мыслью о всяких ужасах и катастрофах [Сорокин, 2000, с.146]. Далее П.А. Сорокин рассуждает о факторах, влияющих на будущее молодого поколения, и приходит к неутешительным выводам. Начиная с факта питания, П.А. Сорокин утверждает, что его кризис отразился прежде всего на детях: «Сколько бледных детских лиц видим мы теперь на каждом шагу. Нет молока. Нет крупы. Нет хорошего хлеба. Нет сахара. Нет мяса» [Сорокин, 2000, с.147]. П.А. Сорокин выделяет следующие последствия детского голода: «Если взрослый организм и тот чувствует на себе этот недостаток питания, то что же сказать о нежном, хрупком организме ребенка. Следствием таких условий является рост детской смертности, истощение организма, малокровие, плохая нервная система, короча – непоправимый физический ущерб, предопределяющий собой нездоровье организма на всю жизнь» [Сорокин, 2000, с.147]. Подводя итоги, П.А. Сорокин говорит о своей тревоге за будущее молодого поколения: «Что могут они дать, если выступят на сцену слабым телом, истощенными, анемичными, с дряблой волей, разочарованные с юных лет, апатичные ко всему, не верящие и не ждущие чудес от революции?» [Сорокин, 2000, с.148]. Слова П.А. Сорокина подтверждаются данными новостной ленты и такими статьями, как «Продовольственный паек учащимся», в которой говорится об удовлетворении ходатайства, возбужденного культурно-просветительской комиссией Казанского района*, о предоставлении школьникам добавочного хлебного пайка. Отныне ученикам средних учебных заведений начали выдавать ежедневно на $\frac{1}{4}$ фунта больше хлеба и по 2 куску сахара; ученикам городских школ, кроме того, полагалось ежедневно немного больше золотника масла и через день по $\frac{1}{5}$ фунта крупы. Еще одним шагом по предупреждению голода среди учащихся стала организация завтраков и обращение комиссии в Думу с ходатайством повысить средства, отпускаемые на пропитание учеников городских школ, т. к. далеко не все родители могут оплачивать эти завтраки [Воля народа, 1917, № 121].

* Территория Петрограда в 1917 г. делилась на следующие полицейские части: Адмиралтейская, Александро-Невская, Васильевская (Василеостровская), Выборгская, Казанская, Коломенская, Литейная, Московская, Нарвская, Петербургская (Петроградская), Рождественная и Спасская. После Февральской революции и ликвидации полиции вместо частей и участков образовались административные районы: Адмиралтейский, Александро-Невский, Васильевский (Василеостровский), Выборгский, Казанский, Коломенский, Лесной (Лесновско-Удельнинский), Литейный, Московский, Нарвский, Невский, Новодеревенский, Охтенский (Охтинский), Петроградский, Петергофский, Полостровский, Пороховской, Рождественский, Спасский.

3 ноября 1917 г. в газете «Воля народа» П.А. Сорокин опубликовал под псевдонимом В. Вьюгов статью «Что дала России победа большевиков». Эту статью он начинает с перечисления следующих итогов прихода к власти большевиков:

- 1) десятки тысяч жертв, которые понесла Россия в гражданской войне;
- 2) сотни самосудов, истязаний и изнасилований;
- 3) разрушенные города, сровнянные с землей здания, уничтоженные исторические памятники;
- 4) сотни испорченных орудий, пулеметов, ружей, сотни тысяч пуль, снарядов и прочей амуниции, сотни приведенных в негодность автомобилей, перепорченные паровозы и вагоны, разрушенные полотна железной дороги;
- 5) полное расстройство всей жизни страны, проявляющееся в бездействии и окончательном расстройстве экономическо-финансового аппарата государства, отсутствии правительственного механизма, а также бездействии государственной машины и отсутствии надежды ее наладить;
- 6) разъединение тыла и армии, прекращение подвоза снарядов и продовольствия для армии, распад самого государства на ряд отдельных областей со своей властью во главе;
- 7) озверение русских граждан, полное нравственное отупение и огрубение нравов;
- 8) бездна человеческого горя и страдания [Сорокин, 2000, с.195].

В итоге Россию, по мнению П.А. Сорокина, «кто угодно мог бы взять голыми руками», а насущные проблемы с продовольственным обеспечением, промышленностью и транспортом решены так и не были: «Большевики обещали народу хлеб. Хлеба они не дали, но мякина и отруби уже появились в хлебе. Хлеба они не дали, но хлебный паек превратился из $\frac{3}{4}$ фунта в $\frac{1}{2}$ фунта. Хлеба они не дали, но через два-три дня в Петрограде начнется голод. Хлеба они не дали, но подвоз его уже прекратился. Поволжье хлеба не дает, Дон – тоже. Дон не даст ни хлеба, ни угля. Железные дороги встанут. Фабрики и заводы останутся...» [Сорокин, 2000, с.197]. П.А. Сорокин, используя язык пропаганды, листовок и лозунгов, язвительно обращается к слоям общества, поддержавшим новую власть, и подчеркивает, что фактически никто из тех, кто радовался революции и приходу к власти большевиков, не получил желаемого: «Радуйтесь, рабочие и солдаты! Большевики дали вам вместо хлеба – голод. Радуйтесь, крестьяне! Большевики на бумаге дали вам землю. Радуйтесь, рабочие! Большевики дали вам все страхования и 8-часовой рабочий день. Но кто будет платить вам страховые премии? Где деньги, которыми можно было бы произвести эту уплату?» [Сорокин, 2000, с.197].

В декабрьском номере газеты «Воля народа» за 1917 г. в статье «Рождественские подарки большевиков», вышедшей спустя месяц после статьи «Что дала России победа большевиков», П.А. Сорокин снова указывает на последствия революционной смены власти для России и российского общества. Он утверждает, что плоды работы большевиков начали сказываться, несмотря на то, что не прошло еще и двух месяцев их властвования, и это проявилось бы гораздо раньше, если бы до переворота не было накоплено и налажено продовольственное дело и не были бы кое-как урегулированы финансы [Сорокин, 2000, с.262]. В этой статье он все еще возлагает надеж-

ды на Учредительное собрание, которое согласно принятому Совнаркомом* 20 декабря 1917 г. решению должно было начать свою работу 5 января 1918 г. Продолжая свои рассуждения об оставшихся в стране ресурсах, П.А. Сорокин отмечает: «Старые запасы помешали продовольственному кризису разразиться сразу же после переворота. Теперь эти запасы иссякли и голод пришел. Он наступает и через несколько дней из призрака превратится в страшнейшую действительность. Разогнав министерство продовольствия, разрушив налаженный аппарат, большевики сами ничего не сумели создать и в итоге вместо заманчивого обещанного лозунга: хлеб – подарили Россию и Петроград голодом. Истощение, голодные бунты, голодная смерть, голодные мучения – вот первый результат их властвования. Так они исполнили первое свое обещание – обещание хлеба» [Сорокин, 2000, с.262]. Как и в рассмотренных выше статьях, П.А. Сорокин обращает особое внимание на распад промышленности, прекращение работы железнодорожного транспорта, угрозы, связанные с повреждениями водопровода и электрических сетей, лишение города и деревни предметов первой необходимости, изготавливаемых на фабриках, обнищание населения, аресты и убийства граждан, уничтожение просвещения и рост числа преступлений. Большинство этих факторов взаимообусловлены и связаны с началом голода и безработицей, прямо или косвенно провоцируя их, приводя от одного социального бедствия к другому. Новостная лента газеты «Воля народа» подтверждает актуальность выводов П.А. Сорокина. Еще 27 сентября 1917 г. в газете была опубликована хроника событий, связанных с усугублением продовольственного кризиса и силовыми мерами Правительства по сдерживанию беспорядков: «Аграрные беспорядки в Сердобском уезде** охватили большой район. Похищают скот, делят землю, леса и забирают хлеб. Уездные власти требуют помощи войск» [Воля народа, 1917, № 131]. Спустя два дня, 29 сентября, на страницах «Воли народа» была представлена информация по угрозе прекращения подвоза продовольствия из-за положения дел на Николаевской железной дороге: «В связи с переносом оперативных действий военно-революционным комитетом на Николаевскую железную дорогу, выразившемся в занятии вокзала, аресте телеграфа и занятии товарной станции Петроград, а также аресте Исполнительного Комитета служащих, мастеровых и рабочих Николаевской железной дороги и требования отправки поездов с войсками» [Воля народа, 1917, № 162].

В публицистике периода Русской революции 1917 г. П.А. Сорокин проявил себя не как политик, который использует газету как инструмент политической борьбы и пропаганды, а как ученый-социолог, который тонко уловил симптомы надвигающихся бедствий, в том числе – голода. Поэтому закономерно, что в конце 1917 г. П.А. Сорокин, как активный член партии эсеров и депутат Учредительного собрания, вступил в открытый конфликт с большевиками. Он был арестован 2 января 1918 г. и освобожден 23 февраля 1918 г., а затем переехал в Москву для работы в «Союзе возрождения России» и «Союзе защиты родины и свободы» и готовил

* Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) – высший исполнительный и распорядительный орган власти в РСФСР в 1917–1946 гг. (правительство РСФСР) и в СССР в 1923–1946 гг. (правительство СССР). До 1936 г. оба органа издавали также декреты, имевшие силу закона.

** Сердобский уезд – уезд, территориально-административная единица, образованная в 1780 г., включавшая город Сердобск и подчиненные ему 36 волостей. 24 сентября 1917 г. погромы из Тамбовской губернии перебрались в Сердобский уезд. Были разгромлены два крупных имения – Калачова и Азаревича. Толпа уничтожала ценные сельскохозяйственные машины и инвентарь.

в Великом Устюге, Вологде и Архангельске восстание по свержению коммунистической власти. Лето 1918 г. П.А. Сорокин провел в Яренском уезде, занимаясь среди местного населения агитацией против большевиков, а осень 1918 г. стала завершающим этапом в его политической деятельности. Захват большевиками Вологодской губернии вынудил его перейти на нелегальное положение, которое через некоторое время завершилось арестом. Находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, он написал открытое письмо, в котором сообщал об отказе от членства в партии эсеров и решении отойти от политической деятельности. На появление этого письма повлиял и тот факт, что в революционной катастрофе погибли его старший брат, любимые учителя и ученики, друзья и коллеги. В конце 1918 г. он вернулся в Петроград и снова приступил к работе в качестве преподавателя юридического факультета университета.

Но голод нарастал, и Сорокин не мог этого не замечать. «Жизнь в царстве смерти: 1919–1922» – так назвал он одну из глав автобиографического романа «Долгий путь», описав в ней новую жизнь в Петрограде. «По некоторым данным, население Петрограда сократилось с 2 млн до 700 тыс. чел. Свирепствовали тиф, грипп, воспаление легких, холера. Один за другим умерли или погибли профессора Хвостов, Розенблат, Капустин, Покровский, Батюшков, Кулишер, Карпинский, Арсеньев, Лаппо-Данилевский и др. Заседания в университете проходили, как поминки по коллегам» [Василенко, 2016, с.36]. От голода в расцвете творческих сил умерли академики Российской академии наук – М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов. Тем не менее П.А. Сорокин отмечал усилия власти по снабжению питанием отдельных групп населения, в том числе интеллигенции. На страницах автобиографического романа он рассказал, как в университетской столовой были организованы обеды, как люди стояли в очередях, чтобы получить хлеб по карточкам: «Эти проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно, но практически ничего не давали <...> Постепенно все худели и становились более и более истощенными, у многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред, затем наступала смерть» [Сорокин, 1991, с.143]. Эти описания ужасающих картин голода в Петрограде П.А. Сорокин смог опубликовать только спустя годы в Америке. Но в 1922 г. ему все-таки удалось в журнале «Экономист» напечатать две статьи: «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» [Сорокин, 1922, № 2], «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» [Сорокин, 1922, № 1]. Повышенный интерес ученого к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и особенно подготовка им к изданию результатов фундаментального исследования в виде объемной монографии «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» послужили причиной конфликта П.А. Сорокина с советской властью и последующей высылки из страны. Власть не могла смириться с тем, что в последней главе этой книги П.А. Сорокин точно определил вектор ее развития – этатизм, пронизывавший все сферы жизни общества: от экономики и политики до частной жизни граждан России. Уравнительный деспотизм, нулевой объем автономии и полная потеря свободы отдельной личности в государстве, неограниченная власть все возрастающей армии чиновников, государственный контроль за всеми сферами экономической жизни – вот итог революции, гражданской войны

и голода с точки зрения П.А. Сорокина. То есть Питирим Сорокин доказал, что голод – это не просто «наследие» неэффективной экономики и слабой социальной политики «царизма», а бедствие, которое постепенно набирает силу и обрушивается на общество только при условии, если власть не предпринимает эффективные меры по противодействию ему.

На страницах своих публицистических статей периода Русской революции 1917 г. Сорокин пытался обратить внимание власти и общества на надвигающийся голод, увидев и описав его предвестники. Но он не был услышан. Именно в это время голод стал предметом его историко-социологического анализа*, когда он изучал источники об этом бедствии в прошлом самых разных стран, а спустя всего несколько лет голод стал ужасающей реальностью. В стремлении разорвать цепь трагических бедствий, обрушившихся на Россию, П.А. Сорокин приложил огромные усилия, чтобы написать и издать книгу «Голод как фактор». Он надеялся, что на этот раз он будет услышан, а осознание социологической закономерности, согласно которой голод, эпидемия, война и революция – звенья одной цепи, заковывающей общество на долгие десятилетия в саркофаг смерти и страданий, приведет к переоценке ценностей и принятию в качестве высших ценностей жизни и счастья человека.

Литература

- Алексанян Н.А.* Деятельность продовольственных органов власти Воронежской губернии в годы Гражданской войны // *Власть*. 2014, № 10. – С.180–184.
- Василенко В.В.* «...Я видел голод и знаю теперь, что это значит»: П.А. Сорокин о голоде 1921 г. // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016, № 3. – С.34–43.
- Воля народа. 1917, №99 (23 Августа). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507362
Дата обращения: 10.05.2022]
- Воля народа. 1917, № 111 (6 Сентября). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507374 Дата обращения: 10.05.2022]
- Воля народа. 1917, № 121 (17 Сентября). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507384 Дата обращения: 10.05.2022]
- Воля народа. 1917, № 131 (29 Сентября). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507394 Дата обращения: 10.05.2022]
- Воля народа. 1917, № 162 (3 Ноября). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507425
Дата обращения: 10.05.2022]
- Ломоносова М.В.* Социологическая публицистика в России: страницы истории и современность // *Наследие*. 2015, № 1(6). – С.104–119.
- Ломоносова М.В.* Коми-морт: неизвестные статьи Питирима Сорокина на страницах оппозиционной газеты «Воля страны» // *Наследие*. 2019, № 1(14). – С.42–51.
- Питирим Сорокин.* «Своевременные мысли»: Библиогр. указатель статей, опубликованных в газете «Воля народа» 29 апр. – 28 дек. 1917 года [Сост. и вступ. ст. Ю.В. Дойкова]. Архангельск, 1993. – 14 с.
- Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист*. 1922, № 1. – С.77–107.
- Сорокин П.А.* Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // *Экономист*. 1922, № 2. – С.23–53.
- Сорокин П.А.* Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. – 496 с.
- Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми, МП «Шыпас», 1991. – 304 с.

* Большая часть книги «Голод как фактор» была написана в Петрограде в 1919–1921 гг., а закончена в 1922 г.

Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. – 300 с.
Сорокин П.А. Питирим Сорокин: неизвестные газетные статьи 1917 года. М.: Перо, 2016. – 156 с.

References

- Aleksanyan N.A. *Deyatel'nost' prodoval'stvennyh organov vlasti Voronezhskoj gubernii v gody Grazhdanskoj vojny* [Activities of the food authorities of the Voronezh province during the Civil War] // *Vlast'* [Power]. 2014. No. 10. Pp. 180–184.
- Vasilenko V.V. «... *Ya videl golod i znayu teper', chto eto znachit*»: P.A. Sorokin o golode 1921 g. [“I saw famine and now I know what it means”: P.A. Sorokin on the famine of 1921] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal research]. 2016. No. 3. Pp. 34–43.
- Volya naroda* [The will of the people]. 1917, No. 99 (23 August). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507362 Access date: 10.05.2022]
- Volya naroda* [The will of the people]. 1917, No. 111 (6 September). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507374 Access date: 10.05.2022]
- Volya naroda* [The will of the people]. 1917, No. 121 (17 September). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507384 Access date: 10.05.2022]
- Volya naroda* [The will of the people]. 1917, No. 131 (29 September). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507394 Access date: 10.05.2022]
- Volya naroda* [The will of the people]. 1917, No. 162 (3 November). [URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS011507425 Access date: 10.05.2022]
- Lomonosova M.V. *Sociologicheskaja publicistika v Rossii: stranicy istorii i sovremennost'* [Sociological journalism in Russia: pages of history and present] // *Nasledie* [Heritage]. 2015, No. 1 (6). Pp. 104–119.
- Lomonosova M.V. *Komi-mort: neizvestnye stat'i Pitirima Sorokina na stranicah oppozicionnoj gazety «Volya strany»* [Komi-mort: unknown articles by Pitirim Sorokin on the pages of the opposition newspaper “Will of the Country”] // *Nasledie* [Heritage]. 2019, No. 1(14). – Pp. 42–51.
- Pitirim Sorokin. «*Svoevremennye mysli*»: *Bibliogr. ukazatel' statej, opublikovannyh v gazete «Volya naroda» 29 apr. – 28 dek. 1917 goda* [“Timely Thoughts”: Bibliographic index of articles published in the newspaper “Will of the People” 29 Apr. – 28 Dec. 1917]. [Sost. i vstup. st. YU.V. Dojkova]. – Arkhangelsk, 1993. – 14 p.
- Sorokin P. A. *Vliyanie vojny na sostav naseleniya, ego svojstva i obshchestvennyuyu organizaciyu* [Influence of war on the composition of the population, its properties and social organization] // *Ekonomist* [Economist]. 1922. No. 1. Pp. 77–107.
- Sorokin P. A. *Vliyanie goloda na social'no-ekonomicheskuyu organizaciyu obshchestva* [The impact of hunger on the socio-economic organization of society] // *Ekonomist* [Economist]. 1922. No. 2. Pp. 23–53.
- Sorokin P.A. *Golod kak faktor: Vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nyuyu organizaciyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on Human Behavior, Social Organization, and Social Life]. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2014. – 496 p.
- Sorokin P. A. *Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman* [A Long Way. Autobiographical novel]. Syktyvkar: SZH Komi, MP «Shypas», 1991. – 304 p.
- Sorokin P.A. *Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika* [Sociologist's Notes. Sociological publicism]. SPb.: Aletejya, 2000. – 300 p.
- Sorokin P.A. *Pitirim Sorokin: neizvestnye gazetnye stat'i 1917 goda* [Pitirim Sorokin: unknown newspaper articles of 1917]. M.: Pero, 2016. – 156 p.

ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 929

М.Б. Буланова
Москва

АЛЬФОНС ЛЕОНОВИЧ И ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ШАНЯВСКИЕ: СОЮЗ ВО ИМЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Цитирование: Буланова М.Б. Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна Шанявские: союз во имя народного образования // Наследие. 2022. № 1. – С.128–139.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.8>

Citation: Bulanova M.B. Al'fons Leonovich i Lidiya Alekseevna Shanyavskie: soyuz vo imya narodnogo obrazovaniya [Alfons Leonovich and Lydia Alekseevna Shanyavskie: union for the implementation of public education] // *Nasledie* [Heritage]. 2022. No.1. – pp.128–139.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.8>

В предлагаемой статье автор поднимает тему благотворительности и меценатства в дореволюционной России. С именами Альфонса Леоновича и Лидии Алексеевны Шанявских связана одна из ярких страниц в истории русского народного образования. Движимые идеей просвещения русского народа, эти видные представители российской интеллигенции отдали силы и все свое состояние образовательным проектам, среди которых самые грандиозные были связаны с открытием двух учебных заведений – Женского медицинского

---

* Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «Гендерные исследования как междисциплинарная академическая основа для эффективной научной коммуникации в современных социальных и гуманитарных науках» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

института в Санкт-Петербурге и Московского городского народного университета. На основе архивных материалов автор воссоздает историю поисatine героической борьбы за вольное, свободное от всех ограничений высшее образование широких народных масс.

Ключевые слова: А.Л. Шанявский, Л.А. Шанявская, меценатство, российское народное образование.

Bulanova M.B. Alfons Leonovich and Lydia Alekseevna Shanyavskie: union for the implementation of public education

The author raises the topic of charity and philanthropy in pre-revolutionary Russia. The names of Alfons Leonovich and Lydia Alekseevna Shanyavskie are connected with one of the brightest pages in the history of Russian public education. Driven by the idea of education of the Russian people, these prominent representatives of the Russian intelligentsia gave their energy and all their material funds to educational projects, among which the most grandiose were related to the opening of two educational institutions - the Women's Medical Institute in St. Petersburg and the Moscow City People's University. The author, based on archival materials, reconstructs the history of a truly heroic struggle for, a free from all restrictions, higher education of the broad masses of the people.

Key words: A.L. Shanyavsky, L.A. Shanyavskaya, philanthropy, Russian public education.

Альфонс Леонович Шанявский

вспоминал сам А.Л. Шанявский, с детства изучив русский язык, он навсегда любил и русскую культуру. Интересуясь не только военным делом, но и обустройством общественной жизни в России, он дополнительно слушал лекции профессоров Петербургского университета, пропитываясь идеями демократии и прогресса [Кизеветтер, 1996]. Оставшись в 1861 г. при Академии, вскоре (по причине болезни легких) был вынужден уехать из Санкт-Петербурга, согласившись на предложение графа Муравьева-Амурского* послужить в Восточной Сибири. Деятельность

Введение

Альфонс Леонович Шанявский (9 (21) февраля 1837 – 7(20) ноября 1905) родился в дворянской семье, проживавшей в с. Шанявы Седлецкого воеводства Царства Польского. Он рано осиротел и, достигнув возраста 7 лет, по распоряжению Николая I в числе других польских мальчиков уехал в Россию «для дальнейшего обучения и обустройства в жизни». Судьба А.Л. Шанявского оказалась связана с военной службой. Он обучался в кадетских корпусах Орла, Тулы, Петербурга, затем – в Академии Генерального штаба. На всех ступенях юноша проявлял блестящие способности, поражая окружающих сочетанием ума, доброго нрава и строгой дисциплины. Как

* Муравьев-Амурский Николай Николаевич (11 [23] августа 1809, Санкт-Петербург – 18 [30] ноября 1881, Париж) – русский государственный деятель, с 1847 по 1861 г. был генерал-губернатором Восточной Сибири, Амурского края.

Шаняевская (Родственная) Лидия Алексеевна

рождения, скорее всего, Сибирь, т.к. ее отец (Алексей Федорович Родственный) возглавлял Нерчинские сереброплавильные заводы, а мать (Аполлинария Ивановна Родственная) владела там же золотыми приисками. Девушка получила хорошее домашнее образование, была самостоятельна и трудолюбива, что было немаловажно для ее дальнейшей деятельности. Современники отмечали, что «Лидия Алексеевна Родственная (Шаняевская), выросшая “в далекой сибирской глуши”, была также высокообразованным прогрессивным человеком, ни в чем не уступающим своему супругу» [Шноль, 2010, с.68–69].

В 1872 г. в Иркутске А.Л. Шаняевский и Л.А. Родственная заключили брак. По свидетельству современников, «эти замечательные люди были не просто близкими друзьями. Они служили одному делу, одной идее» [Шноль, 2010, с.71]. Выйдя в 38 лет в отставку в звании генерал-майора, Шаняевский нашел новое приложение своих сил и способностей. По примеру жены (к тому времени владевшей несколькими золотыми приисками) он, применив новейшие технологии, организовал добычу золота на р. Зее (притоке Амура) и стал директором-распорядителем Зейской, Верхнезейской и др. компаний [Афанасьев, 2006]. Прииски приносили немалую прибыль, супруги могли прожить жизнь в роскоши, но предпочли вложить большую часть средств в развитие народного образования.

К истории создания Женского медицинского института в Санкт-Петербурге

Еще до встречи с А.Л. Шаняевским Л.А. Родственная мечтала о реализации права женщин на высшее медицинское образование. Задача была нелегкой: в то время медицина считалась мужской профессией. Но Лидию Алексеевну никогда не останавливали трудности. После долгого хождения по кабинетам чиновников ей удалось лично убедить министра Д.А. Милютина в необходимости подготовки женщин-врачей. 10 июня 1872 г. при Санкт-Петербургской Императорской медико-хирургической

в Амурском крае оказалась для Шаняевского интересной и полезной. Именно там, в Иркутске, он встретил свою «вторую половину», с которой разделил и счастье, и тяготы жизни, – Лидию Алексеевну Родственную.

Биография Лидии Алексеевны Шаняевской (1834–1921) до сих пор ждет своих исследователей. Сама Л.А. Шаняевская автобиографии не оставила, но позаботилась о том, чтобы сохранилась память о деятельности ее мужа – российского мецената и благотворителя. Можно только приблизительно установить дату и место ее рождения. Если учесть тот факт, что (по свидетельству современников) она была на три-четыре года старше мужа, есть основание считать, что это 1834 г. Место

Женский медицинский институт
в Санкт-Петербурге, 1897 г.

Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский универ-
ситет имени академика И.П. Павлова
(историческое здание, наши дни)

академии были открыты курсы «для образования ученых акушерок» с четырехгодичным обучением. Все слушательницы, выдержавшие итоговые испытания, получали специальное разрешение заниматься врачебной практикой. В дальнейшем курсы сменили дислокацию, получив новую базу – Николаевский военный госпиталь, а срок обучения был продлен до 5 лет. Разрешение на работу курсов оговаривалось условием их содержания за счет частных пожертвований и оплаты слушательницами своего обучения. Для оборудования курсов Л.А. Родственная пожертвовала 50 тыс. руб., что в то время было немалой суммой.

После пяти лет успешной деятельности курсы получили право именоваться «Высшие женские врачебные курсы» (1877). Среди первых выпускниц были А.Н. Шабанова*, П.Н. Тарновская**. Необходимо подчеркнуть, что права выпускниц женских курсов не были юридически закреплены: девушки получали лишь временные свидетельства, поэтому не могли открыть собственную врачебную практику. По воспоминаниям одной из выпускниц – Н.П. Драгневич, – ей еще долго пришлось доказывать свою квалификацию коллегам-мужчинам, не сомневающимся в том, что «порядочный фельдшер может лечить лучше, нежели самая ученая женщина-врач» [Драгневич, 1903, с.73].

Необходимо отметить, что нагрудный знак «ЖВ» («Женщина-врач»), учрежденный по инициативе А.Н. Шабановой в 1880 г., сыграл большую роль в преодолении предрассудков тех фельдшеров, которые не считали нужным выполнять распоряжения женщин-ординаторов.

В 1882 г. женские медицинские курсы были закрыты по личному распоряжению военного министра П.С. Ванновского, мотивировавшего это тем, что помещение госпиталя, которое они занимали, необходимо клиникам Военно-медицинской академии. Преподаватели во главе с С.П. Боткиным и слушательницы курсов обратились к Министерству народного просвещения с просьбой взять учебное заведение под свою опеку. Получив отказ, организовали общественный протест по отношению к принятому властью решению. Стараясь избежать накала страстей, в 1883 г. правительство поспешило признать статус «ученых акушерок», чем вызвало негодование

* Шабанова Анна Николаевна (6 марта 1848, дер. Шабаново Смоленск. губ. – 25 мая 1932, Ленинград). Высшие женские врачебные курсы, выпуск 1877 г., в дальнейшем – специалист в области детских болезней, основоположница Санкт-Петербургской (Ленинградской) педиатрической школы.

** Тарновская Прасковья Николаевна (1847, Российская империя – 1910, Санкт-Петербург). Высшие женские врачебные курсы, выпуск 1877 г., в дальнейшем – врач-невропатолог и антрополог, поборница женского образования в России.

со стороны женщин-врачей, реальные обязанности и опыт которых выходили далеко за предписываемые рамки. Собрав подписи коллег и отправив в адрес Александра III письмо с просьбой отменить решение правительства, А.Н. Шабанова добилась отмены этой формулировки и замены ее на другую – «врач женщин и детей».

Но это было лишь начало борьбы за право женщин заниматься врачебной деятельностью. В деле восстановления справедливости участвовали профессора-мужчины, которые читали лекции на курсах. Среди них было немало известных на всю Россию, в частности М.М. Сеченов и И.М. Склифосовский. Показав на деле высокую профессиональную подготовку, женщины-врачи получили признание и одобрение со стороны общества. Для того, чтобы поддержать начатое дело, В.М. Тарновский и И.И. Мечников перечислили часть доходов от прочитанных на курсах лекций, а С.П. Боткин распорядился в своем завещании о выдаче 20 тыс. руб. Материальную помощь оказали студенты-медики государственных учреждений и обычные люди, получившие помощь от врачей-женщин.

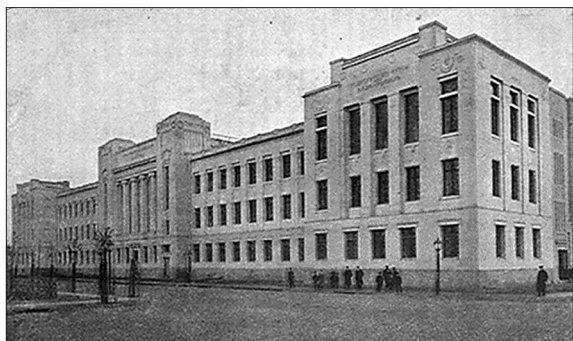
К движению за права женщин-врачей подключились меценаты: 50 тыс. руб. пожертвовал сибирский золотопромышленник И.М. Сибиряков, 200 тыс. руб. – компаньон Шанявских по приискам П.В. Берг. Л.А. Шанявская вместе с супругом пожертвовали в совокупности не менее 300 тыс. руб. [Афанасьев, 2006, с.76, 94]. Причем сама Лидия Алексеевна не ограничилась только материальной помощью, она лично ходила по кабинетам, писала обращения более чем в 100 различных инстанций, общалась с официальными лицами. В воспоминаниях М.В. Сабашникова описано, как она уговорила члена Государственного Совета К.П. Победоносцева (наиболее влиятельного противника женского образования) не приходить в заседание, на котором будет поставлен вопрос об организации Женского медицинского института [Сабашников, 2011].

Наконец, в 1897 г. был открыт Женский медицинский институт, однако с целым рядом ограничений. Государство по-прежнему дистанцировалось от материальной помощи, преподаватели как частные лица получали низшие оклады, а для выпускниц устанавливалось право работы в тех лечебных заведениях, где были открыты женские отделения. Имелись также возрастные ограничения (от 20 до 35 лет). Уровень образования девушек не должен был быть ниже среднего, допускалось христианское вероисповедание. Все желавшие учиться подвергались вступительному испытанию на знание латинского языка. Обучение в институте было платным – 100 руб. в год, что на то время было достаточно высоким барьером. Несмотря на эти обстоятельства, в 1902 г. состоялся первый выпуск «врачей женщин и детей». Выпускницы могли заниматься частной практикой и работать в ограниченном числе медицинских заведений. Однако, когда в 1904 г. Институт стал относиться к Министерству просвещения, права его выпускниц были приравнены к правам выпускников медицинских факультетов университетов.

Супруги Шанявские всегда интересовались деятельностью Женского медицинского института. В своем завещании, составленном 7 ноября 1905 г., А.Л. Шанявский поручил в случае невозможности открытия в Москве Народного университета «передать в трехлетний срок все движимое и недвижимое имущество, какое тогда

останется, Санкт-Петербургскому Женскому медицинскому институту в собственность» [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.734. Л.10об.]. Судьба распорядилась в пользу Народного университета, но Л.А. Шанявская до конца жизни заботилась о своем первом детище – Медицинском институте – и была удостоена звания его Почетного члена.

К истории создания Московского городского народного университета

Московский городской народный университет
им. А.Л. Шанявского, 1912 г.

Российский государственный гуманитарный
университет – историческое здание (наши дни)

В 1882 г. произошло два важных события: Альфонс Шанявский купил дом в Москве, на Арбате, и был включен в состав московского дворянства. В более подходящем для него климате Москвы он решил реализовать главный проект своей жизни – создать вольную высшую школу.

Первым его шагом стало обращение 15 сентября 1905 г. к В.Г. Глазову (в то время возглавлявшему Министерство народного просвещения) с просьбой поддержать идею народного образования: «Несомненно, нам нужно как можно больше умных, образованных людей, в них наша сила и наше спасение, и в недостатке их причина всех наших бед и несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась ныне вся Россия» [РО РГБ. Ф.554. Д.10. Л.1–3об.]. Причем в задуманном им учебном заведении знание должно было быть доступно «всем его жаждущим – без

всяких аттестатов зрелости». Это новое начинание, по его мнению, действительно будет «на благо и возрождение России». Кроме того, как подчеркивал автор обращения, такое общедоступное образование может быть профилактической мерой против повсеместных забастовок и протестов тех, кто несправедливо был лишен возможности приобщиться к учебе.

В своем заявлении 15 сентября в Московскую Думу А.Л. Шанявский в качестве оснований деятельности нового учреждения называет чтение курсов (на русском и других языках) лекторами без ограничения пола, имеющими ученое звание или известных своими достижениями в науке и литературе. В состав слушателей он предлагает включить лица не моложе 16 лет обоего пола, без ограничения по признакам национальности и вероисповедания. Для реализации своего проекта Шаняв-

ский предлагает Думе «принять в дар принадлежащее ему в Москве домовладение с доходом в 45 тыс. рублей»: «В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатий народа к науке и знанию, этим источникам добра и силы, – я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования» [РО РГБ. Ф.554. Д.6. Л.10–13].

Шанявский, принимая это решение, опирался на общий позитивный настрой российской интеллигенции и поддержку основных ее представителей. Уже 22 сентября 1905 г. он написал письмо профессору М.М. Ковалевскому, имевшему к тому времени собственный удачный опыт организации вольного университета – Высшей школы общественных наук в Париже, с предложением поработать над Уставом, а также войти в Попечительский совет Народного университета [РО РГБ. Ф.554. Д.11. Л.1]. Тот сразу ответил согласием, предполагая, что тяжелая болезнь не даст Шанявскому завершить начатое.

Из записи в журнале* Московской городской Думы от 25 октября 1905 г. узнаем, что имущество, жертвуемое генералом-майором Шанявским на открытие и поддержание деятельности Народного университета, было принято с благодарностью, а для организации мероприятий по подготовке к открытию нового учебного заведения была учреждена особая Комиссия, уточнение состава которой поручено самому А.Л. Шанявскому [Журнал..., 1905]. Кроме М.М. Ковалевского, в данную комиссию вошли выдающиеся представители российской интеллигенции: С.А. Муромцев, А.Н. Реформатский, В.К. Рот, М.В. Сабашников, Н.В. Сперанский, К.А. Тимирязев, А.Н. Шереметьевская, В.Е. Якушкин.

К тому времени здоровье А.Л. Шанявского серьезно ухудшилось. Понимая, что у него практически не осталось времени, чтобы побороть неизбежное противодействие открытию вольного университета со стороны официальной власти, 31 октября 1905 г. он подписал доверенность своей жене Лидии Алексеевне Шанявской с конкретными обязанностями: «завершить комплектование Попечительского совета и комиссии для выработки устава Московского Народного университета» [РО РГБ. Ф.554. Д.31. Л.1]. В тот же день особым поручением Л.А. Шанявской было предложено войти в состав Попечительского совета пожизненно [РО РГБ. Ф.554. Д.31. Л.2].

5 ноября 1905 г. на имя А.Л. Шанявского пришло письмо Д.Д. Дувакина (и.д. Московского городского главы), в котором он заверял просителя, что его пожертвование на создание университета принято с благодарностью и Дума немедленно приступает к организационной работе [РО РГБ. Ф.554. Д.12. Л.1–2]. Не веря в быстрый благополучный исход дела, 7 ноября 1905 г. Шанявский пишет духовное завещание, определяя свою волю – за три года открыть в Москве Народный университет, в противном случае передать все средства Женскому медицинскому институту в Санкт-Петербурге [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.734. Л.10–10об.]. А.Л. Шанявский скончался от сердечного приступа вечером того же дня и был похоронен на кладбище Андреевского монастыря.

* *Примеч.* Журнал в данном случае – основной документ делопроизводства коллегиальных учреждений Российской империи.

Борьба за Народный университет

Л.А. Шанявской потребовалось три года и весь накопленный опыт дипломата, чтобы завещание мужа стало реальностью. Поначалу казалось, что все идет хорошо. Комиссия, отчасти утвержденная еще А.Л. Шанявским, приступила к работе. Ее поддержала общественность в лице Е.Н. Трубецкого, Н.А. Каблукова, Н.М. Кулагина, А.А. Кизеветтера, Н.К. Кольцова, М.Н. Шатерникова, С.Ф. Фортунатова, Б.И. Угримова. 17 мая 1906 г. председатель комиссии В.К. Рот внес в Думу проект Положения об университете, его Попечительском совете и немедленной организации преподавания. Доклад комиссии был выслушан со всем вниманием, а все предложения – приняты [Журналы..., 1907, с.83–84]. Именно на этом заседании Московской городской думы был поставлен и решен положительно вопрос о том, чтобы новое учебное заведение носило имя Альфонса Леоновича Шанявского.

Однако в скором времени (23 июня 1906 г.) Градоначальником был заявлен протест на основании нарушения существующего порядка открытия частных учебных заведений, и все решения Думы от 17 мая 1906 г. были отменены [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.287. Л.21–25]. 5 сентября 1906 г. состоялось заседание Московской городской думы, на котором был поставлен вопрос о правомерности отмены ранее утвержденного Положения о Народном университете им. А.Л. Шанявского. Большинством голосов был вновь одобрен проект Положения и дано поручение Городской управе представить этот проект на утверждение в высшие государственные инстанции в установленном порядке [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.287. Л.37]. Попечительский совет опять приступил к подготовительной работе по скорейшему открытию университета. Время шло, а дело организации нового учебного заведения так и не сдвинулось с места.

О конфликте стало известно министру внутренних дел П.А. Столыпину. В донесении московского градоначальника полковника В.А. Короткого от 15 ноября 1906 г., в частности, говорилось о том, что в спокойные периоды общественной жизни создание такого рода вольных университетов можно приветствовать, но в настоящее время в Москве сложилась неблагоприятная обстановка, поэтому открытие подобного образовательного учреждения приведет «лишь ко всякого рода осложнениям, путем искусственного привлечения нежелательных элементов, создав условия, могущие затруднить поддержание порядка и спокойствия в столице» [РГИА. Ф.733. Оп.153. Д.458. Л.17].

Делу открытия учебного заведения был придан политический характер, что крайне мешало нормальному процессу институционализации. Так, в качестве немедленных мер предлагалось вменить в обязанность ректору лично отвечать за порядок и занятия в университете, которые не должны выходить за рамки, утвержденные Министерством народного просвещения. В связи с чем все программы и курсы университета должны были пройти проверку и утверждение данным министерством. Кроме того, в число слушателей не следовало принимать лиц, не имевших права жительства в Москве. Другими словами, все то, чего хотел избежать А.Л. Шанявский – полного чиновничьего и полицейского контроля над университетом, – предполагалось в данном документе.

Борьба за Народный университет вступила в новую фазу. В своем завещании А.Л. Шанявский прямо предупреждал, что университет должен открыться не позд-

нее ноября 1908 г. с учетом изложенных им демократических оснований и условий. Комиссия, в составе которой активно трудилась и Л.А. Шанявская, проделала большую работу, чтобы преодолеть неожиданные препятствия со стороны власти. 21 марта 1907 г. Московский городской глава Н.И. Гучков, поддерживая идею вольного университета, направил П.А. Столыпину письмо-ходатайство о содействии в утверждении проекта Положения о Московском народном университете, в котором напомнил условия завещания А.Л. Шанявского и высказал опасения в связи с затягиванием открытия учебного заведения [РГИА. Ф.733. Оп.153. Д.458. Л.31–31об.].

Началась переписка между Министерством внутренних дел и Московской городской думой, которая продолжалась до мая 1907 г. 5 мая 1907 г. московский городской голова Н.И. Гучков обратился к министру народного просвещения П.М. Кауфману с ходатайством о продвижении дела открытия Народного университета на тех принципах, которые отвечали бы воле покойного [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.458. Л.49–49об.].

Именно в это время со стороны членов Комиссии начали поступать предложения о немедленном начале чтения лекций, несмотря на проволочки с официальным утверждением Положения и Устава университета. Однако открытие университета так называемым «явочным путем» не устраивало Л.А. Шанявскую: это противоречило завещанию. Из письма уполномоченного Московского городского общественного управления по делам города в Санкт-Петербурге И.Н. Денисевича узнаем, что именно так («явочным путем») открывались тогда многие курсы и народные чтения. Однако «госпожа Шанявская желала бы, чтобы Народный университет был действительно учебным заведением, где читались бы систематические лекции по определенным программам» [ЦИАМ. Ф.179. Оп.11. Д.287. Л.50–50об.]. Объяснялось это просто: явочные курсы легко как открыть, так и закрыть, чего не скажешь об официально открытом учебном заведении.

В ожидании одобрения высших кругов подошло лето 1907 г. За это время Министерство народного просвещения предложило ряд изменений в Положение о Московском народном университете, по словам министра П.М. Кауфмана, «в целях обеспечения за новым учреждением правильности и закономерности его деятельности» [РГИА, Ф.1276. Оп.3. Д.819. Л.2–7об.]. По словам очевидца, принимавшего непосредственное участие в данных событиях, проф. А. Кизеветтера, министр просвещения П.М. Кауфман и товарищ министра О.П. Герасимов в целом сочувствовали идее Шанявского и поэтому постарались внести соответствующий законопроект на ближайшую сессию Третьей государственной думы 4 декабря 1907 г., однако и здесь случилась задержка в связи с кадровой перестановкой – теперь документ заинтересовал А.Н. Шварца (нового министра народного просвещения) [Кизеветтер, 1996].

Наступил 1908 г. Л.А. Шанявская пребывала в крайней тревоге: успеет ли А.Н. Шварц не только ознакомиться с документами, но и принять решение. Чтобы немножко поторопить министра, 2 февраля 1908 г. она отправила ему телеграмму [РО РГБ. Ф.554. Д.42. Л.2], в которой напомнила условия завещания А.Л. Шанявского: открыть нужно «не простые курсы, а университет с уставом». В ответном письме в этот же день министр сообщил, что никаких «злокозненных целей» он не имеет и задерживать открытие Народного университета не собирается. Но в представлен-

ном для Высочайшего утверждения проекте Устава обнаружил «разные странности» [РО РГБ. Ф.554. Д.33. Л.1].

И опять ожидание. Оставалось последнее средство – воспользоваться знакомством с Председателем Совета министров П.А. Столыпиным, которому она 18 марта 1908 г. направила письмо [РГИА. Ф.733. Оп.154. Д.195. Л.76–78]. Женская дипломатия увенчалась успехом: вдова Шанявского получила от П.А. Столыпина обещание поторопить А.Н. Шварца [Кизеветтер, 1996]. Свое слово он сдержал. 3 апреля 1908 г. Государственная дума большинством голосов приняла историческое решение открыть в Москве Народный университет с присвоением ему имени А.Л. Шанявского.

Государственный Совет одобрил решение Думы, а 26 июня 1908 г. император утвердил решение Совета. Университет был открыт 1 октября 1908 г., за несколько дней до крайней даты, которую определил А.Л. Шанявский.

Деятельность Народного университета им. Н.А. Шанявского

В первый учебный год преподавание на общественно-историческом и общественно-юридическом циклах вели приглашенные преподаватели и часть тех, кто вошел в Правление. Среди них были А.Н. Реформатский, А.А. Кизеветтер, С.А. Муромцев. В 1911 г. в университет пришли известные профессора В.М. Хвостов, Е.Н. Трубецкой, К.А. Тимирязев [Кизеветтер, 1996]. С 1912 г. у университета появилось здание на Миусской площади.

Работа университета проходила на академическом и научно-популяризаторском отделениях. Слушатели первого отделения могли получить высшее образование, обучаясь три года на естественно-историческом, общественно-юридическом и историко-философском профилях. Слушатели второго отделения за четыре года могли получить общее среднее образование и поступить на академическое отделение. График проведения занятий был удобен для работающего человека – с 17 до 22 часов. Были сняты все ограничения по полу, возрасту, сословной принадлежности, образовательному цензу (на научно-популяризаторском отделении). Взималась минимальная плата за обучение. По окончании обучения выдавалось удостоверение, однако выпускники Народного университета были востребованы на бирже труда [Кизеветтер, 1996, с.176–177].

Планы обучения в университете были гибкими. В частности, на академическом отделении слушатели могли иметь индивидуальный план обучения. По всем предметам проводились лекционные, семинарские и практические занятия. В целях оптимизации учебного процесса проводились ежегодные опросы, по результатам которых образовательные планы и программы могли быть откорректированы. Слушателей привлекала возможность дополнительного обучения по востребованным специальностям: педагогике, кооперации, библиотечному делу, холодильному делу.

Лидия Алексеевна Шанявская была активно включена во все стороны жизни университета. В частности, участвовала в комплектовании библиотеки, внося немалые суммы, но при этом каждый раз просила членов Попечительского совета не указывать ее имя. После Октябрьской революции вдова А.Л. Шанявского уехала из

Москвы, т. к. осталась без средств к существованию. Лишь после того, как члены бывшего Правления университета в 1921 г. обратились к власти с прошением о материальной помощи Шанявской, оно было удовлетворено, а сама Л.А. Шанявская вместе с секретарем и помощницей Э.Р. Лауперт получила продовольственный паек и средства, достаточные для переезда в Москву. Однако уже в 1921 г. Л.А. Шанявская скончалась. Она упокоилась рядом с мужем на кладбище Алексеевского монастыря, ныне не существующего.

Итак, как учебное заведение и просветительский центр Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского проработал до 1918 г. В настоящее время дело, начатое А.Л. Шанявским, продолжается в рамках Российского государственного гуманитарного университета.

Заключение

Дело меценатства и благотворительности в области народного образования, начатое Альфонсом Леоновичем Шанявским, было продолжено Лидией Алексеевной Шанявской. По словам современников, то, что ей удалось «добиться открытия демократического университета от такого министра, как Шварц, было почти чудо, совершить которое способен был только энтузиазм. Таким образовательным энтузиазмом и была полна Лидия Алексеевна от дней своей молодости до преклонных лет, передавая его всем, кто приходил в сколько-нибудь близкое обращение с нею» [Шноль, 2010]. Она не только выполнила завещание мужа, но и все годы была преданной двум своим детищам – Женскому медицинскому институту и Народному университету. В память об этой замечательной женщине в октябре 2022 г. будет установлена мемориальная доска в историческом здании Российского государственного гуманитарного университета, а одной из аудиторий присвоено ее имя.

Литература

Архивные документы

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф.554. Альфонс Леонович и Лидия Алексеевна Шанявские.

Материалы Альфонса Леоновича Шанявского: Д.6, 10, 11, 12.

Материалы Лидии Алексеевны Шанявской: Д.31, 33, 42.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.179. Московские городские Дума и Управа: Оп.11. Д.287, 458, 734.

Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф.733. Департамент народного просвещения: Оп.153. Д.458; Оп.154. Д.195. Ф.1276. Совет Министров (1905–1917). Оп.3. Д.819.

Журнал заседаний Московской городской думы № 25. М., 1905.

Журналы Московской городской думы за 1906 г. М., 1907.

Афанасьев П.Ю. Золото Приамурья. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2006. – 208 с.

Драгневич Н.П. Из воспоминаний женщины-врача (К 25-летию деятельности женщин-врачей) // Русское богатство. 1903, № 1. – С. 72–80.

Кизветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1996. – 396 с.

Сабашников М.В. Записки. Письма. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. – 736 с.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 4-е. –М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 720 с.

References

- Afanas'ev P.Yu. *Zoloto Priamur'ya* [Gold of the Amur Region]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2006. – 208 p.
- Dragnevich N.P. *Iz vospominanij zhenshchiny-vracha (K 25-letiyu deyatel'nosti zhenshchin-vrachej)* [From the memoirs of a woman doctor (To the 25th anniversary of the activity of women doctors)] // *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. – 1903, No. 1. – Pp. 72–80.
- Kizevetter A.A. *At the turn of two centuries. Memoirs 1881–1914* [At the turn of two centuries. Memoirs 1881–1914]. Moscow: Iskusstvo, 1996. – 396 p.
- Sabashnikov M.V. *Zapiski. Pis'ma* [Notes. Letters]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2011. – 736 p.
- Shnol S.E. *Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoy nauki* [Heroes, villains, conformists of Russian science. 4th ed]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010. – 720 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

УДК 821.511.131

В.Г. Пантелеева
Москва

УДМУРТСКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920-Х – 1950-Х ГГ.: ФУНКЦИИ И ПЕРСОНАЛИИ

Цитирование: *Пантелеева В.Г.* Удмуртская переводная детская литература 1920-х – 1950-х гг.: функции и персоналии // *Наследие*. 2022, № 1(20). – С.140–153.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.9>

Citation: *Panteleeva V.G.* *Udmurtskaya perevodnaya detskaya literatura 1920-h – 1950-h gg.: funkcii i personalii* [Udmurt translated children's literature in the 1920s–1950s: functions and personalia] // *Nasledie* [Heritage], 2022, No. 1(20). – pp.140–153.
DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.9>

Статья посвящена обзору и анализу переводческого дискурса удмуртской детской литературы первых советских десятилетий. Акцентируется внимание на жанрово-тематической направленности и функциях переводной литературы в контексте эпохи, ее влиянии на регламентацию удмуртского литературного языка и развитие оригинальной детской литературы.

Изучены творческие стратегии первых переводчиков детских произведений на удмуртский язык.

Ключевые слова: удмуртская детская литература, художественный перевод.

Panteleeva V.G. Udmurt translated children's literature in the 1920s–1950s: functions and personalia

The article is devoted to the review and analysis of the translation discourse of the Udmurt children's literature of the first Soviet decades. Attention is focused on the genre-thematic orientation and functions of translated literature in the context of the era, its influence on the regulation of the Udmurt literary language and the development of original children's literature. The creative strategies of the first translators of children's works into the Udmurt language are studied.

Key words: Udmurt children's literature, literary translation.

Переводная детская литература в первые советские десятилетия доминировала в общем объеме опубликованных детских произведений на удмуртском языке. Так, в работе К.Н. Дзюиной зафиксировано около двухсот наименований переводных источников для удмуртских детей, изданных отдельными книгами в 1920–1950-е гг. [Дзюина, 1976, с.200–222], но очевидно то, что в этом перечне не учтены, во-первых, учебники по родной литературе, в большинстве своем состоявшие из разножанровых переводных текстов, а во-вторых, переводы отдельных произведений из периодических изданий.

Переводческая деятельность в первые послереволюционные десятилетия была тесно связана с идеей регламентации удмуртского литературного языка, создания советской литературы на родном языке и имела определенную политическую ангажированность. В исторических реалиях 1920–1930-х гг. усматриваются три главные функции переводного дела на удмуртский язык: 1) вовлеченность в создание и регламентацию единого литературного языка; 2) родовое и жанрово-тематическое обогащение зарождавшейся советской литературы на родном языке; 3) обеспечение практических условий реализации «... развития народного самосознания или <...> развития просвещения» [Чернышевский, 1948, с.503] этноса в реалиях зарождавшейся советской школьной системы образования и государственной политики по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В этих условиях «спроса» на образование остро требовался большой корпус литературных текстов для чтения в учебниках по родной литературе, и в данном историческом контексте в качестве «предложения» чаще выступала не оригинальная, а переводная литература.

В 1940–1950-е гг. цели и задачи переводческой деятельности в целом несколько изменились (на первый план выдвинулась идея «дружбы народов»), но ее образовательная функция как учебно-методического инструмента в условиях дефицита образцовых детских и подростково-юношеских произведений на родном языке все еще оставалась актуальной. Документы тех лет фиксируют, что «для удмуртских детей в 1933–1934 гг. издано 74 учебника и методических пособий» [Национальное книгоиздание, 2005, с.47], помимо этого «в тематическом плане Удмуртгосиздата к началу 40-х годов несколько изменилось соотношение изданий: на первый план по числу названий вышла детская и школьная литература (31 назв.), по объему и тиражу – учебно-методическая» [Фролова, 1982, с.130]. Если учесть, что вышеозвученная «школьная учебная литература» в большинстве своем наполнялась пере-

водными текстами для чтения, то становятся понятны объёмы переводческой работы в этот период.

В жанрово-тематическом плане речь идет о переводах сказочной литературы и поэзии для дошкольников и младших школьников, учебно-дидактической литературы для младшего и среднего школьного возраста и прозы для подростково-юношеского чтения. Практически все они публиковались дважды или трижды: сначала в периодических изданиях, потом – в учебниках или отдельной книгой.

Сказка, дидактически являясь самым востребованным жанром учебной литературы, с учетом своей методической значимости в указанный период переводилась много и регулярно. Приведенный ниже список, конечно же, далек от полноты картины, но является неким «срезом» общей переводческой практики первой половины XX в. В таблицу осознанно не включены сказки А. Пушкина: он априори является самым переводимым автором, первый перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», выполненный удмуртским просветителем Г.Е. Верещагиным, относится к 80-м гг. XIX в. [Ванюшев, 1995], затем неоднократно переводилась другими литераторами. В целом тема «Пушкин и удмуртская литература» в аспекте переводоведческой проблематики изучена достаточно полно, поэтому отсылаем к ряду источников [Багай, 1949; Витрук, 2007; Ермаков, 1999; Измайлова-Зуева, 2013; Пантелеева, 1993; Поздеев, 1979; Яшин, 1974].

Итак, приводим неполный список изданных переводных сказок в хронологической последовательности (см. таблицу).

Таблица

Список изданных переводных сказок

Название сказки / сборника	Переводчик/Выходные данные	Год
1	2	3
1. Лымок: зуч выжыкыл (Снегурочка)	К. Герд, Сарапул: Изд-во удмуртского комиссариата	1920
2. Паллян син: монгол выжыкыл (Левый глаз)	К. Герд, Сарапул: Изд-во удмуртского комиссариата	1920
3. Бианки В.В. Пик (Мышонок Пик)	С. Русских, Ижевск: Удкнига	1929
4. Чуковский К.И. Чылкмиськон (Мойдодыр)	И. Гаврилов, Ижевск: Удгиз	1935
5. Гауф Вильгельм. Пичи Мук: выжыкыл (Маленький Мук)	Ф. Ложкин, М.; Л.: Нылпи литература издательство	1937
	А. Клабуков // Дась лу! 1937. 5, 10, 15 марта	1937
6. Перро Шарль. Сказкаос	Ф. Ложкин, М.; Л.: Детиздат	1937
7. Дисней Уолт. Куинь парсьпиос (Три поросенка)	И. Гаврилов, М.; Л.: Нылпи литература издательство	1937
8. Толстой Л.Н. Куинь гондырьёс: выжыкыл (Три медведя)	Т. Токарев, М.; Л.: Детгиз	1937
9. Мамин-Сибиряк Д. Алёнушкалэн сказкаосыз (Сказки Алёнушки)	П. Чайников, Ижевск: Удмурт государственной издательство	1937
10. Гримм братъёслэн сказкаоссы (Сказки братьев Гримм)	Пер. не указан. Ижевск : Удмуртгосиздат	1938

1	2	3
11. Ёичы-сузэр но кион: выжыкыл (Лисичка-сестричка и волк)	Корепанов, Ижевск: Удмуртгосиздат	1939
12. Теремок: выжыкыл	В. Волкова, Ижевск: Удгиз	1939
13. Гондыр но пичи ныл: ёуч калык сказка (Машенька и медведь)	М. Горин, Ижевск: Удмуртгосиздат	1939
14. Зверьёслэн толъемзы: ёуч калык сказка (Зимовье зверей)	М. Горин, Ижевск: Удмуртгосиздат	1939
15. Ёичы шальбыен: сказка (Лисичка со скалочкой)	Т.Е. Леконцева, Ижевск: Удмуртгосиздат	1939
16. Погыли: ёуч калык выжыкыл (Колобок)	П. Чайников, Ижевск: Удгиз	1939
17. Чуковский К.И. Педоралэн куректонэз (Федорино горе)	А. Клабуков, Ижевск: Удмуртгосиздат	1939
18. Атас, шыр но курег: Англ. сказка (Петушок, мышка и курочка)	А. Багай, Ижевск: Удгиз	1940
19. Маршак С. Шузи шырпи сярсы: кылбур (Сказка о глупом мышонке)	А. Клабуков, Ижевск: Удмуртгосиздат	1940
20. Аксаков С. Юсь (Лебедь)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1941
21. Гаршин В. Путешествовать карись эбек (Лягушка-путешественница)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1945
22. Перро Ш. Горд такъя: Сказка (Красная шапочка)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1946
23. Гаршин В. Дуннеез адёыны потэм эбек (Лягушка-путешественница)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1948
24. Маршак С. Пичи юрт: кылбурен гожтэм выжыкыл (Теремок)	Редактор перевода А. Клабуков. Ижевск: Удмуртгосиздат	1949
25. Калык выжыкылъёс (Сказки народов СССР)	В. Ширококов, Ижевск: Удгиз	1951
26. Аксаков С. Лемлет сяська (Аленький цветочек)	Н. Васильев. Ижевск: Удгиз	1953
27. Зарни киос: СССР-ысь калыкъёслэн выжыкылъёссы (Золотые руки: Сказки народов СССР)	Редактор перевода Т. Шмаков, Ижевск: Удгиз	1954
28. Маскара выжыкылъёс (Забавные сказки народов СССР)	Редактор перевода С.П. Ширококов, Ижевск: Удгиз	1954
29. Андерсен Г.Х. Дюймовочка	Т. Шмаков, Ижевск: Удгиз	1954
30. Вазов И. Болгарской выжыкылъёс (Болгарские сказки)	Пер. не указан, Ижевск: Удгиз	1954
31. Перро Ш. Золушка	М. Можгин, Ижевск: Удгиз	1954
32. Андерсен Г. Х. Учы (Соловей)	М. Воронцов, Ижевск: Удгиз	1955
33. Гарин Н. Корейской выжыкылъёс (Корейские сказки)	Е. Лисицина, Ижевск: Удгиз	1955

1	2	3
34. Индийской сказкаос	А. Климова, Ижевск: Удгиз	1957
35. Албанской выжыкылъёс	А. Уваров, Ижевск: Удгиз	1958
36. Зуч калык выжыкылъёс (Русские народные сказки)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1958
37. Коми калык выжыкылъёс (Коми народные сказки)	Л. Осотова, Ижевск: Удгиз	1959
38. Болгарской выжыкылъёс	Н. Кондратьев, Ижевск: Удгиз	1959
39. Китай калык выжыкылъёс (Китайские народные сказки)	А. Клабуков, Ижевск: Удгиз	1959
40. Гримм братъёслэн выжыкылъёссы (Сказки братьев Гримм)	Пер. не указан. Ижевск: Удгиз	1959
41. Польской выжыкылъёс	А. Климова, Ижевск: Удгиз	1959

Прокомментируем данные таблицы. Во-первых, вплоть до 1950-х гг. (см. п. 34) обозначение жанра «сказка» в переводных текстах в некоторых случаях приводилось в русском варианте, хотя К. Герд еще в 1919 г. одно из своих произведений для детей «Гондырьёс» (Медведи) обозначил удмуртским словом «выжыкыл». Вослед ему И.В. Яковлев, удмуртский этнограф, поэт и автор учебников, в 1920 г. в Казани издал сборник под названием «Удмурт выжыкылъёс» (Удмуртские сказки). Но удмуртский термин, как видно из таблицы, с трудом входил в литературный обиход.

Во-вторых, язык большинства переводных сказок 1920–1950-х гг. изобилует русизмами и калькированными оборотами, являющимися доказательством пока низкого уровня мастерства и языковой культуры удмуртских переводчиков первой половины XX в., с одной стороны, а с другой – неразвитости и негибкости лексического пласта удмуртского литературного языка. Данное обстоятельство явно прослеживается в заглавиях отдельных переводных текстов (например, пп. 10, 11, 14, 21, 29).

В-третьих, соотношение народных и авторских сказок почти равное, при этом представлены и образцы мировой сказочной прозы, которые переводились не с языка оригинала, а с русскоязычного варианта. Речь идет о массовой практике двухступенчатых переводов, при которых русскому языку отводилась роль посредника, в том числе при переводах с языков народов СССР. Отдельными книгами были изданы известные во всем мире сказки Ш. Перро (пп. 6, 22, 31), Г.Х. Андерсена (пп. 29, 32) и Братьев Гримм (пп. 10, 40), некоторые из них переиздавались.

Начиная с 1950-х гг. заметно увеличение переводов сказок народов СССР и мира. В послевоенное десятилетие основополагающим принципом во внутренней и внешней политике СССР становится идея интернационализма с ее главной установкой по всесторонней поддержке национальных литератур. Применительно к литературам народов СССР эта идея звучала как призыв к их «расцвету и сближению», поэтому переводное дело было поставлено на государственный уровень. Укрепилось осознание того, что явление «многонациональная советская литература» не может функционировать без художественного перевода. Переводилось много в комбинации разных языковых пар, но доминировал русский язык. Как видно из таблицы, в рассматриваемый период сказки народов СССР представлены на удмуртском языке тремя сборниками (пп. 25, 27, 28).

Выбор страны для перевода сказок отдельного этноса вполне предсказуем: в большинстве случаев это государства демократического и социалистического толка. Здесь, безусловно, усматривается политическая конъюнктура, и переводы, возможно, носили официальный заказной характер, на что указывает и следующая цитата: «1956 г. – начало издания в Удмуртии произведений писателей стран социалистического лагеря» [Фролова, 1982, с.226]. Хотя на практике этот процесс был запущен еще раньше: так, начиная с 1953 г. отдельными книгами дважды издавались на удмуртском языке болгарские народные сказки и индийские народные сказки (в одном случае подборка в журнальном варианте). По одному сборнику переводов албанских, польских, корейских, китайских сказок.

Отдельно следует сказать о том, что в представленном списке достаточно много анонимных переводов. Случаи умалчивания фамилий переводчиков практиковались вплоть до 1950-х гг. (пп. 10, 20, 21, 22, 23, 30, 36, 40), иногда указывались имена редакторов переводных изданий (пп. 24, 27, 28). Анонимность как типичное явление первых лет становления советской литературы на родном языке в середине XX в. усматривается уже как издательская небрежность. Также заметно, что среди переводчиков сказочной литературы достаточно много малознакомых, а подчас и незнакомых для удмуртских исследователей фамилий (за исключением К. Герда, И. Гаврилова, А. Клабукова, П. Чайникова, В. Широкова). Известно, что в начале 1930-х гг. к переводу детской литературы привлекались самые активные слушатели краткосрочных переводческих курсов из числа учителей сельских школ или студентов пединститута, а с конца 1930-х гг. переводами регулярно занимались сотрудники Удмуртского государственного издательства: корректоры, редакторы отделов и даже директора (Ф. Ложкин, Т. Токарев, М. Можгин, М. Воронцов, Л. Осотова, Н. Кондратьев, А. Климова и др.) [Национальное книгоиздание, 2005, с.8–9].

Обращают на себя внимание некоторые любопытные факты: например, в 1937 г. отдельные переводные сказки на удмуртском языке изданы в московском издательстве «Детгиз» (Гауф, Перро, Дисней, Л. Толстой), что, вероятнее всего, являлось исполнением официального заказа.

В 1930-е гг. начали переводиться популярные сказки К. Чуковского (пп. 4, 17), далее – С. Маршака (пп. 19, 24), ставших к этому времени классиками советской детской литературы. Обращение к их творчеству – знаковое событие, извещающее о вкусовых и художественных пристрастиях отдельных удмуртских переводчиков.

Если говорить о поэзии для дошкольников и младших школьников, то стоит упомянуть А. Барто и С. Михалкова, которых в 1930-е гг. избранно начал переводить А. Клабуков – в ту пору самый яркий удмуртский детский поэт. Выбор персоналий очевиден: в 1930-е гг. их творчество набирало популярность, детские книги издавались миллионными тиражами, а политическая благонадежность поэтов не вызывала сомнений.

В этом контексте любопытным представляется выбор произведений для перевода. Так, из А. Барто в первую очередь на удмуртский язык были переведены и изданы с красочными цветными иллюстрациями два произведения: «Вынъёс» (Братишки, 1933) и «Бёрдйсь пичи ныл» (Девочка-рёвушка, 1939). Переводное стихотворение «Братишки» увидело свет в московском издательстве «Молодая гвардия», при котором функционировал национальный сектор, – невиданное по современным меркам литературное событие для национальной литературы. Думаем, причиной тому

явилось содержание детского стихотворения с цитатной отсылкой: «Я расскажу о детях разных народов, маленьких братишках, отцы которых отстаивали свою свободу, боролись за счастье детей» [Барто, 1933, с.3]. Интернационализм, дружба народов во имя светлого будущего подрастающих поколений – ключевая тема произведения – была важнейшей в образовательно-воспитательной политике молодого советского государства. Допускаем, что перевод данного стихотворения А. Барто, являясь заказным актом, одновременно был осуществлен на многие языки народов СССР.

А. Барто и С. Михалков много издавались и в дальнейшем, однако 1940–1950-е гг. – это время ознакомления удмуртского читателя с творчеством С. Маршака. В эти десятилетия он был переведен и издан шестью поэтическими книгами для дошкольников. Причем временной интервал между публикациями оригинала и перевода сокращен до минимума: от полугода до двух лет. С. Маршака в основном переводил А. Клабуков, и именно в работе над его произведениями в полной мере раскрылось его дарование как переводчика и талантливого детского поэта. В целом очевидно влияние детской переводной литературы на удмуртскую литературу для детей. В послевоенное время удмуртская детская литература стала обновляться как в содержательном, так и в образно-художественном планах.

Переводы учебной литературы для младшего и среднего школьного возраста и подростково-юношеской прозы тоже имеют свои особенности. Одним из самых переводимых авторов этого периода был Виталий Бианки. Первая его книжка на удмуртском языке издана в 1927 г. в Москве («Лесные домишки», пер. К. Герд). В 1930-е гг. его книги выходили еще дважды под названиями: «Лусьстро» («Лохматый», 1930, пер. С. Русских) и «Пойшурьёслэн страназы» («Страна зверей», 1935, пер. не указан); в 1940-е – три раза, в 1950-е гг. издано пять его сборников рассказов.

Литература «о животных» во все времена является бесприоритетной и потому востребованной переводчиками: и в относительно спокойные годы второй половины 1920-х, и в агрессивно политизированное время 1930-х гг., и в военное время 1940-х гг. она доходила до своего адресата. Так, в 1924 и 1925 гг. удмуртский поэт-просветитель М. Ильин переводит и издает в Казани и Ижевске двумя книгами произведение Н. Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных». В 1929 г., через год после выхода оригинала, издана на удмуртском языке книга А. Яковлева «Кудый и хитрые волки» (пер. С. Русских), в 1935 г. – книга рассказов О. Перовской «О зверятах» (пер. не указан). В последующие десятилетия корпус переводных книг пейзажной тематики дополнился произведениями М. Пришвина, К. Паустовского, Б. Житкова, Д. Мамина-Сибиряка и др. Так, в 1956 г. выходит переводной сборник «Природа сярысь веросьёс» («Рассказы о природе», пер. В. Вахрушев) с произведениями В. Бианки, М. Пришвина и К. Паустовского.

Конечно, в этот период была огромна роль детско-юношеской литературы о героике трудовых будней, героях первых пятилеток, морально-нравственных принципах молодого поколения – пионеров и комсомольцев, здоровом образе жизни. Поэтому интересно, например, констатировать, что в 1927 г. в московском «Центриздате» на удмуртском языке вышла книга И. Фалькнера «Будем сильными и здоровыми!» в переводе И. Векшина. Этот тематический ряд можно продолжить следующими изданиями: Е. Верейская «Революционер Таня» (1931, пер. Ф. Ирисова), Л. Кассиль «Будёньшгёс» («Будёньши», 1935, пер. Е. Волков), В. Маяковский «Ма со сыче умой но ма со сыче урод» («Что такое хорошо и что такое плохо», 1939, пер. А. Лу-

жанин). В пионерской газете «Дась лу!» (Будь готов!) печатались отрывки из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» (1936 г.).

Для литературы первой половины XX в. в целом характерна обращенность к очерково-документальной прозе, посвященной историческим личностям прошлого и настоящего, увековечиванию памяти вождя пролетариата В. Ленина, продвижению идей и помыслов «отца народов» И. Сталина. Корпус переводной литературы этой тематики довольно обширен. Кроме известного перевода биографии Ленина, выполненного К. Гердом еще в 1920 г. и затем опубликованного в его литературной хрестоматии для 3 класса «Шуныт зор» («Теплый дождь», М., 1924), можно привести более десяти переводных книг о Ленине, в том числе воспоминания его сестер А.И. Ульяновой и М.И. Ульяновой, жены и соратницы Н.К. Крупской, адресованные подросткам и выдержавшие несколько переизданий.

Культ Сталина, набиравший обороты, очевиден и в текущем литературном процессе. Апофеозом стала переводная поэтическая антология 1939 г. под символическим названием «Родиналэн шундыез: Сталин сярсь кылбурьёс, кырзаньёс но легендаос» (Солнце Родины: стихи, песни и легенды о Сталине), приуроченная к 60-летию вождя. Через десять лет по случаю его 70-летия была издана другая антология: «Сталин сярсь кырзаськом: кылбурьёс но кырзаньёс» (Поем о Сталине: стихи и песни). Интересно, например, что здесь опубликована А. Барто со стихотворением «Письма Сталину».

Героями переводной очерковой прозы являлись и народные герои прошлых веков, времен недавней гражданской войны и большевики – соратники Сталина. Так, в 1925 и 1926 гг. были изданы очерки А. Шефера «Степан Тимофеевич Разин» (Тимофей пи Степан Разин) и «Емельян Пугачев» (Омеллян Пугачев). Оба перевода выполнены П. Гороховым, в ту пору сотрудником большевистской газеты «Гудыри» (Гром). В 1930-е гг. на удмуртском языке вышли следующие книги: З. Александрова «Чапаевлэн быремез» («Смерть Чапаева», 1939, пер. А. Клабуков), А. Яковлев «Ворошилов сярсь верос» («Рассказ о Ворошилове», 1936, пер. А. Лужанин), Л. Квитко «Ворошиловлы гожтэт» («Письмо Ворошилову», 1939, пер. И. Гаврилов). Последняя книга, например, любопытна тем, что детский поэтический сборник объемом в 8 страниц издан тиражом 8 500 экземпляров.

Все упомянутые выше образцы очерково-документальной переводной литературы ориентированы в первую очередь на подростково-юношескую и молодежную аудиторию и выполняли идеологическую и воспитательную функции, весьма обоснованные в исторических реалиях тех лет.

Этим целям и задачам служила и переводная литература о Великой Отечественной войне. «Удгиз в годы Великой Отечественной войны издавал в основном литературу патриотического характера, учебники, политическую литературу. <...> В переводной художественной литературе на первый план также выдвигается патриотическая тема, тема воспитания мужества, героизма» [Фролова, 1982, с.133, 135]. Огромный массив военно-патриотической литературы – документальной, публицистической и художественной – переводился на удмуртский язык по горячим следам: временной интервал, отделявший появление перевода от публикации оригинала, составлял примерно от нескольких месяцев до двух лет. Сеем предположить, что такое сокращение временного промежутка в переводном деле было характерной особенностью этого периода и проявлялось во многих литературах народов СССР.

В годы войны в большей степени переводилась очерковая, публицистическая и художественная литература на злобу дня: «Пограничники в Отечественной войне» И. Прокофьева («Пограничникъёс Отечественной война дыръя: очеркъёс», 1941, пер. не указан), «Рассказы об артиллерии» Л. Савельева («Артиллерия сярысь рассказъёс», 1941, пер. Г. Туганов и В. Широбоков), «Черемыш – брат героя» Л. Кассиля («Черемыш – геройлэн братэз», 1941, пер. В. Ложкин), «Четыре боевых случая» Л. Успенского («Ньыль боевой учыръёс», 1941, пер. П. Чайников).

Удмуртскоязычный альманах 1944 г. «Вормон сюрес» (Дорога Победы) содержал единственное переводное произведение – «Гимн Советского Союза» С. Михалкова в переводе П. Чайникова. Начиная с победного 1945 г. школьные учебники и хрестоматии по родной литературе для всех классов открывались публикацией этого переводного гимна. Такая традиция продолжалась примерно до XX съезда КПСС.

После Победы и в 1950-е гг. переведен и отдельными книгами издан большой корпус хрестоматийных произведений военной тематики: «Сын полка» В. Катаева («Полклэн пиез», 1947, пер. Т. Архипов), «Звезда» Э. Казакевича («Кизили», 1949, пер. И. Гаврилов), «Александр Матросов» Л. Пантелеева (1949, пер. М. Лямин), «Повесть о сыне» Е. Кошевой («Пие сярысь верос», 1949, пер. М. Петров), «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого («Зэмос адями сярысь верос», 1952, пер. Н. Емельянов), «Василий Тёркин» А. Твардовского (1952, пер. М. Петров), «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской (1954, пер. А. Галичанина), «Молодая гвардия» А. Фадеева (1956, пер. Н. Емельянов, В. Широбоков и Т. Архипов), «Судьба человека» М. Шолохова («Адямилэн улон сюресэз», 1958, пер. В. Широбоков) и др.

Отрывки из вышеуказанных произведений также публиковались в удмуртскоязычной периодике и школьных учебниках по родной литературе, преследуя нравственно-воспитательные цели, некоторые из них переводились дважды. Так, например, в учебнике для 4 класса 1952 г. издания главы из «Повести о сыне» Е. Кошевой опубликованы в новом переводе В. Широбокова.

Из русских прозаиков-современников наиболее полно представлено на удмуртском языке творчество А. Гайдара. Впервые он был издан сборниками «Мынам эшъёсы: веросъёс» («Мои друзья: рассказы», 1933, пер. Г. Кутергин) и «Ньылетй блиндаж» («Четвертый блиндаж», 1938, пер. не установлен). В последующие десятилетия его произведения переводились буквально «с колёс» вслед оригинальным текстам – издано шесть его книг. Это и «Тимур и его команда» (1946), «Чук и Гек» (1953), «Горячий камень» (1955), «Дальние страны» (1956), «Р.В.С» (1957), переиздан «Четвертый блиндаж» (1948).

В рассматриваемый период много и регулярно переводились на удмуртский язык и произведения русской классики, ориентированные на детское и юношеское чтение: басни И. Крылова и Л. Толстого, рассказы К. Ушинского и В. Короленко. С учетом возрастной психологии они включались в школьные учебники младшего и среднего звена. В этом контексте интересно также проследить за «удмуртским» творчеством А. Чехова.

Новеллистика Чехова по своей политической благонадежности соответствовала идеологическим устремлениям литературного времени. Вплоть до середины XX в. малая проза писателя регулярно переводилась и издавалась на удмуртском языке: с 1920 до 1954 г. выпущено 12 книг его рассказов. Это были и тоненькие книжонки

с одним рассказом, и сборники с избранными произведениями: самый «полный» том 1950 г. включает в себя 19 рассказов.

Из огромного наследия писателя переводились в основном рассказы для подросткового и юношеского чтения с морально-нравственной проблематикой повествования, явно ориентированные на включение в школьные программы по родной литературе. Речь идет о таких произведениях, как «Каштанка», «Ванька», «Хамелон», «Белолобый», «Человек в футляре», «Унтер Пришибеев», «Смерть чиновника», «Мальчишки», «Беглец», «Весной», «Во время грозы» и др. Их выбор в условиях становления советской системы образования на родном языке и начального этапа развития советской национальной литературы и острой нехватки оригинальных произведений для детей и юношества вполне предсказуем.

С дидактической и методической точек зрения самыми востребованными оказались чеховские рассказы «Каштанка» и «Ванька»: первый существует в трех переводных вариантах (1933, 1938, 1954), второй – в пяти (1920, 1924, 1935, 1944, 1950). Они включались в школьные учебники по удмуртской литературе вплоть до 1970-х гг.

Переводческие персоналии. Следует назвать фамилии ключевых фигур из ряда удмуртских переводчиков, в 1920–1930-е гг. заложивших основы художественного перевода детской литературы на удмуртский язык, а в 1940–1950-е гг. обогативших жанрово-тематическую палитру национальной литературы. В первую очередь речь идет о переводческой деятельности К. Герда, А. Клабукова, М. Петрова, И. Гаврилова, П. Чайникова, А. Бутолина, В. Широкова и др.

В иерархии удмуртских переводчиков этой поры ведущее место принадлежит Кузебаю Герду (1898–1937) – универсальному литератору, фольклористу, этнографу, ученому-лингвисту. Он и на этом поприще был многогранен: переводил с русского языка на удмуртский и наоборот, занимался автопереводами. Его переводческая деятельность, продолжавшаяся с 1915 по 1932 г., отчасти выяснена в современном гердоведении [Камитова, 2006; Пантелева, 2021], между тем значение его переводного искусства в общем литературном процессе охарактеризовано еще не в полной мере.

Именно усилиями К. Герда в 1920-е гг. зарождалась удмуртская детская литература, и на пути ее становления огромную роль сыграли его переводы, адресованные детям. В его первом советском учебнике-хрестоматии для младших школьников «Шуныт зор» (Теплый дождь) содержится порядка десяти переводных произведений разных жанров и авторов, в том числе зарубежных: финна Рунеберга, поляков Г. Сенкевича и М. Конопницкой. Но их имена в учебнике не упоминаются. Безусловно, с позиции сегодняшнего дня кажется неприемлемым отсутствие имени автора в переводном тексте, но явление анонимных переводов и анонимных авторов, как говорилось ранее, было достаточно обычным для удмуртской литературы первой трети XX в.

В 1927 г. К. Герд в собственных переводах отдельными книгами издает в Москве рассказы В. Бианки («Нюлэс юртъёс» = «Лесные домишки») и П. Замоиского («Гуртын» = «В деревне»). В 1929 г. он выпустил вторую книгу для чтения на удмуртском языке «Виль сюрес» (Новый путь), в которой тоже достаточно много переводных текстов, в том числе указанных авторов.

Надо признать, что К. Герд является первым профессиональным удмуртским переводчиком. Его литературное образование, полученное в стенах Высшего литературно-художественного института им. В. Брюсова в Москве (1922–1925 гг.), его

богатый билингвальный переводческий опыт не дают усомниться в этом. Он был талантливым переводчиком, остро чувствующим литературные запросы своего времени: много переводя для детей, тем самым восполнял лауну в удмуртской детской литературе. Понимал, что только через перевод возможно утверждение новых для удмуртской литературы жанров, поэтому переводил разножанровые произведения (такие как басня, пьеса, триолет, поэма). Он первый среди удмуртских переводчиков выработал верную стратегию художественного перевода: переводное произведение должно равняться с оригиналом по силе художественного воздействия на читателя. Отказавшись от бытовавшего в эти десятилетия буквализма, он в своей практике неизменно придерживался данной стратегии, учитывая языковой и литературный вкус читательской публики.

К. Герд как никто из его современников понимал прогрессивное влияние переводного творчества на процессы регламентации единого литературного языка. И личным примером убеждал в этом. Он не только придерживался метода адекватного, смыслового перевода, но и искал в реалиях тех лет конкретные языковые приемы «адаптации» иноязычного текста. Так, он вводил в переводные произведения просторечия, адекватные идиомы и фразеологизмы, известные большинству удмуртских читателей. Он широко практиковал сноски, в которых раскрывал лексическое значение переводного слова: это мог быть русскоязычный эквивалент либо синоним из другого удмуртского говора.

К сожалению, преемники репрессированного Кузубая Герда были оторваны от его прогрессивного литературного наследия, и многие поколения удмуртских переводчиков вплоть до 1960-х гг. не могли избавиться от буквализма, приводившего к избытию русизмов и калек в переводных текстах, что мы уже демонстрировали на примере заглавий сказочной литературы.

Стоит сказать о том, что в 1930-е гг. переводческая деятельность являлась своего рода «внутренней эмиграцией» для тех удмуртских писателей, которых каким-то образом миновали репрессии. Их было единицы, и в условиях, когда любая тема в литературе (например, коллективизация, как в случае с Г. Медведевым, или историческая тема, как в случае с М. Коноваловым и т.д.) могла трактоваться «национализмом», оставшиеся писатели находили выход из творческого застоя, занимаясь переводами.

К их числу, например, относился Аркадий Клабуков (1904–1984). Его литературная деятельность началась в 1920-е гг.: первая детская книжка «Тараканьёс» (Тараканы) была издана в 1926 г. под псевдонимом Аркаш Багай, «от которого писатель отказался лишь в конце 50-х гг.» [Писатели..., 2006, с.64]. Под этим же псевдонимом он издал и большинство своих переводов 1930–1950-х гг. и три из шести статей этих лет, посвященных проблемам перевода русской литературы на удмуртский язык.

Аркадий Клабуков-переводчик – тема обширная, поскольку масштаб его переводного наследия многократно превышает объем оригинального творчества, что было весьма характерно для удмуртской советской литературы первой половины XX в. О социокультурных причинах этого явления уже писали [Пантелеева, 2019], поэтому мы ограничимся отдельной констатацией фактов.

Первые опубликованные переводы А. Клабукова датируются 1931 г. и содержательно отражают идеологические установки официальной пролетарской литературы: речь идет, например, о двух произведениях рано ушедшего русского писателя-большевика А.С. Неверова. На удмуртский язык переведены его повесть «Андрон Не-

путёвый» и рассказ «Марья-большевичка». В этом же году А. Клабуков переводит и издает отдельной книгой рассказы для детей другого малоизвестного автора Л. Савельева (Л.С. Липавского) под названием «Бугрес уй» (Тревожная ночь). С этой поры служение удмуртскому детскому читателю станет главной установкой его переводного творчества: в жанровом плане это и сказки А. Пушкина, и пейзажные зарисовки Б. Житкова, и рассказы Д. Мамина-Сибиряка, и воспоминания А. Ульяновой о брате В.И. Ленине, и «Робинзон Крузо» Д. Дефо и т.д. Но самыми большими тиражами издавались переводные произведения русских детских поэтов – его современников: А. Барто, К. Чуковского, С. Маршака и С. Михалкова, о чем было сказано выше.

Многие поэтические переводы А. Клабукова практически образцовые с учетом всех параметров стихотворных переводов: сохранены ритмика, рифмовка, поэтический синтаксис, общая эвфония текстов. Легок переводной слог его прозаических переводов: в большинстве случаев он демонстрирует не только достойный уровень своего билингвизма, но и общую художественно-эстетическую культуру. Конечно, ему еще не всегда удается избежать русизмов и калькированных оборотов – это дело времени, – но большинство его переводов детской и подростковой литературы в образно-стилистическом плане актуально до сих пор.

Подводя итоги переводческой деятельности обозначенных десятилетий, можно сказать, что впечатляют не только объемы переводной детской литературы, но и пока еще низкое ее качество. Но вопросы качества и стратегий перевода в эту пору поднимались изредка в единичных публикациях, они всерьез актуализируются лишь во второй половине XX в.

Следует отметить, что переводы в 1920–1930-е гг. выполняли не столько литературные и художественно-эстетические, сколько сугубо прагматические и идеологические функции. Они были весьма актуальны и в последующие десятилетия, хотя в 1940–1950-е гг. перевод многими удмуртскими писателями воспринимался уже как школа литературного мастерства.

За редким исключением переводчики пока не могли разграничить статус оригинальной и переводной литературы (особенно в 1920–1930-е гг.), поэтому переводные тексты часто публиковались без упоминания названия оригинала и автора и без указания фамилии переводчика. Анонимность оригиналов и переводов – типичное явление удмуртской литературы первых советских десятилетий, особенно в периодике и школьных учебниках. Именно этим обстоятельством объясняется и явная вольность – «удмуртизация» сюжетов отдельных переводимых произведений либо, наоборот, чрезмерная приверженность букве оригинала. Хотя в последнем случае налицо и слабый уровень развития литературного языка, процессы регламентации которого пришлось на эти десятилетия. Переводная литература, деятельно участвуя в процессе выработки нового советского «литературного слога» и «литературной нормы», оказалась неотъемлемой частью формировавшейся языковой культуры.

Вопросы теоретического осмысления приемов и методов перевода в этот период не поднимались в силу массового непрофессионализма литераторов и в целом филологической сферы, практически отсутствовала и критика перевода.

Связь переводческой деятельности с идеологическими аспектами литературной жизни ярче всего проявлялась на фоне реализации советской системы образования и призыва к ликвидации неграмотности населения: переводы одновременно явля-

лись предметом чтения на родном языке в школьных учебниках и инструментом утоления «литературного голода», способствуя воспитанию «нового» удмурта – советского гражданина. При этом если причиной оригинального «литературного голода» 1920-х гг. являлась острая нехватка писательских кадров, в том числе детских писателей, то «голод» 1930-х гг. во многом был обусловлен массовыми репрессиями среди удмуртских литераторов. В этих условиях переводческая деятельность для действующих писателей являлась своего рода «внутренней эмиграцией», когда они были вынуждены выбирать между творчеством и забвением.

Именно в 1930-е гг. появляется большая группа «случайных» или «разовых» (по определению академика А.И. Соболевского) переводчиков, видимо, из числа студентов педтехникумов и учителей, сотрудников издательства, которые переводили детскую и массовую литературу на злобу дня. Имена и биографии многих из них не восстановлены и не изучены до сих пор, хотя эта область актуальна, например, в рамках литературного краеведения.

Если же в целом говорить о роли художественного перевода в идейно-эмоциональном и жанровом обогащении удмуртской детской литературы, то она самоочевидна, что мы и продемонстрировали выше. Во многом благодаря переводам возникли условия для важных изменений в оригинальной детской литературе. Практически все переводы 1920–1950-х гг. имели не только литературный, но и учебный характер.

Литература

- Багай А. А.С.* Пушкин нырысьсэ удмурт кылын // Советской Удмуртия. 1949. 5 июня.
- Барто А.* Выньёс / Перевод А. Клабукова. М.: Молодая гвардия, 1933. – 16 с.
- Ванюшев В.М.* Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск, 1995. – 294 с.
- Витрук Н.В.* Солнце русской поэзии // Пушкин А.С. Избранные произведения = Быръем произведениос. Ижевск: Удмуртия, 2007. – С.3–26.
- Дзюина К.Н.* Удмуртская книга. 1917–1974. Ижевск: Удмуртия, 1976. – 280 с.
- Ермаков Ф.К.* Пушкин и удмуртская литература // Луч. 1999, № 3–4. – С.27–29.
- Измайлова-Зуева А.С.* Пушкин и удмуртская литература. 2013 [<https://cat.convdocs.org/docs/index-194929.html>]
- Камитова А.В.* Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 192 с.
- Национальное книгоиздание Удмуртии: Страницы истории и современность / Автор-составитель К.Н. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 2005. – 200 с.
- Пантелеева В.Г.* О проблемах поэтического перевода с русского на удмуртский язык (на материале переводов стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) // Вестник Удмуртского университета. 1993, № 6. – С.84–92.
- Пантелеева В.Г.* Границы оригинальной и переводной удмуртской литературы 1920-х – 1930-х гг.: к постановке проблемы // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. – С.569–574.
- Пантелеева В.Г.* Кузубай Герд но берыктон удыс: шедьтонъёс но ыштонъёс // Пантелеева В.Г. Интыгысь дыр: Удмурт литература сярсь статьяос, дунъетъёс но ваче вераськонъёс. М.: Литературный институт, 2021. – С.45–52.
- Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник / Сост. А.Н. Уваров. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. – 220 с.
- Поздеев П.К.* Пушкин на удмурт литература // Советской Удмуртия. 1979. 6 июня.

- Фролова Г.Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. Ижевск: Удмуртия, 1982. – 232 с.
- Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Художественная литература, 1948. Т. 4. Статьи и рецензии 1856 – 1857. – 983 с.
- Яшин Д.А. Пушкин и удмуртская литература // Удмуртская правда. 1974. 6 июня.

References

- Bagaj A. A.S. *Pushkin nyrys še udmurt kylyn* [Pushkin for the first time in the Udmurt language] // *Sovetskoy Udmurtiya* [Soviet Udmurtiya]. 1949. The 5 of June.
- Barto A. *Үн'юс* [Brothers] / Translation by A. Klabukova. – М.: Young Guard. 1933. – 16 p.
- Vanyushev V.M. *Tvorcheskoe nasledie G.E. Vereshchagina v kontekste nacional'nyh literatur Uralo-Povolzh'ya* [Creative heritage of G.E. Vereshchagin in the context of the national literatures of the Ural-Volga region]. Izhevsk, 1995. – 294 p.
- Vitruk N.V. *Solnce russkoj poezii* [The Sun of Russian poetry] // *Pushkin A.S. Izbrannye proizvedeniya = Byr»em proizvedenios* [Pushkin. Selected works]. Izhevsk, 2007. – Pp. 3–26.
- Dzyuina K.N. *Udmurtskaya kniga* [Udmurt book]. 1917–1974. Izhevsk, 1976. – 280 p.
- Ermakov F.K. *Pushkin i udmurtskaya literatura* [Pushkin and Udmurt literature] // *Luch* [The ray]. 1999. No. 3–4. Pp. 27–29.
- Izmajlova-Zueva A.S. *Pushkin i udmurtskaya literatura* [Pushkin and Udmurt literature]. 2013 [https://cat.convdocs.org/docs/index-194929.html]
- Kamitova A.V. *Obraznyj mir Kuzebaya Gerda: original i perevodcheskaya interpretaciya* [Figurative world of Kuzebay Gerd: original and translation interpretation]. Izhevsk: UIHLL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006. – 192 p.
- Nacional'noe knigozhdanie Udmurtii: Stranicy istorii i sovremennost'* [National book publishing of Udmurtia: pages of history and modernity] / *Avtor-sostavitel' K.N. Dzyuina* [Author/compiler is K.N. Dzyuina]. Izhevsk, 2005. – 200 p.
- Panteleeva V.G. *O problemah poeticheskogo perevoda s russkogo na udmurtskij yazyk (na materiale perevodov stihotvorenij A.S. Pushkina i M.YU. Lermontova)* [On the problems of poetic translation from Russian into Udmurt (on the basis of translations of poems by A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov)] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt State University]. 1993. No. 6. – Pp. 84–92.
- Panteleeva V.G. *Granicy original'noj i perevodnoj udmurtskoj literatury 1920-h – 1930-h gg.: k postanovke problemy* [The boundaries of the original and translated Udmurt literature of the 1920s – 1930s: to the formulation of the problem] // *Finno-ugorskij mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statej po materialam VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies] (Izhevsk, the 4–7 of June 2019.) / UdmFICUR O RAN. – Izhevsk: Anna Zelenina Publishing House, 2019. – Pp. 569–574.
- Panteleeva V.G. *Kuzebaj Gerd no berykton udys: shed'ton»yos no yshton'jos* [Kuzebay Gerd and literary translation: successes and losses] // *Panteleeva V.G. Intyys' dyr: Udmurt literatura syarys' stat'yaos, dun»et»yos no vache veras'kon'jos* [Local time: Articles, reviews and interviews about Udmurt literature]. М.: Maxim Gorky Literature Institute, 2021. – Pp. 45–52.
- Pisateli i literaturovedy Udmurtii: Biobibliograficheskij spravocnik* [Writers and literary critics of Udmurtia: Bio-bibliographic reference book] / A.N. Uvarov. Izhevsk: Association «Scientific book», 2006. – 220 p.
- Pozdeev P.K. *Pushkin no udmurt literatura* [Pushkin and Udmurt literature] // *Sovetskoy Udmurtiya* [Soviet Udmurtiya]. 1979. The 6 of June.
- Frolova G.D. *Udmurtskaya kniga. Istoriya knigopechataniya. Sovremennaya kniga* [Udmurt book. History of printing. Modern book]. Izhevsk: Udmurtiya, 1982. – 232 p.
- Chernyshevskij N.G. *Poln. Sobr. Soch.: V 15 t.* М.: Hudozhestvennaya literatura [Complete works in 15 volumes: Fiction]. 1948. V. 4. Stat'ii i recenzii [Articles and reviews] 1856–1857. – 983 p.
- Yashin D.A. *Pushkin i udmurtskaya literatura* [Pushkin and Udmurt literature] // *Udmurtskaya Pravda* [Udmurt truth]. 1974. The 6 of June.

УДК 821.511.132-3.09

Т.Л. Кузнецова
Сыктывкар

№ 1 (20) (2022)
«Наследие»

В ПЕРЕЖИВАНИИ ЖИЗНИ ... (К 85-ЛЕТИЮ КОМИ ПИСАТЕЛЯ Е.В. РОЧЕВА)

Цитирование: *Кузнецова Т.Л. В переживании жизни... (к 85-летию коми писателя Е.В. Рочева) // Наследие. 2022, № 1. – С.154–164.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.10>

Citation: *Kuznecova T.L. V perezhivanii zhizni... (k 85-letiju komi pisatela E.V. Rocheva) [In the experience of life ... (to the 85th anniversary of the Komi writer E.V. Rochev)] // Nasledie [Heritage]. 2022. No.1. – pp.154–164.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.10>

В статье рассмотрено творчество Е.В. Рочева (1937–2012), самобытного коми писателя, выявлены особенности художественного осмысления им отношений современника с миром.

Ключевые слова: коми литература, современная коми проза, творчество Е.В. Рочева, лирическое переживание, ироничность.

Kuznecova T.L. In the experience of life... (to the 85th anniversary of the Komi writer E.V. Rochev)

The article considers the work of E.V. Rochev (1937–2012), an original Komi writer; reveals the peculiarities of his artistic understanding of contemporary relations with the world.

Key words: Komi literature, modern Komi prose, E.V. Rochev's work, lyrical experience, irony.

Егор Васильевич Рочев входит в ряд крупных, известных коми писателей, включающий в себя Г.А. Юшкова, И.Г. Торопова, П.Ф. Шахова, В.В. Тимина, Н.Н. Куратову и др., которые определяют художественный облик коми литературы 1960–1980-х гг.; в произведениях многих из них воссоздан и очень непростой период жизни страны конца XX – начала XXI в.

Произведения Е. Рочева занимают в современной коми литературе особое место. Он – один из немногих коми писателей, чье творчество связано с тундрой. Родившийся в Большеземельской тундре, в семье потомственных оленеводов, Е. Рочев не понаслышке знает непростое ремесло, особенности жизни обитателей тундры. Представи-

Е.В. Рочев

тель ижемских коми, он воссоздает в своих произведениях особенности культуры этой этнической группы.

Традиции оленеводства, рыболовного и охотничьего промыслов, быт, сформированный суровыми климатическими условиями, во многом определили своеобразие характеров его героев (повести «Батьлӧн ордым» – Тропа отца, 1971; «Дзолук» – Малышок, 1980; «Тер Мишлӧн висътасьӧм» – Исповедь Тер Миша, 1986; «Кузь вӧт» – Долгий сон, 1995; «Кӧрысь тэрыбджык» – Быстрее оленя, 1998; пьесы «Сӧмтӧм ёльяс» – Нержавеющие ручьи, 1986*; «Тӧлын оз дзордзавны пуяс» – Зимой не цветут деревья, 1991; рассказы «Праскан» – Праскан, 1974; «Тундраса кутш» – Тундровый орел, 2006 и др. произведения). Заботами о тундре живет герой дилогии «Лӧз тундра» (повести «Батьлӧн ордым», «Дзолук») Виктор Канев, бригадир оленеводческого колхоза. Его конфликт с чиновником, по вине которого произошел падеж оленей, составляет одну из сюжетных линий произведения. Трагический окрас принимает сюжетная линия, связанная с жестокостью браконьеров по отношению к олененку Дзолук (Малышок), которого выкормил и вырастил Виктор. Автор выразительно характеризует специфику жизни оленеводов. «Праскан туйын чужлис и туйын олис ... Олӧм серыс нин сэтшӧм Прасканлӧн – лӧнь ю моз визувтӧ» (Праскан в дороге родился и в дороге живет ... Образ жизни такой у Праскана – течет подобно спокойной, неторопливой реке)** – говорится об одном из героев (рассказ «Праскан»).

Тундра не только «составляет» смыслообразующие аспекты творчества Е. Рочева***; картина жизни, воссозданная писателем, во многом определена особенностями мировидения жителя Крайнего Севера. В образе тундры, являющемся, пожалуй, основным в творчестве Е. Рочева, сфокусирована яркая эмоциональная энергия, имеющая лирическую природу. Формирование образа тундры коррелирует со специфической ролью субъекта повествования: в текст включены лирические обращения («Гашкӧ, тэ, тундра, кутшӧмкӧ дойяс кылан аслад еджыд морӧс выльысь? Гашкӧ, тэӧ видзысь колӧ? Кодӧ, тундра, тэнад пастукыс? Кӧни сійӧ?» – «А, может, тундра, ты какие-то боли слышишь на своей белой груди? А может, нужен тебе охраняющий? Кто, тундра, твой пастух? Где он?»), внутренние монологи («Оз байдӧг кельӧб моз цивилизацияыс шлапкысь тундралӧн нэриник мыш вылӧ, оз зверьяслӧн пашкыр лапаяс тапкӧд кизьӧр момгаа мьлыкъяссӧ, оз кӧръяс зыравны гӧна паръяснаныс кын муӧ жебиник вужъясӧн тӧкӧтьӧ пысасьӧм керчьяссӧ, а морт вежӧрӧн чужтӧм кӧрт багатыр, кодӧ аслас помтӧм вынӧрысь тӧралӧ став тушанас, быттьӧкӧн збыльысь сійӧ мыйыськӧ скӧрмӧма, уялӧ тундратӧ, гыжъяснас парсалӧ небыдик му эжсӧ. Ок, пеж тай “багатыръяслӧн” гыжыс вӧлӧма» – «Нет, не стая куропаток садится цивилизация на хрупкую спину тундры, не душистые лапы зверей бегают по холмам, не олени трогают мохнатыми губами слабенькие ветки багульника, а созданный человеческим разумом железный богатырь, словно действительно отчего-то рассердился, ползает по тундре, когтями царапая мягкую поверхность земли. Ох, скверными, погаными когти того “богатыря” оказались»). Е. Рочев не только живописует

* По пьесе Е.В. Рочева «Сӧмтӧм ёльяс» был поставлен спектакль республиканским драмтеатром.

** Здесь и далее перевод Т.Л. Кузнецовой

*** В абсолютном большинстве произведений Е. Рочева воссозданы повседневная жизнь обитателей тундры, этнография ижемцев, особенности нелегкого труда оленеводов, описана природа тундры [Кузнецова, 2003а].

тундру, но и ставит вопрос о необходимости бережного к ней отношения: «Коді нō талун дорьяс тундрасō? ... Мый лоō локтан поколенияескōд, сэтчōс олысьяскōд, кōр видзысьяскōд да промысловицьяскōд...» (Кто же сегодня защитит тундру? ... Что будет с будущими поколениями, там проживающими, с оленеводами и промысловиками...), – горько размышляет автор (публицистическое эссе «Кутшōмōсь асьным» – Какие сами, 1991). С тундрой, ее природой и климатом связаны не только образ жизни и характер героев произведений Е. Рочева, но и особенности их мироосмысления, переживание ими отношений с миром. Так, личностные установки нравственного характера, что составляют основу важнейших ценностных ориентиров героев произведений Е.В. Рочева, связаны и с тундрой. «Кор нитшялō мортлōн сōвестьыс, сэки гōльмō нитшкыс тундра эжсьыс» (Когда покрывается мхом совесть человека, тогда беднеет мох на поверхности тундры), – утверждает старый оленевод, герой пьесы «Сітōм ёльяс» (Нержавеющие ручьи, 1986). И познание глубоких чувств героями сопряжено с тундрой. «Но кор тэ матын, Дуня, кор видзōда тэнад сōд синьясō, сэки тундраыс став мичлуннас ворсō ме пытшкын. Визув шор пожьялō лолōс, лōз мусюрыс меліа-меліа чуксалō ас дорас, енэжті лэбысь турияс чуксасьōны мекōд. А гашкō, збыльысь чуксасьōны мекōд!» (Но когда ты близко, Дуня, когда смотрю в твои черные глаза, тундра всей красой играет во мне. Живой, подвижный ручей омывает душу, синяя возвышенность нежно-нежно призывает к себе, летящие в небе журавли перекликаются со мной. А может, на самом деле перекликаются со мной!) – страстно и убедительно говорит о своих чувствах Гора Оль (Громкий Алексей), оленевод, герой пьесы Е. Рочева «Сітōм ёльяс» (Нержавеющие ручьи, 1986).

Особые тона получает образ тундры в произведениях Е. Рочева, адресованных детям*. Образ Митрука, маленького обитателя тундры, героя произведения, переведенного на многие языки, стал своеобразным олицетворением Севера.

Отношение Е. Рочева к миру неизменно иронично**; вечное стремление обнаружить противоречивую основу сущего и готовность рассмотреть парадокс придают аналитичность его мышлению и стилю. Для манеры письма Е. Рочева характерно стремление к внешней объективности повествовательной формы при наличии внутреннего эмоционально-оценочного содержания. Е. Рочев, чья проза в ироническом осмыслении весьма выразительно характеризует драматичную современность, обнаруживает искони присущую ему мудрость, сомневаясь, вызывая иронический эффект в вечном стремлении приблизиться к истине; самоирония, выражая особенности мышления автора, связана с мировоззренческими установками. Конструируя утопический сюжет, выражая возвышенные, весьма далекие от реальности футурологические проекты в повести «Кузь вōт» (Долгий сон, 1995), Е. Рочев ироничен, и ирония его исполнена горечи и высокой силы (в особенностях художественно-

* Цикл рассказов Е. Рочева о сыне оленевода Леве был переработан: на его основе написана на русском языке повесть «Маленький Митрук и большая тундра» (главный герой получил имя Митрук) для детей младшего школьного возраста, которая вышла в свет в Москве в издательстве «Детская литература» (1974). Она получила широкую известность, была переведена на украинский, молдавский, эстонский, удмуртский и др. языки. В 1983 г. Е. Рочев опубликовал ее продолжение – повесть «Митрук петō тундраысь» (Митрук покидает тундру). В 1998 г. увидела свет следующая повесть Е. Рочева о Митруке – «Кōрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя).

** О категории комического в творчестве Е. Рочева подробнее: [Кузнецова, 1994, с.55–57]; [Кузнецова, 2003б, с.147–151].

го осмысления времени, конечно, нашли выражение эсхатологические ощущения, столь обострившиеся в период конца XX – начала XXI в.). Мудрая отстраненность от второстепенных факторов, во многом связанная с особенностями иронического мышления Е. Рочева, придает силу и величие его смеху. Невозмутимость, уверенность, необъяснимая устойчивость словно окрыляют его иронический взгляд на жизнь. И хотя горькая в своей безысходности ирония, коей рождены красочные картины утопии, апокалиптична, некая сила стоит за ней.

И в ярких, красочных футурологических картинах, изображенных в повести «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995), дает о себе знать уверенный, но всегда скрытый от читателя взгляд автора: в абсолютной несбыточности, нарочитой оторванности от реальности – трансформированный яд иронии. Комическое в прозе Е. Рочева, будучи связано с мировоззренческим началом, обладает своими особенностями: оно имеет глубинный характер, концентрируясь в плоскости сознания автора, прорываясь в стиле. Спектр комического Е. Рочева сдержан и сгущен.

В осмыслении жизни Е. Рочев тяготеет к формам условности: разрушение форм жизнеподобия Е. Рочевым обусловлено засильем эсхатологических ощущений. В трансформации жизнеподобных форм в повести Е. Рочева «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995) находит выражение тяготение к установлению неожиданных связей, характерное для мышления художника; на наш взгляд, именно в этом коренятся истоки условности. Со способностью формировать условные формы связано величие смеха автора. В смехе Е. Рочева находят выражение отношения с миром сильной личности, готовой к адекватному восприятию неожиданных метаморфоз жизни.

Для писателя характерно и умение создавать иронические образы. Так, об одном из героев рассказа «Сѳмын милицияѳ эн сюрѳдчы ...» (Только в милицию не пади..., 1980), в определенных ситуациях проявляющего равнодушие к алкоголю, автор пишет: «Федэр ногѳн, ичѳт сикт – дзоля кабак, ьджьд сикт – гажа кабак, а карьд сылы – аддзывлытѳм на кабак (По мысли Федора, небольшое село – маленький кабак, большое село – веселый кабак, а город для него – не виданный еще кабак)». Героев, не относящихся серьезно к жизни, живущих развлечениями, автор называет «гѳликъяс» (веники из прутьев).

Глубокий нравственно-психологический кризис, испытываемый современником*, нашел выражение и в характерах героев произведений Е. Рочева. Так, журналисту Паршукову, герою повести Е. Рочева «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995), суждено познать состояние творческого бессилия, и в конце печальной истории своей жизни он оказывается оторванным социумом элементом. Современник сражен хаосом жизни, он потерял уверенность в том, что мир можно познать и обустроить. Герой, характер которого сформирован образом жизни советского периода истории страны, повержен, уходит в прошлое. Образ Тер Миша, героя повести Е. Рочева «Тер Мишлѳн висъгасьѳм» (Исповедь Тер Миша, 1986), возымеет особое значение; он знаменует исчезновение определённого типа героя. Слова, весьма точно характери-

* Исследователями совершенно справедливо отмечено, что «в последние десятилетия внимание отечественных и зарубежных исследователей привлечено к феномену увеличения в обществе числа людей с фрагментарным, неустойчивым, индифферентным сознанием, утрачивающим историческую глубину и связность, культурную память, теряющим критерии для различения нового и старого, истины и заблуждения, правды и вымысла» [Никитина, 2009, с.31].

зующие Тер Миша: «Некутшõм тэ абу Маяк, Мишõ дядя, киссьõм овмõсын дõмас тэ, кытí пõ розялõ, сэтчõ и тэнõ йõtкõны. Тэ кодь Маякнас ог кõсйы лонь» (Никакой ты не Маяк, дядя Миша, в разрушившемся хозяйстве ты заплака, где образуется дырка, туда тебя и заталкивают. Не хочу быть таким Маяком, как ты), – играют особую художественную роль в формировании характера. Однако на смену герою, поверженному разрушительным хаосом современной жизни, пока не приходит герой, обладающий созидательной энергией.

Герой теряет гармоничность связи с миром, и сложный путь осознания этого представляет читателю автор*. Непростой опыт переосмысления прошлого, переживаемый современным обществом, воплощен и в творчестве Е. Рочева. Воспроизводит в памяти непростой жизненный путь Тер Миш в попытках понять, почему его жизнь не сложилась; обращается к прошлому и Паршуков, герой повести Е. Рочева «Кузь вõt» (Долгий сон, 1995).

В драматичный период, когда литература в полной мере осознает неразрешимость противоречий современности**, смерть героя становится красноречивым способом воплощения концептуальных взглядов писателей. «И если верно, что “одной из архитем” (термин А. Жолковского и Ю. Щеглова), увлекших художников начала века, было рождение нового мира и нового человека (при том, что эта “новизна” понималась писателями по-разному), то архитема современной литературы – смерть этого мира и этого человека» [Варламов 1997, с.69], – справедливо отмечают исследователи, характеризуя тенденции развития литературы грани тысячелетий. Показательно, что танатологические мотивы развиваются в различных жанровых формах новейшей коми прозы: самоубийство как способ решения трагических противоречий, переживаемых героем (рассказ А. Ульянова «Сьõд ар» (Черная осень, 1989), роман Б. Шахова «Овлíсны-вывлíсны» (Жили-были, 1998), рассказ М. Остаповой «Дона дневник» (Дорогой дневник, 2009) и др.), насильственная смерть героя (рассказы А. Попова «Пõрысь рака» (Старая ворона, 1989), А. Ульянова «Вõлí баба гожõм...» (Было бабье лето..., 1990) и др.), воссоздание состояния, что переживает герой, находясь между жизнью и смертью (рассказы А. Шомысовой «Олõм да кулõм костын» (Между жизнью и смертью, 2009), М. Остаповой «Дона дневник» (Дорогой дневник, 2009) и др.), изображение психологического состояния героя, потрясенного смертью близкого человека (повесть А. Лужикова «Измõм синва» (Окаменевшая слеза, 1998) и др.). Произведения Е. Рочева наглядно свидетельствуют об усугублении мотивов смерти в его творчестве. Главный герой его повести «Тер Мишлõн висьтасьõм» (Исповедь Тер Миша, 1986), испытывая чувство глубокого одиночества, все же противостоит разрушающейся реальности; его смерть в финале произведения можно расценить как неприятие героем окружающей действительности. Герой его следующей

* В ряде произведений коми прозы конца XX – начала XXI в. изобразительные функции отходят на второй план: смыслообразующее начало произведений связано с выражением особенностей мироощущения современника, остро переживающего крушение мировоззренческих основ, переосмысливающего отношения с миром. Не случайно Е. Рочев создает характер героя, обладающего тонкой психической организацией, связанного с творческой деятельностью, – это журналист Паршуков (повесть «Кузь вõt»). Миропорядок, в его ощущениях даже в малом расстроены, оказывает существенное воздействие на формирующуюся картину мира.

** О коми прозе данного периода подробнее см.: Кузнецова Т.Л. Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. – 272 с.

повести «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995) и не пытается противостоять разрушающей силе; его существование в состоянии приспособившегося – это медленная смерть (моральная и физическая). Не случайно в качестве эпиграфа писателем взяты горькие в пронизательной мудрости слова пословицы: «Шонді улын олам, кыз му улѳ пырам» (Под солнцем живем, в сыру землю уйдем). Уход героя из жизни воспринимается как естественный исход его сложных, разрушившихся отношений с миром. А в повесть «Кѳрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя, 1998) писатель вводит эсхатологические мотивы, в мрачных тонах изображая общую картину гибели природы Севера, вырождения ее обитателей.

Весьма симптоматичны такие явления в поэтике повести Е. Рочева (как и повестей других коми писателей), как формирование двухчастной композиционной структуры, когда в финале произведения происходят резкие перемены. Подобная композиционная антитеза по-своему выражает мироощущение автора и героя, переживающих крушение важных ценностных установок. Так, эпилог повести Е. Рочева «Кѳрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя, 1998) нарушает не только сюжетную линию произведения, но и его стилистическую тональность. Основанное на мудрой иронии автора повествование о Митруке сменяет насыщенный публицистическим пафосом, гневный, обличительный монолог об экологической катастрофе, которую переживает тундра. Финал судеб героев, с которым знакомит автор в эпилоге, также поражает читателя разрушительными изменениями. Ломаются судьбы героев; происходят разительные перемены и в обществе, и в природе. Автор, приближаясь к инвективе, изображает картину уничтожения тундры: «А тундраын юясѳ да шорьясѳ лэччис нефть да няйт. Некодѳс тайѳ ёнасѳ эз и дойд. Татшѳма пѳ ловзьѳ Коми муыс. Вѳр-ва жугѳдан техника сибалис быд пельсѳ. Сиктса уличяссѳ, юрныссѳ ѳшѳдѳмѳн, вомавлісны съѳд фуфайкаа да кузь бродниа дядьѳяс. А ѳд сэні некымын во сайын на ворслісны челядь, съылѳмѳн ветлісны том йѳз» (А в тундре в ручьи и реки стекает грязь и нефть. Никого это сильно и не задает. Так, мол, оживает Коми земля. Техника, разрушающая природу, укоренилась в каждом углу. Повесив голову, сельские улицы переходили дяди в черных фуфайках и длинных броднях. А ведь там еще несколько лет назад играли дети, с песнями ходили молодые люди).

Когда в осмыслении неразрешимых противоречий, в поисках независимых от политизированных концепций форм художественного решения коми проза приходит к утверждению приоритета природных – экологических, географических – факторов в развитии истории и культуры народа, автор, как и другие коми писатели, обращается к этнической, родовой, семейной генеалогии характера. Мысль о значимости природных факторов, обуславливающих нравственный опыт и судьбу личности, определяет его художественные поиски (сформировавшийся взгляд, имеющий концептуальный характер, в повести Е. Рочева «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995) находит формы выражения и в программных утверждениях). Так, разрабатывая футурологические проекты в повести «Кузь вѳт» (Долгий сон, 1995), Е. Рочев видит гармоничное будущее своего народа в максимальной близости к природе, избавлении человека от всего наносного, ненужного, чуждого естеству. «Энѳ петѳй вѳр-ва сыв-сыс!» (Не освобождайтесь от объятий природы!) – мольбой звучат мысли главного героя произведения. Писатель демонстрирует чувство готовности освободиться от

социальных детерминативных связей. Утверждение приоритета природных, естественных начал жизни, знаменующего освобождение от социальных пут, позволило выработать новый взгляд и на человека, увидев его силу и мощь, что обнажились в невероятно сложной, драматичной современной ситуации. Герой тяготеет к тому, чтобы осознать меру личной ответственности: повесть стремится выявить, насколько человек самодостаточен. В эпоху, когда герой, исполненный эсхатологическими ощущениями, в полной мере ощутил, что мир хаотичен и непознаваем, в нем появились силы, давшие возможность задать себе главный вопрос, родилось чувство ответственности (это очень важный знак, также характеризующий глубинные изменения, происходящие в сознании общества). Подспудное стремление осознать меру ответственности, осмыслить связи с обществом находит формы выражения в мотиве вины, необходимости переоценить жизненный опыт, испытать глубокое покаяние. Осуждающие ноты таятся в строках, повествующих о герое произведения Е. Рочева «Кузь вёт» (Долгий сон, 1995), бывшем журналисте, потерявшем связи с обществом, жизнью: «Вотіс стрёка лыд», «кыйис дзуг, ачыс сэтчö шедіс» (Набирал число строк, готовил ловушку, куда попал сам). В повести получает развитие мотив вины, нашедший концентрированное выражение в мысли о том, что неудавшаяся жизнь Паршукова – божья кара («Да, предок, тэ тырвыйё тайён вештін ассьыд мыжтё. Ен суд улё веськавлін») (Да, предок, ты этим полностью искупил свою вину. Божий суд наказал), – объявляет Паршукову суд в утопическом обществе будущего).

Искания писателя находят форму весьма значимой мысли о вековечном, неиссякаемом могуществе человека, аккумулирующем созидательную энергию. В исследовании очень непростых отношений с миром современника, который во влечении к гармонии пытается осмыслить глубинную связь времен, понять, каково его место в мире, прозаик открывает сферу его мироощущения, связи с обществом – нацией, родом, семьей. Освобождаясь от идеологизированных взглядов, как и многие другие коми писатели, Е.В. Рочев концентрирует внимание на семейно-родовых отношениях, органично связанных с национальным опытом. Национальное воспринимается писателем в единстве с семейно-родовым началом и потому как абсолютно естественное. Взгляд на природу национального, выраженный в произведениях Е. Рочева, также отражает процесс глубоких раздумий и переосмысления исторического опыта общества. Семейно-родовые основы жизни рассматриваются как определяющие, формирующие духовный опыт личности, и это утверждение, выработанное в поисках, несомненно, имеет важное значение. Тотальное одиночество героя повести Е. Рочева «Кузь вёт» (Долгий сон, 1995), изуродованного социально-политической системой, изолированного от семьи, утратившего связи с родом, моральными устоями, выработанными веками, приводит не только к нравственному оскудению – герой теряет связь с миром. Гармоничность мироощущения во многом обусловлена и семейно-родовым единством.

Стремление писателя осмыслить связь времен при преобладании эсхатологических настроений, духа разрушения, пафоса негатива нашло выразительные формы и в утопическом мышлении. Апокалиптические ощущения, во многом определяющие и природу утопического мышления, находят форму выражения в грустной самоиронии. Так, в повести «Кузь вёт» (Долгий сон, 1995) Е. Рочев, обращаясь к традиционному приему утопической литературы – изображению прекрасного будущего

во сне, создавая яркие фантастические картины будущего*, не смог насытить их силой подлинной веры. Уничижительно-едкая ирония, развенчивающая, разрушающая советское прошлое, таится все-таки в области мировоззренческих основ творчества автора: в красочных утопических зарисовках заложена некая вечная несбыточность. Утопия Е. Рочева – словно явно недостижимая и потому ироничная мечта, рожденная в минуту отчаяния. Она создана, чтобы составить иронический контраст советской реальности, и, в сущности, строится на обломках разрушающегося мира, является своего рода плачем по рухнувшему, безвозвратно ушедшему (видимо, близки к истине утверждения исследователей о том, что «утопическая мечтательность – форма ностальгии» [Чаликова, 1990, с. 437]). Хотя социально справедливое, благополучное устройство жизни в городе Шондікар (Солнечный город) выражает идеальные представления автора, в основе сюжета о чудесном, мудром обществе будущего лежит мысль о неверии в духовную мощь человека. Неспроста президент, управляющий утопическим государством, – робот. «Президентлысь нырвизь вежны некод оз вермы. Сы вöсна йöзлөн юр оз вись» (Политику президента никто не может изменить. Из-за этого голова у людей не болит), – считает необходимым подчеркнуть автор. Оттого радужные фантастические картины, представляющие утопию, согреты чувством глубокой грусти; ощущение безысходности питает сознание автора. Совмещая черты научно-технической и социальной утопии, мысленный эксперимент Е. Рочева вызван к жизни безнадежным отчаянием и глубокой депрессией: постоянным фоном безоблачной жизни Шондікара служит повествование о нелепом, абсурдном существовании советского общества (так, автор, устанавливая парадоксальные связи, иронически снижает изображение: «Тэ он ас йывсьыд висьтась, а аслад пон йылысь мойдан. Тадзи оз позь. Судын колö веськыд кыв» (Ты не о себе рассказываешь, а о своей собаке ведешь речь. Так нельзя. Суду нужна правда), – слышит Паршуков от обитателей Шондікара в ответ на откровения). Этот своеобразный параллелизм, исполненный иронического контраста, выражает мироотношение автора. В утопии Е. Рочева нашел выражение импульсивный вызов обезумевшему миру, это – найденный в едином порыве способ уйти от реальности.

Горькое в своей убежденности осознание неотвратимости происходящих разрушительных перемен, породившее гротескной силы образ героя повести Е. Рочева «Кöрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя, 1998) Семена Ивановича, язык которого достиг невероятных размеров, также освещено некой могучей энергией, что аккумулируется авторским началом: «... Кывйыс эз кут воддза мозыс уджавны да, сыысь ли мöдторйысь, заводитис вом пытшкас ыджыны, – не то госсялö, не то быдмö. ... Олöвылö Семен Ивановичлөн кывйыс аслас местаын пенсионер моз, и водзö госсялö ...» (Язык не стал работать, как прежде, и оттого ли от другого начал увеличиваться внутри рта – то ли жиреет, то ли растет... Живет-поживает язык Семена Ивановича на своем месте, как пенсионер, и дальше жиреет...)** . Художественное решение, к которому приходит Е. Рочев, выражает явившуюся в отчаянии мысль о вырожде-

* В.А. Латышева вполне справедливо утверждает, что в повести Е. Рочева фантастика включает утопический идеал [Латышева, 1998].

** Следует отметить, что Е. Рочев обращается и к автореминисценции: данный мотив – заболевание языка вследствие того, что герой в течение жизни говорил много неправды, – получает развитие и в его рассказе «Чеччы да эн дыр гыжъясь» («Вставай да долго не почесывайся», 2004).

нии: образ героя повести, чей язык принял патологические формы, выражает болезненные формы мироощущения современника. Образ, в основе которого лежит гипербола, наполняется силой гротеска; под воздействием апокалиптических предчувствий ирония Е. Рочева облачается в мрачные тона. В художественных формах, рожденных Е. Рочевым*, словно нашел концентрированное выражение дух времени. Следует отметить, что данный образ героя Е.В. Рочева имеет аллюзии и с творческим миром Н.В. Гоголя: на наш взгляд, в нем нашел отражение носологический сюжет**. Действительно, «апокалиптическое мышление Н.В. Гоголя», по мысли исследователей, сформировавшее «особую поэтику – “неклассическую”, поэтику деформаций» [Клягина, 2007, с.125], во многом близко мироощущению современника, остро чувствующего катастрофичность мира: «Проблема безумия мира и (...) абсурда, поэтика фантастического и гротеска, мирообраз сумасшедшего дома и форм национальной рефлексии – все это сделало гоголевские тексты поистине “формами времени”» [Янушкевич, 2003, с.90] (на наш взгляд, утверждение исследователя, устанавливающее связь творчества Н.В. Гоголя с русской литературой 1920–1930-х гг., сохраняет свою актуальность и по отношению к литературам народов России конца XX – начала XXI в.). Думается, вполне справедливо отмечено литературоведами, что с современной литературой наследие великого русского классика сближает и то обстоятельство, что особенности мировосприятия Н.В. Гоголя определяются убеждением, что «мир находится во власти темных, демонических сил» [Мещанский, 2010]. «У Гоголя было исключительное по силе чувство зла. Творчество Н.В. Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего», – утверждает Н.А. Бердяев [Бердяев, 2010, с. 279–280]. На наш взгляд, в развитии носологического сюжета нашли выражение разрушение целостности мира и разрыв привычных связей и отношений. «Так распадается, расплывается в ничто мир, в котором все оказывается не тем, что есть, в котором предметы превращаются один в другой, Собакевич оказывается “медведем средней величины”, Плюшкин – “прорехой на человечестве”, дворянин – “разбойником”, нос – “статским советником”, “господином в мундире”, “шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага” и т. д.», – характеризуют исследователи художественный мир Н.В. Гоголя [Чижевский, 2010, с. 124].

И коми прозаик Е. Рочев в художественных поисках приходит к формам, выражающим деформацию естественных связей и отношений. Воссозданная Н.В. Гоголем картина мира близка художественному мышлению Е. Рочева***.

Итак, творчество Е.В. Рочева представляет собой достаточно своеобразное художественное явление. В переживании жизни самобытным коми писателем значима роль авторского отношения, приобретающая субъективность особого рода, что нашло выразительное воплощение в лирическом образе тундры. Особенности художественного мышления автора коррелируют и с ироничным взглядом на происходящее, что выражается также в условных формах. В его творческих исканиях воссоздан противоречивый лик жизни, выразились эсхатологические ощущения современни-

* В данном случае разрушение форм жизнеспособности связано с выражением авторского отношения.

** Сюжет, получивший воплощение в рассказе Н.В. Гоголя «Нос».

*** Об этом подробнее: Кузнецова Т.Л. Проза коми писателя Е.В. Рочева: литературные истоки // Наследие. 2016, №2 (9). – С.83–93.

ка, его стремление осознать меру личной ответственности за разрушившиеся связи и отношения, утвердиться в собственных силах и возможностях.

Литература

- Бердяев Н.А.* Гоголь в русской революции // Бердяев Н.А. Души русской революции // Вехи. Из глубины [сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.А. Канищева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С.279–286.
- Варламов А.Н.* О дне же том и часе никто не знает... Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX в. // Лит. учебн. 1997. Книга 5–6, сентябрь–октябрь. – С.69–77.
- Клягина Л.Р.* Художественное сознание Гоголя в прозе начала XX века (Д. Хармс и К. Вагинов) // Литература Урала: История и современность. Сборник статей. Вып. 3. Т. 1. Екатеринбург, 2007. – С.125–129.
- Кузнецова Т.Л.* Комическое в коми литературе. Сыктывкар, 1994. – 73 с.
- Кузнецова Т.Л.* Сöстöмлы да бурлы эскö (Верит в чистое и хорошее) // Кузнецова Т.Л. Литература сöвман туйяс: гижысь да кад (статья чукöр) (Пути развития литературы: Писатель и время (сборник статей). Сыктывкар: Эскöм, 2003а. – С.16–25.
- Кузнецова Т.Л.* Кыпид видзöдлас да теш (талунья прозаын серамбана визь) // (Жизнерадостный взгляд и смех, шутка (комическое в современной коми прозе) // Кузнецова Т.Л. Литература сöвман туйяс: гижысь да кад (Пути развития литературы: Писатель и время (сборник статей). Сыктывкар, 2003б. – С.147–151.
- Кузнецова Т.Л.* Проза коми писателя Е.В. Рочева: литературные истоки // Наследие. 2016, № 2 (9). – С.83–93.
- Кузнецова Т.Л.* Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. – 272 с.
- Латышева В.А.* Чуймöдана кузь вöт (Поразительный длинный сон) // Войвыв кодзув (Северная звезда). 1998, № 6. – С.74–76.
- Мещанский А.Ю.* Художественная интерпретация гоголевских образов в творчестве Н. Садур // Вестник Поморского университета. 2010, № 1. – С.56–60.
- Никитина Е.А.* В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли «я»? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2009, № 5. – С.31–44.
- Чаликова В.А.* Послесловие // Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. – С.436–448.
- Чижевский Д.И.* Гоголь как художник и мыслитель // Вопросы философии. 2010, № 1. – С.118–129.
- Янушкевич А.С.* Стилистические мифологемы Гоголя в пространстве русской литературы 1920–30-х годов // Текст. Поэтика. Стиль: Сборник научных статей. Екатеринбург, 2003. – С.88–110.

References

- Berdyayev N.A. *Gogol' v russkoj revolyucii* [Gogol in the Russian revolution] // Berdyayev N.A. *Duhi russkoj revolyucii* [Spirits of the Russian revolution] // *Vehi. Iz glubiny* [sost., avtor vstup. st. i komment. N.A. Kanishcheva] [Milestones. From the depths [compiler, author of the introductory article and commentaries N.A. Kanishcheva]]. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. – Pp.279–286.
- Varlamov A.N. *O dne zhe tom i chasa niko ne znaet... Apokalipticheskie motivy v russkoj proze konca XX v.* [No one knows about the day and hour... Apocalyptic motifs in Russian prose of the late 20th century] // *Lit. uchyoba. 1997. Kniga 5–6. – sentyabr' – oktyabr'*. [Literary studies. 1997. Book 5-6. – September – October.] – Pp.69–77.
- Klyagina L.R. *Hudozhestvennoe soznanie Gogolya v proze nachala XX veka (D. Harms i K. Vaginov)* [Gogol's artistic consciousness in prose of the early twentieth century (D. Kharms and K. Vaginov)] // *Literatura Urala: Istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statej. Vyp. 3. T. 1.* [Literature of the Urals: History and modernity. Collection of articles. Issue 3. Volume 1] Екатеринбург, 2007. – Pp.125–129.
- Kuznetsova T.L. *Komicheskoe v komi literature* [Comic in Komi literature]. Syktyvkar, 1994. – 73 p.
- Kuznetsova T.L. *Söstömly da burly eskö (Verit v chistoe i horoshee)* [Believes in the pure and the good] // Kuznetsova T.L. *Literatura sövman tujyas: gizhys' da kad (statya chukör) (Puti razvitiya literatury:*

- Pisatel' i vremya (sbornik statej)* [Ways of literature development: Writer and time (collection of articles)]. Syktyvkar: Esköm, 2003a. – Pp.16–25.
- Kuznetsova T.L. *Kypyd vidz'ödlas da tesh (talunja prozayn serambana viz') // (zhizneradostnyj vzgl'ad i smeh, shutka (komicheskoe v sovremennoj komi proze)* [Cheerful look and laughter, joke (comic in modern Komi prose)] // Kuznetsova T.L. *Literatura sövman tujyas: gizhys' da kad (statya chukör) (Puti razvitiya literatury: Pisatel' i vremya (sbornik statej)* [Ways of literature development: Writer and time (collection of articles)]. Syktyvkar, 2003b. – Pp. 147–151.
- Kuznetsova T.L. *Proza komi pisatelya E.V. Rocheva: literaturnye istoki* [Prose of Komi writer E.V. Rochev: literary origins] // *Heritage*. 2016, No.2 (9). – Pp.83–93.
- Kuznetsova T.L. *Komi proza konca XX – nachala XXI veka: opyt hudozhestvennyh poiskov*. [Komi prose of the late XX-early XXI century: the experience of artistic searches]. M.: IMLI RAN, 2020. – 272 p.
- Latysheva V.A. *Chujmödana kuz' vöt (Porazitel'nyj dlinnyj son)* [Amazing long dream] // *Vöjvyv kodzuv (Severnaya zvezda)* [North Star]. 1998, No. 6. – Pp.74–76.
- Meshchansky A. Yu. *Hudozhestvennaya interpretaciya gogolevskih obrazov v tvorcestve N. Sadur* [Artistic interpretation of Gogol images in the work of N. Sadur] // *Vestnik Pomorskogo universiteta* [Bulletin of the University of Pomerania]. 2010, No. 1. – Pp.56–60.
- Nikitina E.A. *V poiskah utrachenogo edinstva soznaniya: ischezlo li «ya»? [In search of the lost unity of consciousness: has the «I» disappeared] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy] 2009. No.5. – Pp.31–44.
- Chalikova V.A. *Posleslovie* [Afterword] // Shatsky E. *Utopiya i tradiciya* [Utopia and tradition]. M.: Progress, 1990. – Pp.436–448.
- Chizhevskij D.I. *Gogol' kak hudozhnik i myslitel'* [Gogol as an artist and thinker] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2010, No.1. – Pp.118–129.
- Yanushkevich A.S. *Stilisticheskie mifologemy Gogola v prostranstve russkoj literatury 1920–30-h godov* [Gogol's stylistic mythologems in the space of Russian literature of the 1920s and 30s] // *Tekst. Poetika. Stil': Sbornik nauchnyh statej* [Text. Poetics. Style: Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, 2003. – Pp.88–110.
-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 316

О.Ю. Кузиванова
Сыктывкар

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИТИРИМ СОРОКИН И ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ XXI В.» 26–28 мая 2022 г.

Цитирование: Кузиванова О.Ю. Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.» 26–28 мая 2022 г. // Наследие. 2022, № 1. – С.165–170.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.11>

Citation: Kuzivanova O.Yu. *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Pitirim Sorokin I paradigmy global'nogo razvitija XXI veka» 26–28 maja 2022 g.* [The International Scientific Conference «Pitirim Sorokin and paradigms of global development of the XXI century» May 26–28, 2022] // *Nasledie* [Heritage]. 2022. No.1. – pp.165–170.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.11>

26–28 мая 2022 г. в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина состоялась Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.», которая проходит регулярно с периодичностью 2–3 года, а в нынешнем году – также в преддверии 135-летия со дня рождения П.А. Сорокина. Кроме того, конференция была приурочена к 50-летию юбилею Сыктывкарского государственного университета (далее – СГУ).

Организаторами конференции выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Министерство национальной политики Республики Коми, СГУ им. Питирима Сорокина, ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина».

Пленарное заседание открыл доклад доктора философских наук, директора Социологического института РАН Владимира Вячеславовича Козловского на тему **«Интеллектуальная репатриация социологии Питирима Сорокина»**.

Докладчик предложил посмотреть на возвращение имени и наследия П.А. Сорокина на Родину, в Россию, как на «интеллектуальную репатриацию», включающую в себя не только публикацию и популяризацию работ ученого, но и использование его идей в развитии отечественной теоретической социологии. По мнению автора доклада, это позволит избежать излишней мемориализации и музеефикации наследия Сорокина, а значит, и определенной «мумификации». Сам Сорокин, по образному выражению В.В. Козловского, был «шахтером науки»: ежедневно перерабатывал массу информационного материала, следил за состоянием науки, особенно социальных и гуманитарных наук. Поэтому необходима некая трансформация наследия П. Сорокина. Во-первых, наследие П. Сорокина должно рассматриваться в контексте всех современных ему исканий, российских, международных, в ряду других представителей русского зарубежья. Во-вторых, социология Сорокина, его творческое наследие – это ключ к пониманию современности. Сегодня все страны стоят перед цивилизационными вызовами. Социологический институт ведет крупный исследовательский проект, посвященный применению цивилизационного подхода в анализе современных процессов российских сообществ. Проводятся исследования в Ленинградской области, Карелии, Архангельской, Вологодской областях, изучаются малые города и поселения. Основная задача – выявить цивилизационный потенциал развития региона. Данный подход позволяет применить и концепцию социокультурной динамики Сорокина, потому что главный ресурс региона – это прежде всего люди, культура.

Сегодня, по мнению докладчика, главная задача – это изучение особенностей цивилизационного развития, определение собственной идентичности российского общества. Модель суверенного цивилизационного развития – то, о чём мы сегодня вынуждены говорить в связи с ограничениями и санкциями. И социологическое наследие Сорокина дает нам инструменты исследования, а также ответы на многие вопросы.

Следующим докладчиком был доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Международного центра социальных исследований СГУ им. Питирима Сорокина Николай Федосеевич Зюзев. Тема его выступления – **«К вопросу о региональной интеллектуальной идентичности»**.

Докладчик дал высокую оценку деятельности СГУ и Центра «Наследие» им. Питирима Сорокина по изданию, изучению и популяризации трудов П.А. Сорокина за последнее десятилетие и в связи с этим сформулировал более широкую и комплексную задачу следующего этапа – формирование региональной интеллектуальной идентичности. По мнению Н.Ф. Зюзева, необходимо посмотреть более широко на круг лиц, которые внесли свой вклад в историю культуры и науки Республики Коми, были причастны к важнейшим событиям ее истории. Все они в той или иной

степени обогатили культурный и интеллектуальный потенциал республики, внесли вклад в создание ее имиджа и поэтому достойны того, чтобы их наследие изучалось и популяризировалось. Например, известный коми писатель и философ Каллистрат Фалалеевич Жаков. К сожалению, в республике он больше известен как писатель, но он был и оригинальным философом, написал философский трактат «Лимитизм». Кроме того, он был причастен к становлению молодого Сорокина как ученого, их взгляды во многом пересекались. Между тем «Лимитизм» в республике еще не издавался.

Василий Васильевич Налимов был на территории Коми края только один раз, но его отец родился в с. Вильгорт, потом уже работал в Москве, был профессором этнографии. Несмотря на это, В.В. Налимов воспринимается в республике как свой, местный. В.В. Налимов – один из самых интересных русских философов второй половины XX в., самых оригинальных, самых сложных, самых парадоксальных. Издано довольно много его книг, но основное философское наследие выходило за океаном, на английском языке и никогда не переводилось на русский язык.

Лев Платонович Карсавин был связан с республикой трагической судьбой – он был узником ГУЛАГа. Анатолий Александрович Ванеев, который был вместе с ним в лагере, впоследствии стал очень известным религиозным философом. Револьт Иванович Пименов, которого в республике знают больше как выдающегося математика, писал и социальные трактаты. Выдающийся коми писатель Геннадий Анатольевич Юшков – автор многих общественно-публицистических текстов, в которых, безусловно, есть важные и интересные мысли. Все эти люди – представители интеллектуальной элиты, их труды надо изучать.

Кроме того, остается еще очень слабо изученным сорокинский круг, те, с кем П.А. Сорокин вместе учился, работал в университете, дружил в эмиграции. Это выдающиеся мыслители, историки, философы. Докладчик предложил объединить исследователей, занимающихся наследием этой плеяды ученых, в особое сообщество при университете для регулярных встреч, обмена информацией и совместной публикации трудов.

Выступление кандидата педагогических наук, ученого секретаря Западного филиала РАНХиГС (Калининград) Владимира Ивановича Шаронова было посвящено теме **«Судьба и наследие Льва Карсавина в историко-культурном ландшафте Республики Коми»**.

Жизнь и судьба выдающегося русского религиозного философа и историка Л.П. Карсавина трагически переплелась с историей Республики Коми. Как отмечалось выше, он находился в лагере ГУЛАГа и похоронен на лагерном кладбище в п. Абезь Интинского района. Докладчик рассказал о многолетнем поиске могилы ученого с привлечением воспоминаний друзей и архивных документов. По мнению В.И. Шаронова, фигуры двух выдающихся ученых – П.А. Сорокина и Л.П. Карсавина – вполне сопоставимы по масштабу исследовательской деятельности: как и Сорокин, Карсавин создал фундаментальные труды (по истории европейской культуры, «О началах», «Философия истории» и др.). Оба написали ряд трудов по революции. Когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. имя Сорокина стало возвращаться в российскую науку и на малую родину, в Республику Коми, шел процесс восстановления имен выдающихся людей, прошедших лагеря ГУЛАГа в республике. Именно

тогда впервые в республике стали публиковать статьи о выдающемся философе Карсавине.

Как отметил докладчик, в отличие от Сорокина, системной работы по сохранению памяти Карсавина в республике не получилось, мемориализация кладбища в Абези и исследовательская работа по этой теме остались на уровне Интинского краеведческого музея. «Два года в Абези: В память о Л.П. Карсавине» А.А. Ванева – единственное произведение, благодаря которому имя Карсавина для мировой философской науки прочно связано с республикой. В.И. Шаронов поддержал мнение предыдущих выступающих относительно того, что необходимо расширить научную работу за счет включения в сферу государственного интереса сохранения памяти и наследия других выдающихся ученых, связанных судьбой с Республикой Коми. В этом может быть задействован как СГУ им. П. Сорокина, так и Центр «Наследие».

Доцент кафедры теории и истории социологии факультета социологии ПБГУ, кандидат социологических наук Марина Васильевна Ломоносова представила доклад на тему **«Петражицкий Леон Иосифович – учитель Питирима Сорокина. Голод, право и нравственность»**.

Л.И. Петражицкий – выдающийся российский правовед, социолог и философ. Он оказал большое влияние на становление отечественной социологии как учений, работавший психологическую теорию права, и как профессор Санкт-Петербургского университета, определивший научное мировоззрение своих учеников – будущих социологов с мировым именем. Как отметила М.В. Ломоносова, Петражицкий одним из первых предложил изучать право как социальное явление, его предложение было развито П.А. Сорокиным. Докладчик особо обратила внимание на то, что фундаментальное исследование Сорокина «Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» во многом опирается на основные положения научного наследия Л. Петражицкого.

Петражицкий разработал типологию мотиваций правового поведения, концепцию социальной солидарности и альтруизма, выявил «эмпирические законы» эволюции наград и наказаний. Его идеи Сорокин развивал в своих концепциях и теориях как в российский, так и в американский период научного творчества, а главная теоретическая двухтомная работа Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» была по инициативе Сорокина переведена на английский и под названием «Право и мораль» издана в 1955 г. в США.

М.В. Ломоносова акцентировала внимание на том, что П.А. Сорокин впитал, развил и критически переосмыслил основные положения и методологические установки своего учителя. По мнению докладчика, российские академические традиции, заложенные в начале XX в. М.М. Ковалевским, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицким, Н.И. Кареевым и другими выдающимися российскими учеными, получили свое развитие в мировой науке благодаря научной и организационной деятельности П.А. Сорокина, Н.С. Тимашева, Н.Н. Головина, Г.Д. Гурвича и целой плеяды выдающихся российских ученых.

Завершило пленарное заседание выступление старшего преподавателя кафедры общей социологии НИУ ВШЭ, кандидата социологических наук Александра Юрьевича Долгова на тему **«Рецепции сорокинско-интегрализма в современной американской социологии»**.

Автор доклада обратился к рассмотрению статей американских социологов, посвященных идеям сорокинского интегрализма и применению их в современных теоретических и эмпирических социальных исследованиях. Статьи были опубликованы в сборнике ИНИОН РАН «Идеи интегрализма в социальных науках: дискуссии российских и американских исследователей» (Москва, 2022).

По мнению А.Ю. Долгова, несмотря на то, что интегрализм является своего рода вершиной творчества Сорокина, он остается во многом малопонятным и непринятым в социальных науках. Частично это связано с тем, что на интегрализме поставлено клеймо чего-то странного, ненаучного, преобладает точка зрения, что в поздний период творчества Сорокин ушел в религиозные поиски и в его работах стал преобладать стиль пророческой проповеди, а не научной аргументации. В то же время, хотя интегрализм не стал мейнстримом в социальных науках, сложилось сообщество его последователей, для которых интегрализм не только объект историко-социологического или историко-философского исследования, но и ресурс познания, эффективный инструмент проведения теоретических и эмпирических социальных исследований.

Как подчеркнул докладчик, в определении природы человека Сорокин скорее опирается на схоластическую традицию Фомы Аквинского. Для него есть некие универсальные ценности, к которым так или иначе человечество в своем развитии стремится. Это универсальные ценности триединства истины, добра, красоты. Несмотря на то, что моральные ценности и религиозные истины не верифицируемы с точки зрения логической аргументации, для Сорокина они выступают системообразующими категориями его интегрального подхода.

Сорокин прямо заявляет, что с помощью интегральной науки можно реконструировать личность, общество, культуру, чтобы избавиться от войн, эпидемий, революций, голода. Сам Сорокин характеризует свой подход как творческое развитие идей философской школы, столь же древней, как и весь человеческий опыт. Многие предположения этого подхода согласуются с христианским учением, но не идентичны ему. Сюда же добавляются различные древнеиндийские трактаты, буддийские, работы мусульманских мыслителей и поэтов.

То, что для большинства ученых является слабыми местами интегрализма как научного подхода, последователям Сорокина представляется сильными сторонами. Например, Барри Джонстон говоря о том, что интегрализм – это одновременно эпистемология, психология, социология изменений теории истории, указывала на его гибкие границы для социологии, а также на ориентацию интегрализма на решение социальных проблем. Можно сказать, что адепты интегрализма видят его основной потенциал в достижении полноты познания реальности и в возможности через это познание совершенствовать личность, общество, культуру. Докладчик кратко охарактеризовал основные идеи статей некоторых американских авторов из сборника: В. Джеффриса, Л. Николза, Р. Барийо, С. Шарки.

Так или иначе, считает А.Ю. Долгов, у сорокинского интегрализма при всей серьезной критике в его адрес есть сторонники. Будет ли интегрализм востребован социальными учеными, покажет время. Но работать с этим подходом нужно максимально аккуратно, иначе есть риск скатиться в морализаторство, производство эти-

ческих учений вместо научного познания. Сам Сорокин, конечно, умело оперировал этим инструментом, обращаясь как к академическому сообществу, так и к широкой аудитории. Там, где наука останавливается, прочерчивая границы своих возможностей, Сорокин эту границу преодолевает. В заключение докладчик делает вывод: сегодня мало кто из социологов готов вслед за Сорокиным эту границу переступить, но надо отдать должное – его интеллектуальные сподвижники в американской социологии очень многое сделали для того, чтобы интегрализм не просто был замечен, а стал признанным в научном направлении.

После пленарного заседания работа **конференции продолжилась по четырем секциям**: «Право, мораль, педагогика» (модераторы – В.И. Шаронов, Н.И. Романчук), «Глобальные процессы. История» (модераторы – В.А. Ковалев, В.В. Козловский), «Социологическая теория. Методология. История социологии» (модераторы – М.В. Ломоносова, В.С. Русанова), «Теоретическая социология. Современные социальные процессы» (модераторы – В.В. Василенко, А.Ю. Долгов).

В заключение конференции состоялся круглый стол на тему «Питирим Сорокин: актуальные интерпретации», где прошла презентация нескольких изданий. Доктор филологических наук, профессор СГУ им. Питирима Сорокина Людмила Викторовна Гурленова презентовала юбилейный выпуск журнала «Человек. Культура. Образование»; кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии НИУ ВШЭ Александр Юрьевич Долгов выступил с презентацией сборника трудов «Идеи интегрализма в социальных науках: дискуссии российских и американских исследователей»; доктор философских наук, в.н.с. Международного центра социальных исследований СГУ им. Питирима Сорокина Николай Федосеевич Зюзев презентовал книги, посвященные жизни и творчеству П.А. Сорокина, – «Черновики Питирима Сорокина» (2022), «Питирим Александрович Сорокин» (2019).

УДК 929

В.И. Антонов
Улан-Удэ

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ И СМЫСЛ ЖИЗНИ (к 85-летию со дня рождения профессора А.О. Бороноева)

Цитирование: Антонов В.И. Социология как призвание и смысл жизни (к 85-летию со дня рождения профессора А.О. Бороноева) // Наследие. 2022, № 1(20). – С.171–176.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.12>

Citation: Antonov V.I. *Sociologiya kak prizvanie i smysl zhizni (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.O. Boronoeva)* [Sociology as a vocation and the meaning of life (to the 85th anniversary of the birth of Professor A.O. Boronoev)] // *Nasledie* [Heritage], 2022, No. 1(20). – pp.171–176.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2022.1.12>

В статье рассматривается содержательно насыщенная и плодотворная научно-профессиональная деятельность известного российского ученого-социолога, профессора СПбГУ А.О. Бороноева в истекшем пятилетии. В ней анализируется многоплановый творческий почерк ученого в научных исследованиях. Раскрывается его реальный вклад в разработку актуальных проблем истории отечественной социологии, современной теоретической социологии, а также других важных социологических вопросов.

Ключевые слова: А.О. Бороноев, история российской социологии, теоретическая социология, институционализация отечественной социологии.

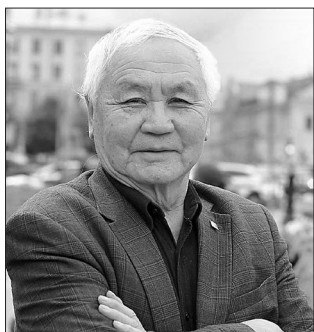
Antonov V.I. *Sociology as a vocation and the meaning of life (to the 85th anniversary of the birth of Professor A.O. Boronoev)*

The article discusses the rich and fruitful scientific and professional activity of the famous Russian sociologist, professor of St. Petersburg State University A.O. Boronoev in the past five years. It analyzes the multifaceted creative style of the scientist in scientific research. His real contribution to the development of topical problems in the history of Russian sociology, modern theoretical sociology, as well as other important sociological issues is revealed.

Key words: A.O. Boronoev, history of Russian sociology, theoretical sociology, institutionalization of Russian sociology.

Российскому социологу с большой буквы, основателю и первому декану факультета социологии Санкт-Петербургского университета профессору Асалхану Ользоновичу Бороноеву – 85. Он уверенной поступью взошел на серебристо-снежную вершину очередного большого юбилея. С этой высоты ему есть куда оглянуться,

есть что окинуть своим масштабным взглядом, куда устремить свой мудрый взор, есть что весомо и значимо подытожить. Большой жизненный путь, пройденный юбиляром и по-особому фиксируемый на такой знаковой вершине, безусловно, требует нового осмысления и понимания. При этом мне по долголетнему опыту общения и дружбы с Асалханом Ользоновичем доподлинно известно, что он всегда отличается склонностью давать строгую и взвешенную оценку своим жизненным и научно-творческим результатам, достигнутым на этом пути.

А.О. Бороноев

Должен признаться, что мне, автору этих строк, не один раз доводилось писать о научно-педагогической и организаторской деятельности, об иных жизненных деяниях А.О. Бороноева. Есть множество публикаций других авторов, посвященных предыдущим юбилейным датам именитого профессора. Поэтому здесь целесообразной представляется необходимость освещения его творческого и жизненного пути в зеркале истекшего пятилетия.

Прошедшие годы вновь подтвердили одну непреложную истину: социология для профессора Бороноева является не только истинным его призванием, но и настоящим смыслом жизни. Я (в соавторстве) как-то писал к его 80-летию: «Если классический жрец и часа не может провести без молитвы, то Бороноев, пожалуй, и дня не может обойтись без размышлений о социологии, о ее судьбе и проблемах» [Антонов, Очирова, 2017, с.53]. И это правда.

В истекшее пятилетие профессор Бороноев продолжал активно и плодотворно заниматься разработкой актуальных проблем истории российской социологии, современной теоретической социологии. Его интересные и глубокие поиски и исследования в этих областях получали воплощение в серьезных журнальных и иных публикациях. Это, прежде всего, касалось его работ, посвященных институционализации отечественной социологии. Так, большой резонанс в среде социологической общественности страны вызвала неординарная статья профессора «Первый Всесоюзный симпозиум как новый этап институционализации социологии в СССР», опубликованная в «Социсе» (2019, № 3). Не меньший интерес для ученых-социологов представила другая объемная статья А. Бороноева, написанная вместе с Д.В. Миرونным: «Становление журнального дела в российской социологии: феномен альма-наха “Рубеж” (1991–2001)» (Мир России. 2021, № 2).

В указанный период им была продолжена успешная разработка историко-социологической проблематики. В качестве подтверждающего примера можно привести его работу (совместно с М.Б. Готовым) «М.М. Ковалевский и русская школа в социологии», увидевшую свет на страницах «Социса» (2017, № 6). Также он принимал активное участие как идейный вдохновитель и инициатор, как модератор в проведении различных научно-теоретических конференций по истории русской социологии. К примеру, профессор Бороноев являлся руководителем пленарного заседания Международной научно-теоретической конференции «Социология и историософия Николая Ивановича Кареева» (Санкт-Петербург, 8–9 октября 2020).

Не прекращал он и скрупулезную работу в области теоретической социологии. Под его неизменным руководством и редакцией выпущен 12-й том (выпуск) «Проблем теоретической социологии» (СПб., 2019). Тематика этого тома вышеназванной серии была продиктована необходимостью теоретического осмысления развития научных связей между учеными-социологами двух стран – России и Китая, в особенности – результатов важного российско-китайского семинара, состоявшегося в 2018 г. на факультете социологии СПбГУ. В нем А.О. Бороноевым наряду с предисловием представлена интересная статья «Междисциплинарность: особый вид исследования или комплексный подход к проблемным ситуациям?».

Выход 12-го тома «Проблем теоретической социологии» венчал собой еще одну интересную дату – 25-летие издания данной серии. В связи с этим А.О. Бороноевым в соавторстве с Н.А. Головиным, Д.В. Ивановым была подготовлена и опубликована в журнале «Социс» (2020, № 1) развернутая аналитическая статья под названием «Актуальное звучание социологической теории (25 лет серии “Проблемы теоретической социологии”)». В ней ими показано, как начиналась данная серия; даны структура и направления теоретизирования; проведен метатеоретический анализ тематики статей; прослежены шаги и возможности наращивания потенциала отечественной теоретической социологии, подведены итоги на основе формулировки ряда выводов.

Научно-творческая деятельность профессора Бороноева в прошедшие годы отличалась результативностью и в других областях, причем, что приятно отметить, она удивляет своим разноплановым характером. Так, под его эгидой проведена важная научно-практическая конференция «IX Доржиевские чтения “Буддизм и современный мир”» (СПб, 27–28 сентября 2021). В серии «Востоковедение и африканистика» журнала «Вестник СПбГУ» (2019. Т. 11. Вып 1) им опубликована необычная и интересная рецензия на книгу «Санкт-Петербургский университет: alma mater бурятских ученых», изданную в г. Улан-Удэ. Также профессор откликнулся содержательной рецензией на роман друга детства, литовского и советского писателя Римантаса Грейчуса «Пороги» (Общество. Среда. Развитие. 2019, № 2).

Как видим, научно-творческая деятельность профессора Бороноева в истекшем пятилетии, как и ранее, была насыщенной и многогранной. По единодушному признанию коллег, «для многих социологов А.О. Бороноев является человеком-легендой. Он играет важную роль в институционализации социологии в современной России, в консолидации профессионального социологического сообщества, в формировании преемственности разных поколений социологов, в поддержании связей среди профессионалов из различных регионов нашей страны» [Богомякова, Ломоносова, 2017, с.96].

Еще один особенный штрих в творчестве профессора, о котором следует обязательно сказать. В последние годы для Асалхана Ользоновича живой и практический смысл обрело понятие социологии жизни. А это для него неразрывно связано с такими животрепещущими вещами, как малая родина, родная земля, родословная, родная школа. Ведь именно они, как маленькие и чистые родники, для каждого россиянина становятся первичными истоками формирования высокого понятия «Великая Родина – Россия». И неудивительно, что он стал автором-составителем двух замеча-

тельных книг – «Хоготовская средняя школа: история, учителя и выпускники» (СПб, 2017), «Семья Бороновых: история, дела и судьбы» (СПб, 2021). А в настоящее время, по признанию юбиляра, он усердно работает над новой книгой, посвященной родному селу, – «Старый Хогот».

Но такое духовное и душевное притяжение Асалхана Ользоновича к родному краю, к земле предков, имеющее поистине миссионерский характер, отнюдь не является однонаправленным, ибо оно откликается тем же самым отношением к нему со стороны земляков. На малой родине, в Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области, Бороноев – это глубоко почитаемое имя. Его по-особому уважают и ценят в г. Улан-Удэ, в Республике Бурятия.

Его большой и плодотворный труд во имя науки и людей получил достойную оценку в родном краю. Так, ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Почетный профессор Восточно-Сибирского государственного технологического университета» (г. Улан-Удэ). Ученый удостоен высшей государственной награды Республики Бурятия – медали Агвана Доржиева (выдающегося религиозного и политического деятеля, буддийского философа, дипломата, официального представителя Далай-ламы XIII в Российской империи, инициатора и организатора строительства в Санкт-Петербурге – первого в Европе – буддийского храма). Асалхан Бороноев награжден юбилейной медалью «350 лет добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства», общественной медалью «За заслуги перед Бурятией». Хоготовской средней школе Баяндаевского района Иркутской области в связи со 150-летием со дня образования присвоено имя ее выдающегося выпускника – Асалхана Бороноева.

Поэтому каждый его приезд на родную землю воспринимается земляками как важное событийное явление. Встречи с ним всегда проходят по-особому, в теплой и дружеской атмосфере, потому они становятся незабываемыми.

В этой связи хочется отметить еще один примечательный факт: в конце 2021 г. уланудэнцы с живым, неослабевающим интересом посмотрели по местному каналу телепередачу, которая была посвящена как раз жизни и творчеству именитого земляка – заслуженного деятеля науки РФ, почетного профессора СПбГУ Асалхана Ользоновича Бороноева. И здесь не без гордости должен признаться, что специально для данной телепередачи мною было также дано соответствующее интервью о юбиляре, которое с удовольствием позволю себе привести ниже.

«Мы с Асалханом Ользоновичем давно знакомы. Плодотворно сотрудничаем вот уже тридцать с лишним лет. Это, безусловно, очень мудрый человек, интеллектual высокой пробы, очень умный и тонкий наставник научной молодежи. Это, действительно, личность легендарная, личность масштабная, фигура, весьма значимая в науке и университетском образовании. Высокое имя Бороноева давно состоялось в науке и вообще в нашей жизни. Когда соприкасаюсь с этим именем, я непременно испытываю чувство национальной гордости. И с этим удивительным позитивным явлением я сталкивался не один раз. Впервые это было, например, еще в конце 1990-х гг., в Германии, во время трехмесячной научно-педагогической стажировки по линии ДААД. В институте социологии Хагенского университета, где проходил стажировку у профессора Х. Абельса [Антонов, Очирова, 2000,

с.146–163], в университетах Бонна, Бохума, Дюссельдорфа, Билефельдском университете (а Билефельд – центр социологической мысли Германии) немецкие коллеги-профессора принимали меня с непременным радушием и каждый раз, по всей вероятности, я так думаю, видя мой восточно-азиатский облик, подчеркивали, что они давно знают декана факультета социологии СПбГУ профессора Бороноева, крепко дружат и плотно сотрудничают с ним. Они его по праву тогда называли и считали признанным лидером социологической школы северной столицы России. В эти минуты я всегда внутренне ощущал, как во мне заметно возвышается чувство национального достоинства, как поднимается градус чувства национальной гордости.

Асалхан Ользонович – величина в науке, непререкаемый авторитет в социологии. Таковым остается и по сей день. Он внес и продолжает вносить значительный вклад в разработку исторических и современных, особенно – теоретических, проблем социологии, в развитие университетского социологического образования страны. Но он известен многими трудами и в других областях: по социальной антропологии, по этносоциальной психологии, этнической социологии, социологии межнациональных отношений, межкультурной коммуникации [Антонов, Очирова, 2007, с.177–193]. Им лично и под его руководством успешно разработаны проблемы национальной идентичности, региональной (сибирской) идентичности. Сколь важны эти проблемы, их разработки для нашего региона, для нашей республики, пожалуй, не стоит объяснять [Антонов, Очирова, Петрова, 2017, с.116–121].

Друзей, коллег и вообще окружающих он всегда поражает своей естественной, совершенно ненарочитой отзывчивостью, великодушием и благородством. Он одинаково ровен и доброжелателен ко всем, независимо от их происхождения, возраста, профессии, статусного положения. Мне здесь хочется отметить его личную скромность.

Отрадно признать, что профессор Бороноев по-прежнему на высоте времени, на высоте науки. Его неиссякаемый научно-креативный потенциал по-прежнему на взводе. Коль скоро мне дано слово, от души желаю ему добрых и долгих лет жизни, дальнейшего беспрестанного научного творчества во имя Санкт-Петербурга, во имя Бурятии, во имя и во благо нашей великой России».

С этими словами искренних пожеланий Асалхану Ользоновичу Бороноеву, данными мною в интервью для Улан-Удэнского телеканала, хочется завершить свое эссе о юбиляре.

Литература

- Антонов В.И., Очирова О.А. Интерпретативная социология в представлении современного немецкого социолога Х. Абельса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2000, № 4. – С.146–163.
- Антонов В.И., Очирова О.А. Межкультурная коммуникация в современном обществе: особенности, проблемы и противоречия // Российская социология: история и современные проблемы. К 70-летию А.О. Бороноева. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С.177–193.
- Антонов В.И., Очирова О.А. На новом знаковом рубеже человеческой и научно-творческой жизни // Pro et contra. К 80-летию Бороноева А.О. СПб., 2017. – С.43–54.

- № 1 (20) (2022)
«Наследие»
- Антонов В.И., Очирова О.А., Петрова А.А. Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят) // Вестн. Калм. ун-та. 2017, № 2. – С.116–121.
- Богомяжкова Е.С., Ломоносова М.В. Бороноеву А.О. – 80 лет // Социологические исследования. 2017, № 6. – С.95–96.

References

- Antonov V.I., Ochirova O.A. *Interpretativnaya sociologiya v predstavlenii sovremennogo nemeckogo sociologa H. Abel'sa* [Interpretive sociology in the presentation of the modern German sociologist H. Abels] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science] 2000. No. 4. – Pp.146–163.
- Antonov V.I., Ochirova O.A. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v sovremennom obshchestve: osobennosti, problemy i protivorechiya* [Intercultural communication in modern society: features, problems and contradictions] // *Rossiyskaya sociologiya: istoriya i sovremennye problemy. K 70-letiyu A.O. Boronoeva* [Russian sociology: history and modern problems. To the 70th anniversary of A.O. Boronoev.]. SPb.: St. Petersburg State University Publishing House, 2007. – Pp.177–193.
- Antonov V.I., Ochirova O.A. *Na novom znakovom rubezhe chelovecheskoj i nauchno-tvorcheskoj zhizni* [At the new landmark frontier of human and scientific and creative life] // *Pro et contra. K 80-letiyu Boronoeva A.O.* [Pro et contra. To the 80th anniversary of A.O Boronoev.]. St. Petersburg. 2017. – Pp.43–54.
- Antonov V.I., Ochirova O.A., Petrova A.A. *Osobennosti nacional'noj identichnosti rossijskih etnosov: urovni i faktory (na primere sovremennyh buryat)* [Features of the national identity of Russian ethnic groups: levels and factors (using the example of modern buryats)] // *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2017. No. 2. – Pp.116–121.
- Bogomyagkova E.S., Lomonosova M.V. *Boronoevu A.O. – 80 let* [A.O. Boronoev – 80 years] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2017. No. 6. – Pp.95–96.
-

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 37.06

В.С. Хвастунова
Сыктывкар

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ БУЛЛИНГА В ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье исследуется проблема буллинга как вида деструктивного взаимодействия в школьной детско-подростковой среде. Буллинг представляет собой острый социальный феномен, вовлеченность в ситуацию которого негативно отражается на всех участниках процесса травли. Автором представлены результаты эмпирического исследования ситуации буллинга в детско-подростковой среде и факторов, ее обуславливающих, а также анализа форм проявления травли и «буллинг-структуры».

Ключевые слова: буллинг, травля, детско-подростковая среда, агрессивное поведение.

Khvastunova V.S. Peculiarities of bullying in children and adolescent environment in modern sociocultural conditions

The article researches the problem of bullying as a type of destructive interaction in the school child and adolescent environment. Bullying is an acute social phenomenon, the involvement in the situation of which negatively affects all participants in the bullying process. The author presents the results of an empirical research of the situation of bullying in the child and adolescent environment and the factors that

determine it, as well as an analysis of the forms of manifestation of harassment and «bullying structure».

Key words: bullying, harassment, child and adolescent environment, aggressive behavior.

На сегодняшний день положение в мире в целом и в российском обществе в частности характеризуется социальной напряженностью, нестабильностью, распространением различных моделей деструктивного взаимодействия между странами и людьми (таких как агрессия, конфликты, насилие и пр.). Данные тенденции приобрели устойчивый характер проявлений и в образовательном пространстве среди детей и подростков. Актуальность исследования буллинга как злободневного социального явления в современной школьной среде обусловлена не столько масштабностью данного явления, сколько тем, что оно приобретает новые специфические характерные формы. Проблема буллинга не является новой как для зарубежной, так и для российской науки, но в силу своей латентности остается недостаточно изученной.

Первые исследования проблемы буллинга относятся к началу XX в. и принадлежат скандинавским ученым, среди них Д. Олвеус, П.П. Хайнеманн, А. Пикас, Е. Роланд. Норвежский психолог Дэн Олвеус опубликовал ставшее общепринятым определение травли в среде детей и подростков: буллинг – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [Бочавер, 2013, с.152].

В начале XXI в. в научных трудах И.С. Кона, В.С. Собкина, М.Г. Нечаевой, А.А. Бочавер и других российских ученых обозначенная проблема начала изучаться достаточно активно. Отечественная научная психолого-педагогическая и социологическая литература в основном содержит анализ девиантного и делинквентного поведения школьников, дает описание агрессивного поведения и психологическую характеристику участников буллинга.

В ряде работ освещено понятие «буллинг-структура», которое обозначает социальную систему, включающую в себя инициатора, жертву, помощников инициатора, защитников и наблюдателей [Норкина, 2016, с.2].

Проявления буллинга разнообразны, но условно их делят на прямую травлю и косвенную, психологический и физический буллинг. Прямая травля выражается в оскорблениях, избиениях, отбирании денег, вещей, а косвенная – в распространении слухов о человеке, бойкотировании его, игнорировании. Кроме того, буллинг может проявляться в различных пространствах: в повседневной деятельности и в Интернете. Такая форма буллинга получила название «кибербуллинг».

Благодаря результатам исследований стало абсолютно ясно, что школьная травля – это разрушительное явление, последствия которого часто бывают тяжелыми как для жертв, так и для всех других участников ситуации. Среди последствий травли: повышенная вероятность тревожных и депрессивных расстройств, неустойчивая самооценка, сложности социальных контактов и суицидальное поведение [Бочавер, 2021, с.397]. В связи с этим меры по профилактике буллинга и противодействия ему в школах являются крайне важными с точки зрения разных аспектов благополучия

детей и подростков. Для того чтобы эти меры были эффективными, необходимо четко понимать, какие именно формы буллинга являются наиболее распространенными в детско-подростковой среде и какие факторы способствуют его проявлению применительно к современным социокультурным условиям.

С целью изучения особенностей проявления буллинга в детско-подростковой среде нами было проведено эмпирическое исследование с использованием самостоятельно разработанного опросника, содержащего 24 вопроса. В исследовании приняли участие 111 учеников 5–9-х классов одного из общеобразовательных учреждений г. Сыктывкара, из них 57 девочек и 54 мальчика. Возрастной диапазон опрошенных составил от 11 до 16 лет.

Результаты проведенного исследования показали, что 52,3% учащихся сталкивались с ситуацией травли, что может свидетельствовать о наличии феномена буллинга в детско-подростковой среде. Также нам удалось выяснить, что более распространенной формой проявления буллинга в детско-подростковой среде является именно психологическое давление (77,2%), а не физическая травля (24,6%). По большей части психологическое давление проявляется в вербальной травле в виде обзывательств (84,1%), насмешек (75%), оскорблений (77,3%), унижений (56,8%), бесконечных замечаний и необъективных оценок (45,5%), а также в форме порчи личных вещей (54,5%).

Школьникам задавался вопрос о том, есть ли в их классе ученик, который является постоянным объектом травли; 58,2% опрошенных утверждают, что в их классе нет таких одноклассников, тогда как 33,6% ответили, что в их классе есть ученики, подвергающиеся регулярной травле.

Согласно результатам нашего исследования одна четвертая часть (25,7%) учеников считают, что чаще всего с ситуацией травли можно встретиться именно в школе, чуть меньшее количество (21,1%) респондентов полагают, что с травлей чаще сталкиваются в социальных сетях. Кроме того, были респонденты (2,8%), которые указали, что чаще с травлей можно столкнуться во дворе или на улице. Однако наиболее распространенным (45,9%) является ответ, указывающий на то, что с этим явлением можно столкнуться и в школе, и в Интернете, и во дворе или на улице.

Как говорилось ранее, тема запугивания среди учащихся не нова в школьной среде. Однако с развитием технологий издевательства подобного рода уже не ограничиваются исключительно школьной территорией. Все чаще подростки принимают участие в интернет-коммуникации, которая является не менее, а подчас даже более «плодотворной почвой» для осуществления процесса травли. Подобный вариант психологического запугивания является одним из подвидов «классического буллинга» и носит название «кибербуллинг».

Для выявления особенностей проявления кибербуллинга в детско-подростковой среде респондентам был задан вопрос «В твоём классе создают беседы в социальных сетях, в которых намеренно игнорируются определенные люди?», на который каждый пятый (21,8%) учащийся ответил утвердительно. Также ученикам был задан вопрос «Были ли такие случаи, что ты получал(-а) в мессенджерах, социальных сетях угрожающие или оскорбительные сообщения от учеников твоей школы?», результат показал, что каждый пятый (20%) ученик сталкивался с данной ситуацией.

Для определения форм проявления кибербуллинга респондентам предлагалось выбрать варианты ситуаций, с которыми они сталкивались либо не сталкивались в социальных сетях (учитывались ситуации воздействия со стороны учеников их школы). Опрос показал, что среди респондентов есть дети-подростки, которых намеренно исключали из группы (беседы) – 15,6%; дети, под чьими фото или видео писали оскорбительные или грубые комментарии – 12,8%; респонденты, которые утверждают, что кто-то опубликовал их личную информацию без какого-либо на то согласия с их стороны – 7,3%, а также ученики, указавшие на то, что сталкивались с ситуацией, когда в сети Интернет о них публиковали оскорбительную или грубую информацию – 5,5%.

Согласно проведенному нами исследованию стать жертвой травли в школе в большей степени могут следующие категории учащихся: с необычной внешностью (40,9%); неопрятно одетые (27,3%); одиночки, не имеющие друзей (19,1%); те, кого, считают ябедами, стукачами (56,4%) и любимчиками учителей (25,5%); ученики с необычным поведением, а именно тихие, чувствительные, необщительные дети (19,1%); более слабые по сравнению со своими сверстниками, поэтому не могут дать сдачи (57,3%); имеющие низкую самооценку и излишне скромные (27,3%).

В «буллинг-структуре» большинство детей-подростков принимают роль защитника (47,2%), однако роли наблюдателя придерживается каждый третий респондент (32,5%), что характеризует их как равнодушных или пассивно одобряющих одну из сторон; 3,7% респондентов видят себя в роли жертвы, 2,8% – в роли помощника, 0,9% – в роли агрессора.

Таким образом, настоящее исследование показало, что буллинг – достаточно распространенное в детско-подростковой среде явление, требующее разработки комплексных программ по профилактике агрессии, насилия, травли в школах. Причем необходимо проводить работу со всеми представителями школьного сообщества: учениками, их родителями, учителями и психологами, социальными педагогами и администрацией образовательного учреждения.

Основываясь на исследовании Даниэля Хоута (Daniel J. Naught), которым были рассмотрены 82 программы по профилактике буллинга в школьных учреждениях, можно заключить, что далеко не все программы эффективны. По мнению автора, особого внимания заслуживают такие программы, как Программа профилактики буллинга Д. Олвеуса (The Olweus Bullying Prevention program); Программа позитивных действий (the Positive Action program); Программа «Шаги к уважению» (Steps to Respect); Продвижение альтернативных способов мышления (Promoting Alternative Thinking Strategies) [Норкина, 2016, с.6].

Наиболее положительно Д. Хоутом была оценена «Программа позитивных действий». Основной ее целью является обучение детей навыкам «позитивных действий» и формирование у них таких навыков. К индивидуальным целям для учеников в осуществлении «позитивных действий» относятся формирование и развитие положительного характера, хорошее понимание себя и своих особенностей, а также предоставление другим возможности учиться, т.е. развитие терпимого отношения к окружающим. В рамках данной программы также даются рекомендации относи-

тельно поведения родителей: им следует создать дома условия для положительной учебной обстановки посредством снижения домашних нагрузок, помогать детям становиться «эффективными учениками». Данная программа, по словам Д. Хоута, демонстрирует снижение общего уровня издевательств.

Программа «Шаги к уважению» схожа с программой Дэна Олвеуса. Данный метод профилактики уменьшает число издевательств путем: 1) повышения информированности учителей и персонала школы; 2) поощрения социальной ответственности; 3) обучения социально-эмоциональным навыкам для борьбы с издевательствами и формирования здоровых отношений. Таким образом, особое внимание в работе школы должно уделяться развитию навыков, связанных с общей социальной компетентностью и учащихся, и педагогов.

Основной задачей программы «Продвижение альтернативных способов мышления» является обучение детей контролю поведения, контролю эмоций, развитию внутренней регуляции, формированию позитивной самооценки, а также обучение решению межличностных проблем. Помимо проведения уроков в школе, в ходе которых детям дают конкретные знания, предусматривается вовлечение в этот процесс родителей, чтобы ученики могли отрабатывать полученные умения дома. Получение данного опыта может быть полезно для детей не только в условиях образовательного процесса, но и в социальном взаимодействии за пределами школы.

Что касается Республики Коми, то одной из эффективных программ профилактики агрессии в детско-подростковой среде является программа «ART-тренировка замещения агрессии», на занятиях дети учатся функционировать в обществе, контролировать проявление негативных эмоций и развивают социальные навыки. В процессе занятий они учатся думать, прежде чем что-то сделать. Делается акцент на понимании ситуации и умении решать проблемы. Одной из рассматриваемых и проигрываемых на занятии актуальных ситуаций по проблеме буллинга является формирование умения противостоять нажиму группы, а также развитие навыка просьбы о помощи.

Однако следует отметить, что такого типа программы не реализуются в общеобразовательных учреждениях.

Школы г. Сыктывкара организуют взаимодействие по работе учеников со специалистами Республиканского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, например, по программе «Найди себя», которая затрагивает такие направления, как воспитание готовности оказать помощь, развитие готовности к сотрудничеству и умения сопереживания. Проблема заключается в том, что такая работа носит разовый характер.

Исходя из анализа исследований, можно сделать вывод о том, что в школах не проводится работа с родителями по теме буллинга. Дети и родители не проинформированы о проблеме травли в детско-подростковой среде и ее причинах, о последствиях буллинга, включая несение административной, гражданско-правовой (материальной) и уголовной ответственности.

При разработке профилактических антибуллинговых мер в детско-подростковой среде следует обратить внимание на такие направления, как: 1) повышение осведомленности и вовлеченности в профилактику буллинга всех участников образователь-

«Наследие» № 1 (20) (2022)

ного процесса, поскольку к ситуации травли имеют отношение все. Для осуществления эффективной помощи работа должна строиться на совместном планировании и взаимодействии учителей, родителей, учеников, психолога, социального педагога и администрации образовательного учреждения; 2) профилактика буллинга должна носить системный, а не эпизодический характер. Необходимо проводить систематическую работу по сбору информации, разработке индивидуальных программ сопровождения каждого учащегося и отслеживанию динамики его развития; 3) системная профилактика должна организовываться на личностном, групповом, общешкольном и семейном уровнях.

Литература

- Бочавер А.А.* Буллинг как объект исследований и социальный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013, Т. 10, № 3. – С.149–159.
- Бочавер А.А.* Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021, Т. 18, № 2. – С.390–401.
- Норкина Е.Г.* Методика на выявление «буллинг-структуры» // Таврический научный обозреватель. 2016, № 3. – С.1–5.

УДК 364.22

И.Р. Палкин
Сыктывкар

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МАЛОИМУЩЕЙ СЕМЬИ С ДЕТЬМИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. СЫКТЫВКАРЕ)

В статье представлены результаты исследования социального портрета малоимущей семьи с детьми. С целью изучения социального портрета и ресурсного потенциала малоимущих семей с детьми в феврале 2022 г. в г. Сыктывкаре было проведено пилотажное исследование методом анкетирования среди семей, зарегистрированных в статусе малоимущих.

Ключевые слова: бедность, малоимущая семья, социальный портрет, семьи с детьми, малообеспеченность.

Palkin I.R. Social portrait of a poor family with children (based on the results of a study in Syktyvkar)

The article presents the results of a study of the social portrait of a poor family with children. In order to study the social portrait and resource potential of poor families with children, in February 2022, a pilot survey was conducted in Syktyvkar among families registered as poor.

Key words: poverty, poor family, social portrait, families with children, low income.

Снижение уровня бедности определено на государственном уровне в качестве государственной стратегии. Бедность и материальное неблагополучие являются одной из основных проблем социального развития, решению которой уделяется особое внимание. В Российской Федерации наблюдается постепенное увеличение доли бедного населения: в 2013 г. показатель бедности составил 10,8% (15,5 млн человек), в 2020 г. – 13,5% (19,9 млн) [Садыков, 2021, с.85]. Российская социальная политика на современном этапе развития преследует две основных задачи: повышение рождаемости и снижение бедности населения. Появление ребенка в семье закономерно приводит к снижению душевых доходов. В России у полных семей с двумя детьми риск бедности в два раза выше, чем среди всего населения. У многодетных и неполных семей, составляющих традиционную группу бедности для всех стран, риски бедности уже в три раза превышают среднероссийский уровень. Семьи, имеющие несовершеннолетних детей, многодетные семьи – одна из наиболее уязвимых в финансовом отношении категорий населения [Елизаров, 2019, с.66]. Малоимущими семьями в Российской Федерации признаются те семьи, чей среднедушевой доход не превышает уровень прожиточного минимума. Низкий уровень дохода обуславливает специфику образа жизни малоимущей семьи, т.к. ограничивает ее ресурсы.

С целью изучения социального портрета и ресурсного потенциала малоимущих семей с детьми в феврале 2022 г. в г. Сыктывкаре было проведено пилотажное исследование

дование методом анкетирования среди семей, зарегистрированных в статусе малоимущих, в котором приняли участие 100 человек. Исследование показало, что 72% малоимущих семей – это полные семьи. Около половины (49%) из них имеют одного ребенка, остальные – двух и более детей. Таким образом, даже двое родителей не могут обеспечить семье материальное благополучие, а большее количество детей увеличивает шанс попадания семьи в ситуацию бедности. Из всех опрошенных семей имеют статус малоимущей более пяти лет 35%, от двух до пяти лет – 38%, остальные имеют статус малоимущей менее двух лет. Стоит обратить внимание на то, что чем больше детей в семье, тем длительнее она пребывает в состоянии бедности, чаще встречается ситуация застойной бедности.

Сами респонденты выделяют среди основных причин малообеспеченности семьи следующие: 93% – низкую заработную плату, 73% – рождение ребенка, 69% – недостаточный уровень социальных выплат и пособий. Основными источниками доходов семьи заработную плату указали 93% малоимущих семей, социальные пособия и выплаты – 100% семей. Несмотря на беспрецедентные меры государственной поддержки малоимущей семьи, только каждый четвертый респондент считает, что социальная помощь в виде пособий, льгот и услуг существенно облегчает жизнь (24%), 48% опрошенных выбрали вариант ответа «частично облегчает жизнь семьи», а практически каждая третья семья утверждает, что не облегчает совсем (28%). Таким образом, в решении проблемы бедности малоимущие рассчитывают на помощь со стороны государства, а не на собственные силы.

Большую часть опрошенных составляет экономически активное население. Чаще всего в малоимущих семьях оба супруга имеют работу (68%), в неполных семьях единственный взрослый также трудоустроен, но в каждой пятой семье (22%) работает только муж или жена. Полную занятость имеют только 74% респондентов, а 10% ответили, что никто в семье не работает. С проблемой безработицы за предыдущие полгода сталкивались лишь 7% опрошенных семей. Можно сделать вывод о том, что полная занятость совершеннолетних членов семьи не гарантирует защиту от рисков попадания семьи с детьми в ситуацию бедности, прежде всего по причине низкого уровня заработной платы. В то же время следует отметить низкую трудовую активность значительной части малоимущих семей. Отсутствие целей, связанных с развитием карьеры и повышением социального статуса, приводит к низкой производительности труда, иждивенческим установкам среди бедных слоев населения.

Большинство граждан из малоимущих семей имеют невысокий уровень образования: 68% – среднее специальное образование, 9% – среднее общее и остальные – высшее образование. Можно сказать, что уровень образования оказывает значительное влияние на уровень доходов. Граждане с высшим образованием значительно реже попадают в ситуацию бедности. Для респондентов со средним образованием в целом характерны более длительное нахождение в ситуации бедности и более низкий уровень материального благосостояния по сравнению с теми, кто имеет высшее образование. При этом большинство (62%) опрошенных не считают, что уровень образования непосредственно влияет на уровень материального благополучия семьи, несмотря на то, что доля бедных с низким уровнем образования выше, чем с высоким.

Кроме того, в ходе анализа мотивов выбора профессии были получены следующие результаты: 35% респондентов ответили, что не задумывались над выбором

(пошел(-а) учиться туда, куда поступил(-а)), 27% – причиной выбора был уровень престижа данной профессии в обществе, 16% – что их заставили родители, 9% – что причиной выбора профессии был уровень заработной платы в данной сфере, и только 13% респондентов ответили, что пошли по призванию. Таким образом, для большинства опрошенных мотивами выбора профессии послужили внешние причины (престиж, зарплата, влияние родителей), а не внутренние, связанные с самоопределением и предрасположенностью к конкретной профессии.

Значительное число малоимущих семей имеют свой дом или квартиру. Доходы 83% семей позволяют приобрести лишь продукты и товары первой необходимости, только 10% семей могут приобрести одежду и товары длительного пользования без проблем и дополнительных займов. Платные социальные услуги (образовательные, оздоровительные, медицинские и другие) практически недоступны для малоимущих семей и не используются ими. Досуг как взрослых, так и детей из таких семей ограничен. Основная часть семей тратит свободное время на просмотр телевизора, занятия домашними делами, просто отдых, общение с друзьями, в том числе в сети Интернет, прогулки на свежем воздухе. Дети только менее половины опрошенных семей посещают платные кружки и учреждения дополнительного образования. Такой уровень проведения досуга не удовлетворяет 65% малоимущих семей, которые хотели бы проводить его более активно и интересно. Основной причиной опрошенные указывали недостаток материальных средств и свободного времени. При этом 38% респондентов считают, что своим детям они смогут обеспечить полноценный отдых на каникулах и в свободное время за счет поиска более бюджетных и бесплатных возможностей для досуга. Несмотря на это, материальные проблемы не оказывают принципиального воздействия на внутрисемейные отношения как между супругами, так и между родителями и детьми.

Малоимущие семьи решают материальные проблемы по-разному: 83% отказываются от развлечений, 78% экономят на подарках, 63% просят помощи у знакомых, родителей, 23% стараются экономить на еде, 10% ищут дополнительный заработок, 26% ведут учет расходов и доходов, 36% берут ссуды в банке. Как видим, значительная доля семей прибегает к помощи со стороны знакомых или кредитных организаций. Учетом доходов и расходов, поиском дополнительных источников доходов занимается меньшая часть. Таким образом, большинство семей с детьми придерживаются пассивной позиции и пытаются улучшить свое материальное положение посредством экономии, не стремятся найти более высокооплачиваемую работу по причинам отсутствия желания, сомнений в собственных силах или ввиду того, что их устраивает текущее положение дел. Срабатывает инерционный мотив поведения, боязнь перемен и риска.

Никто из опрошенных не планирует заняться в ближайшем будущем открытием собственного дела; 5% хотели бы открыть собственное дело, но сомневаются, что у них получится; 9% хотели бы, но не представляют, чем и как этим заняться; 18% хотели бы, но у них нет таких возможностей; 44% респондентов ответили, что у них нет желания, им это не интересно; 24% не задумывались над этим. Следовательно, большинство опрошенных не желают открыть собственное дело для улучшения своего благосостояния. А меньшая часть желающих не видит условий для его открытия. Опять-таки срабатывает инерционный мотив поведения.

Большинство опрошенных семей (73%) улучшение своего материального положения связывают с государственной поддержкой. На собственные силы рассчитывает 11% респондентов, на помощь родителей, родственников ориентированы 8%, повышения заработной платы ждет 5%, на случайность рассчитывает 3% опрошенных.

Одним из эффективных инструментов снижения бедности семьи является технология социального контракта. Она предусматривает создание для семьи условий с целью перехода к активным действиям по самообеспечению, возможностей заработка и увеличения своих доходов на основе адресного подхода, включающего оценку потенциальных социальных ресурсов семьи и разработку на этой основе индивидуальной программы преодоления кризисной ситуации. О социальном контракте знают 84% респондентов, предлагали заключить контракт 37% опрошенных, из них заключили его всего 7% семей и еще 4% планируют оформление. Те, кто отказался от социального контракта, указали такие причины, как: не ясны условия заключения контракта (4%), не устраивают условия заключения (15%), нет желания у 81% респондентов. Эти данные свидетельствуют о низкой мотивации значительной части малоимущих семей к активному и самостоятельному преодолению ситуации бедности.

Проблема бедности малоимущих семей представляет собой сложное многоаспектное социальное явление. Бедность негативно влияет на рекреационную, хозяйственно-бытовую и воспитательную функции семьи, что сказывается на психологическом и физическом здоровье ее членов. Малообеспеченность порождает чувство несправедливости, беспомощности и апатии. Зачастую ответственность за сложившуюся ситуацию респонденты перекладывают на внешние обстоятельства, окружение, т.е. доминирует экстернальный локус контроля. И в то же время наблюдаются такие тенденции, как воспроизводство бедности и усредненная самоидентификация бедных семей, проявляющаяся в субъективно комфортном восприятии ситуации «многие семьи так живут», что для них снимает необходимость предпринимать меры для разрешения проблемы на качественно ином уровне.

Социальная поддержка семей с несовершеннолетними детьми является, несомненно, одним из важнейших и основных элементов социальной функции государства. Меры социальной поддержки, которые предлагаются государством таким семьям, распределилась примерно в равной степени между помощью в трудоустройстве, материальной помощью, социальными гарантиями и субсидиями, различными социальными услугами. Исследование показало, что примерно половина опрошенных семей занимает иждивенческие позиции. Они не предпринимают активных действий по выходу из ситуации бедности, используют пассивные методы решения своих проблем, не видят перспектив изменения ситуации, в этих семьях высок риск деструктивного, в том числе экономического, поведения. Проактивная социальная работа с этой категорией малоимущих семей должна быть нацелена прежде всего на повышение их социальной ответственности, на изменение пассивной и социально иждивенческой позиции в преодолении своей трудной жизненной ситуации, на стимулирование экономической и трудовой активности. Представляется, что предоставление пособий и льгот по бедности должно сопровождаться определенными обязательствами получателей государственной социальной помощи.

Но есть и такие семьи, которые характеризуются переходом на экономическое самообеспечение, ориентированы на экономическую состоятельность семьи. Они пытаются найти дополнительный заработок и более высокооплачиваемую работу; анализируя собственные жизненные ситуации, разрабатывают планы действий и стремятся изменить что-то в себе, чтобы преодолеть трудную материальную ситуацию. Они рассматривают бедность семьи как явление временное. Учитывая осознанный выбор родителями рождения детей, следует направить усилия государства как на своевременную материальную помощь таким семьям, так и на создание условий, в которых родители могли бы сами обеспечить свою семью, на помощь в поиске и мобилизации ими собственных ресурсов для самостоятельного обеспечения семьи и повышения благосостояния.

Литература

- Садыков Р.М.* Распространение бедности в России и региональные меры ее снижения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021, № 10-2. – С.85–89.
- Елизаров В.В., Синица А.Л.* Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019, № 2. – С.63–75.
-

Сведения об авторах

Антонов Владимир Иосифович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, заслуженный деятель науки РФ (г. Улан-Удэ).
wlanto@rambler.ru

Antonov Vladimir Iosifovich, doctor of philosophy, professor of the Department of philosophy, history and cultural science of the East Siberian State University of Technology and Management, honored worker of science of the Russian Federation (Ulan-Ude).

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

marina_bulanova@inbox.ru

Bulanova Marina Borisovna, doctor of sociology, professor of the Department of theory and history of sociology of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Быков Александр Сергеевич, студент магистратуры факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

sashab.99@mail.ru

Bykov Aleksandr Sergeevich, student of the magistracy of sociological faculty of the St. Petersburg State University (St. Petersburg).

Зюзов Николай Федосеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, научный руководитель Международного центра социальных исследований (Сыктывкар).

nzyuzev@gmail.com

Zyuzev Nikolay Fedoseevich, doctor of philosophy, professor of the Department of philosophy and socio-political sciences of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin, research supervisor of the International center of social research (Syktyvkar).

Кузиванова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, директор ГБУ РК «Центр “Наследие” им. Питирима Сорокина» (Сыктывкар).

rksorokinctr@mail.ru

Kuzivanova Olga Yurievna, candidate of history, director of the State Budget Organization of the Komi Republic «Center “Nasledie” after Pitirim Sorokin» (Syktyvkar).

Кузнецова Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором литературоведения Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Российской академии наук (Сыктывкар).

kuznetsovatl@mail.ru

Kuznetsova Tatyana Leonidovna, candidate of philology, senior researcher, sector chief of literature of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural office of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar).

Кутузова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

azzazell-x@mail.ru

Kutuzova Anastasia Aleksandrovna, candidate of history, lecturer of the Department of history and methods of teaching social and legal disciplines of the Institute of History and Law of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin (Syktyvkar).

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

lomonosovamv@mail.ru

Lomonosova Marina Vasilyevna, candidate of sociology, associate professor of the Department of theory and history of sociology of the St. Petersburg State University (St. Petersburg).

Палкин Илья Романович, студент 4 курса института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).

www900.900@mail.ru

Palkin Ilya Romanovich, student of the 4th course of the Institute of social technology of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin (Syktyvkar).

Пантелеева Вера Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент Литературного института имени А.М. Горького (Москва).

panvera@inbox.ru

Panteleeva Vera Grigoryevna, candidate of philology, associate professor of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the «Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing» (Moscow).

Тарговски Эндрю, профессор Университета Западного Мичигана (Каламазу, США)
andrew.targowski@wmich.edu
Andrew S. Targowski, professor of the Western Michigan University (Kalamazoo, USA)

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПБ), заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург).
gtul@mail.ru
Tulchinsky Grigory L'vovich, doctor of philosophy, professor of the Department of the state management of the National Research University «Higher School of Economics» (SPB), honored science worker of the Russian Federation (St. Petersburg).

Тюгашев Евгений Александрович, доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск).
filosof10@yandex.ru
Tyugashev Evgeny Aleksandrovich, doctor of philosophy, associate professor of the Department of theory and history of state, law and constitutional rights of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk).

Хвастунова Вероника Сергеевна, студентка 3 курса института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар).
Veronika.xvastunova@mail.ru
Khvastunova Veronica Sergeevna, student of the 3rd course of the Institute of social technology of the Syktyvkar State University after Pitirim Sorokin (Syktyvkar).

Хренов Николай Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации (Москва).
nihrenov@mail.ru
Khrenov Nikolay Andreevich, doctor of philosophy, professor, chief researcher of the Department of media and mass arts of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Правила оформления статей, представляемых в научный журнал «Наследие» ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина»

«Наследие»

№ 1 (20) (2022)

Журналу присвоен международный номер ISSN. 2312-0517

Научным статьям присваивается международный цифровой идентификатор объекта DOI (Digital object identifier).

Журнал включен в базу данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования и располагается в научной электронной библиотеке на сайте www.elibrary.ru.

Полнотекстовые варианты статей, присланных для публикации в журнал, размещаются в научной электронной библиотеке (www.e-library.ru). Материалы статей размещаются в Российском индексе научного цитирования. Рецензирование осуществляется членами редколлегии или внешними экспертами.

Журнал выпускается два раза в год.

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи, посвященные изучению наследия Питирима Сорокина, а также материалы по результатам исследований в области социально-политических, философских, историко-культурологических наук.

Основные рубрики журнала «Наследие»:

- Социокультурная динамика;
- Социокультурные и политические практики;
- Из истории социологии;
- Социокультурный контекст литератур финно-угорских народов;
- Личность в социокультурном мире;
- Имя в контексте эпохи;
- Из научного наследия;
- Научная жизнь;
- Рецензии.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке.

Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

В рамках подготовки рубрики «Первые шаги в науке» редакция принимает работы научного характера студентов старших курсов и магистрантов по следующим направлениям:

1. Социология.
2. Культурология.

Статьи студентов и магистрантов принимаются при наличии рецензии-рекомендации научного руководителя.

На электронный адрес журнала [rksorokinctr@mail.ru] необходимо отправить:

- текстовый файл со статьей с указанием индекса УДК;
- аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного и почтового адресов на русском и английском языках.

Рекомендуется следующая схема представления научной статьи в журнале:

– *Индекс УДК* статьи.

– *Автор (или авторы)*: фамилия, имя, отчество.

– *Город*.

– *Название статьи*.

– *Аннотация* (авторское резюме) на русском языке может быть компактной (укладываться в один абзац, объем до 600 знаков).

– *Ключевые слова* – 5–6 (пишутся через запятую).

– *Автор (авторы)*: фамилия, имя, отчество в транслитерации (латинице).

– *Название статьи* в переводе на английский язык.

– *Аннотация* (авторское резюме) на английском языке.

– *Ключевые слова* (keywords) на английском языке.

– *Текст статьи*. Объем публикаций – до 1 п.л. (40 000 знаков); 12 кегль, гарнитура Times New Roman, одинарный интервал, поля верхнее и нижнее по 2,0 см, левое – 3,0 см, правое – 1,5 см.

В статьях используется система текстовых ссылок в квадратных скобках с указанием автора работы, года издания, страницы – все через запятую, напр.: [Петров, 2006, с.10]. При отсутствии автора приводится сокращенное название источника, напр.: [Материалы переписи..., 2006, с.10]. Источники в библиографическом списке располагаются в алфавитном порядке.

– *Список литературы* на русском и английском языках.

– *Аффилиация* – все данные об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, должность, место работы (обязательно указывается кафедра), электронный и почтовый адрес на русском и английском языках.

Правила оформления библиографических ссылок см. на сайте Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина rksorokinctr.org в разделе «Журнал “Наследие”» [<http://rksorokinctr.org/images/nauka/pravila.pdf>]

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться с главным редактором журнала Кузвановой Ольгой Юрьевной по тел. (8212) 20-16-12, e-mail: rksorokinctr@mail.ru